

КИР ВЕЛИКИЙ

Жерар
Узраэль

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

История Кира II или Кира Великого, быть может, самого привлекательного героя Древнего мира, покорителя Вавилона, известна нам благодаря источникам, часто противоречивым, сомнительным и даже мифическим. Тем ценнее выглядит работа французского исследователя Жерара Израэля, который, сопоставляя разнообразные материалы эпохи, сумел убедительно показать весьма заметную роль персидского владыки в политической и духовной жизни Древнего Востока.

Этот царь маленького государства Аншан завоевал во второй половине VI века до н. э. необъятные земли от Средиземного моря до Персидского залива, от берегов Сырдарьи до Нила, пытаясь установить на них прочный мир, объявив столкновения между народами нарушением божественной воли. Он на практике применил принципы свободы, заложенные в зороастризме, а иудеям, сосланным в Вавилон, позволил вернуться в свою страну.

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1158

(958)

Ouvrage publi  avec l'aide du Minist re fran ais charg  de la Culture — Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра

	книги)
--	--------

<i>Перевод осуществлен по изданию:</i>
--

Gerard Israël. Cyrus le Grand. Fondateur de l'Empire perse. Paris, Librairie Artheme Fayard, 1987

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [Глава V](#)
- [Глава](#)
- [Эпилог](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИРА ВЕЛИКОГО](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)

- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)

Израэль Жерар

КИР ВЕЛИКИЙ

Жерар Узраэль

КИР ВЕЛИКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2006

*Жене моей, незаменимой помощнице в создании
этой книги, с благодарностью посвящаю*

ВВЕДЕНИЕ

История Кира II, или Кира Великого, быть может, самого привлекательного героя Древнего мира, освободителя народов, известна нам благодаря источникам, часто противоречивым, сомнительным и даже мифическим.

Авторы надписей, как правило, клинописных, сделанных на трех языках — древнеперсидском, арамейском и аккадском, ссылаются на события, описывая их в апологетическом стиле, свойственном властям предержащим и их льстецам. Тем не менее эти тексты имеют определенное значение, так как связаны с историческими фактами и с той оценкой, которую дали им авторы, люди, начертавшие на глине или написавшие на пергаменте назидательное послание современникам.

Так, анналы Синаххериба, Ашшурбанипала и многих других царей Ассирии, хроники Навуходоносора и Набонида, этих двух последних великих вавилонских царей, цилиндр Кира с надписью, сделанной после взятия Вавилона, считаются наиболее достоверными документами, несмотря на то, что их отрывочный характер не позволяет историку восстановить прошлое в полном объеме.

Вещественные памятники, обнаруженные за последнюю сотню лет энтузиастами-археологами, также позволяют лучше понять мысли и чаяния правителей, а также нравы общества той эпохи.

Не будем пренебрегать и свидетельствами древнегреческих историков. Хотя жили они гораздо позднее описываемых событий, однако и Геродот, грек, родившийся в Малой Азии в период персидского владычества, истинный «отец истории», а за ним и другие авторы: Ксенофонт, Ктесий, Страбон, Николай Дамасский, Диодор Сицилийский, а также вавилонский жрец Берос, — откликнулись на события, о которых им рассказали современники, получившие сведения уже из вторых или третьих уст от купцов, сказителей, писцов.

Сами по себе историки Античности строго придерживались услышанного ими от других, но все же и они грешат некоторым искажением исторической правды, вызванным главным образом хронологической отдаленностью событий, предрассудками и меняющимися политическими условиями. Так что и Геродот, и те, кто жил после него, пользовались информацией, в которой тесно переплелись история и миф, создавая сложную традицию, главной целью которой было

удовлетворение любопытства их современников ко всему, что было необычно или ново.

Другим источником, более разнообразным, более богатым и легендарным стала Библия. В первую очередь это библейское *повествование*, охватывающее эпоху протяженностью около двух тысяч лет, начиная с Авраама и до рождения Кира, и включающее в себя освобождение избранного народа от языческой веры; затем — *хроники*, описывающие события в теолого-политическом смысле; и, наконец, — *пророчества*^[1]. В отличие от магов и прочих прорицателей пророки не предсказывают будущее, а призывают его в соответствии со своим даром по обету. Как невольные свидетели, они «видят», не понимая настоящего, важнейшие события для судьбы своих современников и предостерегают их. *Повествование*, *хроника* и *пророчество* становятся затем объектом неисторичной интерпретации, основанной на особом веровании, древнееврейском монотеизме. Так выражается предание, внешне имеющее мало общего с историческими фактами в чистом виде, но освещающее их достаточно, чтобы придать им порой значение, очень близкое к их первоначальному истинному смыслу.

Следовательно, описание жизни Кира II основывается на толковании легенд и порою заставляет нас принимать легенду или миф за составную часть и источник истории.

Разумеется, в рассказе, представляющем, как «на сцене», жизнь Кира, невозможно сравнивать теории, упоминать тот или иной исторический труд и сопоставлять его с мнениями других авторов. Надо было делать выбор, принимать ту или иную линию, даже если порой при этом приходилось упоминать в примечаниях какие-то положения, которые мы не включили в ткань рассказа. Надо было представить жизнь Кира в виде перспективы; глава I этой книги, посвященная царям Ниневии и властителям Вавилона, помещает Кира II в контекст культурной и религиозной жизни, царившей в конце VII века до н. э., незадолго до того, как персы, руководимые ахеменидскими владыками, оказались вовлеченными в безумный вихрь, разбросавший их по углам мира той эпохи.

Так что некоторые события, описанные здесь, не всегда кажутся правдоподобными. Впрочем, на протяжении веков цари и летописцы считали эти описания истинными и, основываясь на своих убеждениях, порою делали выбор, имеющий решающее значение для судеб тысяч людей. В какой-то мере мы тоже попытались так сделать... сознавая, конечно, всю разницу масштабов!

Все даты, приводимые в этой книге, относятся к событиям, произошедшим до нашей эры. Так что система отсчета дат происходит в убывающем порядке. Мы не сочли нужным утяжелять текст, прибавляя к каждой дате: до Рождества Христова.

Пролог

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ПЕРЕЛОМЕ

Прежде всего — место действия: засушливая, выжженная солнцем земля под раскаленным небосводом; непрерывная череда гор и долин; большие и малые реки — эти безумные потоки, рыскающие в поисках своей дороги к морю; одним словом — бесконечная равнина с почвой, потрескавшейся от зноя; шум ветра с севера или востока, как непрерывное загадочное рычание, доносящееся откуда-то издалека, с заснеженных гор, а может быть, из глубины недр; бесконечно повторяющиеся бури, нарушающие тишину природы.

В самом начале первого тысячелетия до нашей эры пришедшие с севера и с востока арии захватили этот край, позже названный в их честь Ираном. Не были они ни расой, ни этносом, ни народом, ни нацией, а лишь людьми, попавшими в ловушку к многочисленному враждебному окружению, лишенными надежды и каких-либо средств к существованию.

Далекий край, откуда бежали эти люди (так называемое «арийское пространство»), затерявшийся в глубине азиатского континента и отрезанный от остального мира, находился где-то среди высочайших гор Гиндукуша. Отсюда дорога вела на «крышу мира», отсюда люди видели, как солнце садится за горы Урала, а на юге возвышается Кавказ, словно гигантский барьер, оставивший узкий проход на запад, к землям, позже названным Европой, и на юг, за бескрайнее плоскогорье между вершинами Эльбурса и нагорьем Загрос, к той странной равнине, что пролегла между двумя великими реками и получила название Месопотамия, где, кажется, собрались все блага природы: вода, мягкий климат, пастбища, обилие чудодейственного солнца.

В этом новом для них мире они постепенно приучились к необычной, но более легкой жизни. Однако инстинктивная тяга к миграции толкала этих людей все дальше на запад, до края земли, словно они шли вслед за солнцем, совершающим ежедневный свой путь, чей свет они обожествляли.

А еще дальше на западе, между неведомыми морями, распластались под солнцем бескрайние пустыни, искореженные жарой, словно приготовившиеся взорваться, превратиться в гигантские песчаные

фонтаны, уносимые разрушительным ветром, налетающим неведомо откуда.

Здесь иные люди, раздавленные пылающим жаром небес и вместе с тем вечно ищущие хоть какой-нибудь признак жизни, будь то сухая былинка или глоток воды, странным образом боролись за выживание. Странность эта была сродни таинственному свету луны, необычному движению холодного светила по небосводу. Люди жили по лунному календарю, и звездное черное небо с частыми метеорами отсчитывало ритм их истории. Это были семиты — не раса, не этнос, не нация, не народ, а люди, ищущие укрытия, отчаянно борющиеся за жизнь, за продвижение вперед. Они шли на восток и на север, в ту сторону, где были горы, вода, дожди. Они тоже верили: тот край, что лежит между двумя весело журчащими великими реками, есть земля спасения, способная их прокормить.

Между ариями, за несколько веков захватившими обитаемый универсум, и семитами, кружившими в пределах своего горизонта, испокон веков жили другие народы, которые представляли местное население Азии. В результате войн, побед и разумного сосуществования возникали временные союзы или объединенные царства без династий. Так постепенно создавался мир на этой части земли.

Итак, есть место действия. Были люди. Нужна была власть.

В начале VII века^[2] весь этот регион делили между собой четыре великие империи, достигшие политического равновесия. Севером Месопотамии владела агрессивная Ассирия с имперскими амбициями, а на юге царила Нововавилонская империя, наследница тысячелетней цивилизации Аккада и Шумера. Между Ниневией и Вавилоном, столицами этих стран, происходили жестокие столкновения, порождавшие ответную месть, но были и проявления близости, тяга к компромиссам, общность культурного и религиозного идеала. Незадолго до начала бурного периода, о котором пойдет речь, когда Ассирия была более воинственной, а в Вавилонии были больше развиты духовные богатства, обе державы примирились, и между ними некоторое время царило согласие. Севернее их, на полуострове Малая Азия, находилось царство Лидия, где правила династия Мермнадов, безмятежно пользуясь выгодой своего экономического положения во благо свое и населения, перебравшегося из Греции и расселившегося на азиатском побережье Средиземного моря.

Далеко на востоке, на высоком Иранском нагорье, защищенном от набегов кочевников высокими горами, вокруг столицы-крепости Экбатаны проживали мидяне. Их цари давно мечтали объединить все арийские

племена, и древние, и те, что пришли недавно, в политический союз, который позволил бы оградить царство от набегов ассирийцев.

Ассирия, Вавилония, Лидия и Мидия меньше всего заботились о судьбе прежних царств Маны, Урарту или Фригии, унесенных ветром истории подобно тому, как был низведен до роли третьестепенной державы древний и славный Элам с его великолепной столицей Сузами...

Арийское племя, обосновавшееся на склонах гор, господствовавших над Сузианской долиной, имело своим главным городом Пасаргады. Вождю этого племени, Ахемену, был присвоен титул царя Аншана, по названию гор, на которых жило племя. Пасаргады сохраняли выжидательную позицию по отношению к окружающему миру. Казалось, этот народ ждал часа, когда сможет перевернуть весь восток, отцы и матери воспитывали в детях качества, проверенные веками: готовность к лишениям, строгую мораль, нетерпимость ко лжи и, что странно для того времени, уважение к другим людям.

В середине VI века Кир, царь Аншана, мечтая завоевать весь мир, покинул столицу и увлек за собой всех ариев, живших на землях, получивших общее название — Персия. Правители, царившие в соседней могучей Мидии, в богатой Лидии, в загадочном Вавилоне и даже свергнутые князья Ассирийской империи, разгромленной как по волшебству за несколько лет до этого, с удивленной улыбкой отнеслись к этому новому предводителю клана «пожирателей фисташек, запивающих их водою». И действительно, человек, начавший так свой взлет, не слыл до этого великим завоевателем, как остальные...

После первой же победы над мидянами Кир проникся уверенностью, что ему предстоит объединить весь мир, создать всемирную империю, нечто «целое», и предоставить каждому народу право оставаться самим собою. Этот царь маленького государства Аншан собирался установить на необъятных землях от Средиземного моря до Персидского залива, от берегов Сырдарьи до Нила такой строй, при котором каждый народ получит благосостояние, милость богов, уважение окружающих, а главное — мир.

Во все времена, особенно под влиянием ассирийцев, власти предрежающие считали войну обязанностью, предписанной богами. Правители империй вели войны для расширения пределов своего царства, дабы увеличить могущество своих богов или чтобы доказать свою военную мощь, полученную по милости божества; периоды затишья они рассматривали лишь как привалы, необходимые для перестройки своих сил или для поиска повода вновь двинуть вперед свои войска.

Уже при Кире и после него, при его ахеменидских последователях, война перестала рассматриваться как религиозный ритуал. Столкновения между народами считались нарушениями божественной воли: Ормузд (Ахурамазда), великий бог персов, создал человека и мир для человека.

А кто, по мнению царя, должен пользоваться этим единством всего мира и всеобщего покоя? Шла ли речь только об удовлетворении божественной воли? Или речь идет также об объединении людей в великой империи, что умиротворило бы тем самым гордыню наций?

До установления Персидского царства никогда не вставал вопрос о человеке вне его принадлежности к обществу, в котором он жил. В месопотамских цивилизациях голос отдельного человека мог быть услышан, если это была жертва, а черты лица появлялись в произведениях искусства лишь на портретах властителей и их приближенных. Как заметил Роман Гиршман, страдания смертельно раненных животных выражены в произведениях ассирийских художников с большей силой, чем страдания людей, добывающих себе пропитание или сражающихся на поле боя, защищая интересы их господ, чье могущество, разумеется, угодно богам.

Жители Месопотамии, будь то рабы или свободные люди, подчинялись закону традиционного превосходства, основанному на земельной собственности или на военной иерархии. И рабы, и свободные люди использовались на работах по возведению храмов и дворцов во славу монарха. Их также забирали в армию, а ее задачей было распространить в мире власть царя.

Гнет божественных сил, давивший на плечи человека две с половиной тысячи лет тому назад, был и тяжелее и таинственнее, чем тот, что испытывали подданные политической власти. Все сферы человеческой деятельности имели своих богов. Общаясь с природой, человек на каждом шагу сталкивался с каким-нибудь божеством: бог воды, бог земли, бог растений, бог ветра, бог бурь, бог дождя, бог огня. А когда он с мольбой и надеждой поднимал голову к небу, то сталкивался с внеземными божествами, далекими, но намного более могучими, от которых человек чувствовал себя еще более ничтожным: солнце, луна, планеты, звезды, молнии, гром, и у каждого явления был свой бог.

Кроме всего этого бесконечного пантеона, составляющего их окружение, люди той эпохи были подданными династических божеств. Цари, их повелители, были посланцами богов и сами по себе — божества, они требовали удвоенной преданности по отношению к себе, поскольку могли точно судить о поведении своих подданных...

Люди так были заняты борьбой за выживание, что не успевали

вглядеться в самих себя и окружение, в котором жили. Их политическое, экономическое и религиозное подчинение делало из них существа, лишенные подлинной жизни...

В начале VI века по сути дела ничего не изменилось. Однако похоже было, что такие цари Вавилона, как Навуходоносор, по примеру своего далекого предшественника Хаммурапи, провозгласившего свод законов, начали понимать, что каждый из людей — человек. Конечно, перед лицом политической власти житель Месопотамии был обязан всегда соблюдать покорность. Но мало-помалу стала пробивать себе дорогу мысль о необходимости индивидуальной целесообразности царских деяний. Еще очень далеко было до желания обеспечить счастье людей, но за неоспоримой властью владыки, жрецов и купеческой верхушки уже просматривалось робкое присутствие индивидуального сознания, способного оценивать окружающее и питать надежды. Все указывает, что именно тогда появился первый проблеск в умах людей о возможности их собственного освобождения.

Во всяком случае, Кир был современником этой перемены в сознании.

Этот перс появился на Ближнем Востоке, как мы уже сказали, не только со своей политической идеей создать империю, объединяющую всех людей, но и со своим пониманием божества, весьма отличающимся от того, которого придерживались большинство его современников.

На заре того же VI века, незадолго до установления власти Ахеменидов, по земле арийской бродил некий прорицатель, проповедующий справедливость и освобождение людей; он порвал завесу тьмы, назвав Ормузда создателем благой идеи, который «первым наполнил светом благословенные пространства» — это был Заратуштра. Человек, реформировавший первоначальную религию ариев, требовал уважать жизнь животных и осуждал кровавые жертвоприношения. Благодаря учению своего нового жреца Ахурамазда (Ормузд) становился всеобщим богом, и естественным, и метафизическим одновременно. Постепенно благодаря Заратуштре возник новый духовный очаг, привлекавший к себе одного за другим деятелей империи, создаваемой Киром и его последователями, которые словно подчинялись плану, задуманному без их ведома новым загадочным оракулом маздеизма...

Однако за много лет до возникновения династии Ахеменидов уже существовал другой очаг духовной революции: за семь веков до выхода персов из своих горных границ некий семитский народ совершал бегство из Египта. Ведомый своим предводителем Моисеем, он получил в пустыне, где царил бог Луны, откровение единого Бога, создателя неба и земли,

провозгласившего устами избранного им народа моральный и духовный закон, высшей целью которого было освобождение человека.

Неизвестно, знал ли Кир Великий учение Заратуштры. Также неизвестно, признал ли великий перс в боге древних евреев единственного Творца Вселенной. Но наверняка известно, что Ахеменид применил на практике принципы свободы, сформулированные Заратуштрой, и что он позволил иудеям, сосланным в Вавилон, вернуться в свою страну, словно он действительно верил, что их бог только для этого дал ему возможность построить империю.

В эпоху Кира такой настрой умов к монотеизму начинал утверждаться среди народов Востока как результат духовного созревания их морали. Предугаданное Заратуштрой и провозглашенное Моисеем божественное единство, исключительная роль бога-творца прямо вели к идее персонифицированного бога, который наилучшим образом отвечал чаяниям людей той эпохи и того региона, загадочного Востока...

И в пределах своей империи, сам того не ожидая, Кир обнаружил проявления нового мышления, направленного на определение области идей, где боги уже не занимали главное место, это была положительная, рациональная идеология. Греки ионийских городов продолжали вместе со своими философами размышлять о природе. Они старались уточнить ее значение, не прибегая к мифам, согласно которым, например, у ветра должен быть свой бог так же, как у дождя, облаков, луговых трав и горных потоков. Эти философы не желали отдавать силы природы под владычество отдельных божеств. Еще категоричнее выступали они против того, чтобы происходившие у них на глазах физические явления приписывались воле людей, которым якобы подчиняются не только другие люди, но и силы природы. Конечно, никто из греческих мыслителей не рискнул бы отрицать важность или могущество божеств, но уже сам факт составления перечня знаний, не зависящих от трансцендентального вмешательства, был настоящей революцией. Так родилась абстрактная мысль, отрицающая подчинение физических явлений неким божествам.

Это не значит, что мудрецы из Милета или из других городов Малой Азии исключали необходимость искать за явлениями природы первоначальный принцип всего, некий невидимый задний план, нечто противостоящее естественному миру. Философы эти, казалось, готовы были потом вернуться к мифам, словно у них была ностальгия по возвышенному объяснению божественного происхождения Вселенной. Ведь и Фалес, и Пифагор, и Гераклит и многие другие, родившиеся или жившие в колониях на берегах Лидии, пытались отделить явления,

свойственные природе и объясняемые особыми причинами, от мира мышления и религии, необходимого для сплочения всего здания, но не имеющего физической связи с ним.

Возможно, Кир и не заметил эту двойную революцию в греческой досократовской философии, ведь он был занят прежде всего политической организацией своей империи, а не умозрительными поисками теории познания. Великий царь, мечтавший о всемирной империи, был полностью поглощен поисками объединяющего принципа, не желая при этом прерывать связь между природой и божественными силами, связь, которую всегда признавала та цивилизация, к которой он принадлежал.

Киру, с его политической миссией, была бы ближе идея организации греческого полиса, о которой мечтали такие философы, как Солон афинский. Они начали применять на практике свои идеи еще до того, как внушили их жителям городов Малой Азии. По существу, греческий полис позволял оторвать политический строй от организации космоса, что делало более человеческой общественную систему и, следовательно, более доступной для рационального объяснения.

Тотальная империя, о которой мечтал Кир, в политическом плане очень походила на греческий полис. Но все же эти два проекта существенно различались. Кир представлял себе организацию мира вокруг просвещенного монарха как божественного орудия, действующего в соответствии с высшим принципом в отличие от греческой концепции, более связанной со временем и с человеческим фактором.

Такая встреча между полисом греков и всемирной империей Ахеменидов не состоялась ни при Кире, ни при его продолжателях, хотя они и захватили часть заселенной греками Европы. Роль человека виделась очень по-разному в этих двух политических системах: у греков она представлялась во всем своем величии, а у персов ее почти не замечали. Преклонение греков перед человеческой личностью намного опережало свое время по сравнению с восточными колебаниями и сомнениями в отношении роли индивидуума.

Зато ассиро-вавилонские религии, учение Заратуштры и даже верования древних евреев привели Восток VI века именно к тому уровню духовной озабоченности, от которой греки так хотели избавиться, в частности, предоставив природе большую и положительную роль, уделив главное свое внимание заботам политическим и социальным. Греки начали внедрять эту человеческую философию, которую восточные люди и в особенности Кир, возможно, интуитивно почувствовали. Персы обладали ключами от религиозных знаний, необходимость приобретения которых

греки ощущали, хотя и старались преодолеть их с помощью разума.

На европейском побережье и в сердце Азии, в самых отдаленных уголках восточного мира, испытывая на себе непонятное ему давление духовных и естественных сил, в этом удивительном VI веке человек начинает ощущать смутную тягу к освобождению и к новому политическому строю, выраженному в идее полиса и в идее всемирной империи, чувствуя предзнаменование собственной свободы, словно ожидая момента своего выхода на сцену. Но человек еще колеблется между бунтом и покорностью. Он, быть может, уже знает, что ему надо понять окружающий мир, как обещание освобождения.

Во времена Кира Великого на севере и юге, на востоке и западе на человека действуют силы, как бы разрывающие его между естественным политическим строем принуждения и зарождающейся идеологией, содержащей в себе семена определения своего собственного существования.

Глава I

ЦАРИ НИНЕВИИ, ЦАРИ ВАВИЛОНА

Два города: Ниневия, горделивая столица Ассирийской империи, царствующей на серебристых берегах Тигра, всех угнетающей и подавляющей; другой город — на Евфрате, в сердце древнейшей цивилизации, со всеми своими огнями, с вознесенными к небу башнями, храмами, дворцами и висячими садами, с шумной жизнью народа, не забывшего о былом величии, — Вавилон.

А третий город, раскинувшийся на холмах Иудеи, обитель Бога единого и неповторимого, с населением специфичным, пропитанным загадочными пророчествами, народом, отличающимся от других наций Востока, — Иерусалим...

Странная империя, эта Ассирия! В VII веке она простиралась от берегов Средиземного моря до Персидского залива, включая в себя часть Аравийской пустыни, горы Армении и побережье Каспия, она граничила с Египтом, страной фараонов, и с презрением попирала ступени Иранского нагорья и Средней Азии.

В середине этой огромной территории, на берегу Евфрата, раскинулся Вавилон, одновременно душа и сердце древней Аккадской империи, в то время уже покорной, но сохранившей духовное влияние; ее непобежденная гордыня время от времени пробуждалась и выливалась в сопротивление. К 688 году кроме Египта, чья столица Мемфис была, впрочем, какое-то время занята ассирийскими войсками Асархаддона, кроме нескольких мидийских и персидских племен, отброшенных в глубь иранской пустыни, не имея ни армии, ни настоящих сил, Ассирия, под безраздельной властью Ашшурбанипала, внука Синаххериба, господствовала над всем этим регионом.

Во имя бога Ашшура

Тяга ассирийцев к могуществу, как политическому, так и экономическому, была продиктована Ашшуром, богом этой страны и всего мира. Следовательно, служить ему — значит делать так, чтобы от судьбы

ассирийцев зависела судьба всей земли. Первым долгом царей, жрецов и сановников Ашшура было расширять его владения. Церемония коронации монарха не оставляла никакого сомнения на этот счет: будущий царь давал клятву «расширять пределы» империи, а после каждого похода отчитываться перед Ашшуром о достигнутых успехах и докладывать, насколько далеко раздвинулись границы божественного величия. Поистине, идеология священной войны.

Завоевание народов, попавших под ассирийское владычество, лишало их какой-либо политической роли. Все они должны были или покориться, или погибнуть, их боги должны были исчезнуть и быть заменены другими, их государственное устройство ликвидировалось в результате полного подчинения. Ведь сказал Тиглатпаласар I, один из первых царей империи, в 1100 году впервые захватив Вавилон: «На месте города оставил я руины, усеял землю трупами людей, словно были это звери лютые, предал огню города, все разрушил, ниспроверг и оставил за собою развалины, я обратил в тяжелое рабство тех, что остались в живых, и перед ними воздал благодарственные молитвы Ашшуру, моему богу и господину».

Эта тяга к разрушению и господству не оставляла никакого места мирному согласию. Ассирийская империя никогда не заключала договоров на равных с другими державами, может быть, за исключением соглашения именно с Вавилоном, около 670 года, во времена Асархаддона; Ассирийская империя никогда не соглашалась ни на какой союз: по воле бога своего она должна была владеть всей землей.

Такой режим «вечного террора» отнюдь не способствовал завоеванию этим царством симпатии оккупированных им народов. На протяжении веков, особенно в период своего расцвета, в VII веке, Ассирия жила в состоянии постоянной тревоги. Повсюду, особенно на окраинах империи, время от времени возникали очаги сопротивления. Ассирийские войска были отлично организованы и являлись настоящей закваской национального единства. Их постоянно бросали то туда, то сюда, и действовали они только методом самого грубого подавления. Естественно, что в таких условиях армия была центральным органом империи.

При Синаххерибе главной ударной силой стали боевые колесницы с лучниками; к тому времени лук стал повсеместным оружием у семитских народов. Командование армии еще не превратилось в военную касту, которая могла бы представлять опасность для монарха. Но вокруг царей Ассирии не наблюдалось никакой системы благородства по крови. Только точное исполнение обязанностей позволяло подняться выше к следующему рангу власти. Все военачальники и чиновники царства назначались и

отзывались сверху, и если порою кто-то начинал кичиться своим положением, ему быстро напоминали об эфемерном характере его успеха. Только царь имел всю полноту власти, ибо только он знал, чего хочет бог Ашшур, и потому выполнял его волю. Так, в 669 году, во время коронации юного Ашшурбанипала, все величие власти царя было выражено такими словами: «Он будет вашим царем и господином. Он может понизить сильного и поднять слабого, предать смерти того, кто заслужил казнь, и помиловать того, кого сочтет возможным. Вы будете слушать все, что он скажет, и будете выполнять все, что он прикажет. Вы не будете обращаться ни к какому другому царю или господину во вред ему».

Царь был поистине хозяином армии и радовался этому, как можно понять из слов гимна, который распевал Синаххериб, стоя на колеснице, уносившей его в бой: «Я возложил на голову тиару и корону, чтобы броситься в бой. Я весело мчался на грозной колеснице, поражающей врагов, и сердце мое пылало огнем отмщения. Могучий лук мне вручил Ашшур, а руки мои сжимали смертоносную палицу. Я смело и красиво атаковал целую армию подлых бунтарей...»

Скрытая подрывная деятельность вавилонян на юге империи мешала царям ассирийским, которые постоянно стремились к союзу со страной халдеев. Конечно, речь могла идти только о некоем протекторате или объединении под ассирийским господством. Некоторые ассирийские военные хотели, чтобы царь пошел дальше таких мер и уничтожил Вавилон, но при дворе многие были словно заколдованы Вавилоном, его культурной и общественной организованностью, его экономическим развитием и динамизмом.

В плане религиозном конкуренция между богом ассирийцев Ашшуром и главным вавилонским божеством Мардуком также создавала трудности: даже признавая некоторое первородство вавилонского бога, класс жрецов все же видел в Ашшуре национального, своего ассирийского бога, перед которым они отчитывались за свои победы и за славу Ассирии.

Отец Синаххериба, грозный Саргон II, отлично понимал опасность, какую представлял Вавилон. Вот почему он сверг царя, арамейца по происхождению, и разорил южную провинцию, не тронув при этом ее столицу. После смерти Саргона II в 705 году, когда на трон взошел Синаххериб, Меродах-баладан попытался вернуть себе власть в Вавилоне. Непокорный хотел заключить союз с царем иудейским Езекией, чей дворец в Иерусалиме он посетил за несколько лет до того и смог полюбоваться красотой его драгоценностей. Но иудей, наученный печальной судьбой, постигшей Израиль в результате нашествия Ассирии, а особенно помня

предсказание Исаяи, отказал вавилонянину в союзе. Ведь пророк сказал ему: «Выслушай слово Господа Саваофа: вот придут дни, и все, что есть в доме твоём, и что собрали отцы твои до сего дня, будет унесено в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь»^[3]. В конце концов, в 703 году Синаххериб разгромил царя Меродаха-баладана и подчинил себе горделивый Вавилон.

Опьяненный победой, ассирийский владыка по примеру отца описал разрушение города халдеев: «Город и храмы от оснований и до кровли я разрушил и предал огню; крепостную стену и укрепления, святилища богов, кирпичные и земляные пирамиды я развалил и их обломками завалил большой канал»^[4].

Затем Синаххериб покори́л народы, населявшие земли между Евфратом и горами Загрос, напал на царя Тира и дошел до Египта... По дороге вспомнил о попытках Езекии заключить союз с врагами Ассирии. И, решив отомстить Иерусалиму, в 701 году начал войну против царя Иудеи, могущество которого было невелико, но который, подобно вавилонянину, обладал бунтарским нравом.

Бегство Синаххериба

Синаххериб считал, что надо обратить в рабство всех последователей Моисея, и израильтян, и иудеев, за их шумливость и непоседливость, а главное, — потому, что дорога в Египет пролежала по прибрежной долине, которую они держали под контролем. Отец ассирийского владыки Саргон II придавал большое значение разрушению царства Израиля и видел себя главным исполнителем своего замысла. На деле ему была уготована лишь второстепенная роль. После трехлетней осады взятие Самарии практически завершил его предшественник и брат, царь Салманасар V. Саргон же выслал часть израильтян в город Раги (Рей), что у подножия горного хребта Эльбурс, а остальные рассеялись по всему востоку Малой Азии.

Синаххерибу сильно везло. Один за другим города падали к его ногам, а вражеские армии сдавались. Царю Езекии пришлось запереться в Иерусалиме и передать победителю триста талантов серебра и тридцать талантов золота, взятые им из царской казны и из имущества святого храма. Установился временный мир.

Через два года Синаххериб решил покончить с царем Иудеи, которого он подозревал в сговоре с Египтом против Ассирии. Царь ассирийский

послал к Езекии военачальника Рабсака с большим войском. Встретили его посланцы от иудейского царя, и сказал им Рабсак: «...скажите Езекии: так говорит царь великий, царь Ассирийский: что это за упование, на которое ты уповаешь? Я думаю, что это — одни пустые слова, а для войны нужны совет и сила: итак, на кого ты уповаешь, что отложился от меня? Вот ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто обопрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее!» А затем, возвысив голос, ассириец заговорил на древнееврейском языке, чтобы народ его понял: «Не слушайте Езекии, ибо так говорит царь Ассирийский: «Примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодца. Доколе я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников...» Итак, да не обольщает вас Езекия, говоря: «Господь спасет нас». Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского?»^[5]

Слова эти не дали ожидаемого результата. Однако Синаххериб, ограничившись на этот раз лишь осадой Иерусалима, решил начать войну с Египтом.

Несмотря на близость к богу Ашшуру, «царю всего божественного мира, создателю самого себя, отцу всех богов, владыке неба и земли, Господину всех богов, повелителю судеб», несмотря на множество чужеземных храмов, разрушенных его армией, несмотря на его уверенность в том, что он — посланец «бога воинств», Синаххериб никогда еще не встречался с осязаемым проявлением таинственной силы. В данном случае, оставив за собой осажденный Иерусалим, выйдя с армией к границам Египта, он получил великий шанс: заставить покориться египетского царя Сета (Шабаку) и таким образом поубавить спеси иудеям.

Синаххериб гордился своей армией. Она состояла из призванных на обязательную военную службу новобранцев, но постоянной основой ее был корпус профессиональных воинов, внушавший страх всему Востоку. Пророк Исайя так прославил силу этих солдат: «...и вот, он легко и скоро придет. Не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет; и не снимется пояс с чресл его, и не разорвется ремень у обуви его. Стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его, как вихрь. Рев его, как рев львицы; он рыкает подобно скимнам, и заревет, и схватит добычу, и унесет, и никто не отнимет...»^[6]

Царь Езекия, сидя в своем осажденном Иерусалиме, лучше, чем кто-

либо, знал, что эта армия, даже не задавая себе труд разрушить стены Священного города, непобедима. И все же он с надеждой прислушивался к странному пророчеству Исаяи. Именем Господа пророк возглашал: «Вот, Я пошлю в него [в царя ассирийцев] дух, и он услышит весть, и возвратится в землю свою, и Я поражу его мечом в земле его»^[7].

В 701 году Синаххериб направился к Египту по дороге вдоль берега моря. Он почти достиг устья Нила и расположился на ночлег против города Пелусия. По-видимому, сон его не нарушил никакой крик или иной повод для беспокойства. Но вот что донесла до нас Библия: «И случилось в ту ночь: пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все тела мертвые. И отправился, и пошел, и возвратился... царь Ассирийский, и жил в Ниневии»^[8].

Весть эта распространилась по всей земле. Через два с половиной века Геродот прибавил к этой ужасной сцене вмешательство Господа, наставшего на ассирийское войско великое множество крыс: «И вот среди ночи полевые крысы буквально заволокли вражеский лагерь, изгрызли колчаны, луки, ремни щитов, так что, проснувшись утром, противник, лишившийся оружия, был вынужден отступить, оставив в лагере множество трупов. Каменная статуя царя Сета высится ныне в храме Вулкана. Он держит в руке крысу и такую надпись: «О ты, на меня смотрящий, учись доверяться богам»»^[9].

Царь Египта Сет, преданный собственной армией, бежавший от гнева ассирийского владыки в сопровождении лишь нескольких купцов и ремесленников, видел в этой победе, завоеванной без боя, вмешательство богов, поддержавших его. Но осажденные жители Иерусалима хорошо знали, что победу эту им послал их Господь.

Синаххериб срочно покинул Пелусий. По дороге он снял осаду с Иерусалима, и его войска, не битые в сражении, бежали от иудеев, которые даже не стали их преследовать. На этот раз город иудеев не был разгромлен. Вместе со своими сыновьями, Адрамелехом и Шарецером, Синаххериб не мешкая пустился в обратный путь, в свою столицу Ниневию.

Так бежал тот, кто сам называл себя «любимцем великих богов, смелым, храбрым, расторопным пастырем народов, распорядителем людей <...> сильным, мужественным, грозным, первым среди царей воином, уничтожающим нечестивцев и преступников».

А царь Езекия увидел, как исчез с горизонта тот, кого традиция его

народа позже нарекла «секирой Божьей».

Ниневия, столица Ассирийской империи

Несмотря на бедствие, которое пережила его армия, по-видимому, ставшая жертвой эпидемии чумы, Синаххериб, вернувшись в Ниневию, вновь обрел надежду. Он, сын Саргона, вернул к жизни этот волшебный город, основанный вавилонянами и ставший к 1300 году, по воле великого Салманасара I, столицей Ассирии.

К тому времени, когда Синаххериб решил вновь сделать ее столицей, Ниневия была в полном запустении. «Стены во многих местах были проломлены, водоснабжение нарушено; Тигр, еле сдерживаемый набережными, угрожал городу наводнениями. Что касается дворца, то он превратился в развалины»^[10].

Синаххериб так описывает реставрационные работы: «Огромные медные колонны, отлитые в виде полукруглых столпов, украсили ворота дворца, опирались они на бронзовые фигуры львов. Со всех четырех сторон дворец охраняли божества в виде скульптур из серебра, меди или камня... И, наконец, рядом с дворцом был открыт большой парк... с разнообразным травяным покровом и фруктовыми деревьями. В городе были расширены площади, на улицах и прямых проспектах уложены мостовые, а сами они стали яркими, как дневной свет»^[11].

Построив два дворца, которые в случае необходимости служили крепостями, соорудив огромный акведук для жителей города, в четыре раза увеличив периметр Ниневии, Синаххериб отдыхал, утешаясь после неудачного похода на Египет и Иерусалим. В своем городе царь ассирийский чувствовал себя в безопасности: с северо-запада столицу прикрывала река Хозер, приток Тигра, с северо-востока — река Гомел, приток Заба, и цепь холмов, путь к которым преграждала большая вода в месте слияния Хозера и Тигра; в таком окружении Ниневия была неприступна... Кроме того, в тридцати километрах на юге находилась крепость Кальху, а примерно в двадцати километрах к северу — укрепленное селение Хорсабад...

Во все времена Ниневия была под покровительством богини Иштар. Царю огромной империи нравилось, что богиня отметила своей печатью судьбу того, кто господствовал над столькими народами, и это преисполняло его безмерной гордостью: «Я перестроил старые улицы,

расширил узкие и превратил столицу в город, сверкающий, как солнце... В удачный день благословенного месяца, по велению моего сердца я заложил на этом фундаменте дворец из алебаstra и кедровых бревен, привезенных из Сирии, а башню возвел в стиле ассирийском... Я восстановил дворец от основания до верха крыши, многое добавил, после чего посвятил его моему имени».

Синаххериб был достаточно умен, чтобы не забывать и город Ашшур, расположенный на Тигре, но южнее. Он поддержал его как город вечный и священный, носящий имя национального бога ассирийцев. Там возвышался во всем своем величии храм Ашшура, и царь его сохранил. Но эта столица, хотя и раскинулась на трех рукавах реки Тигр, не была достаточно защищена в случае нападения. И потом, Ниневия, менее загадочная, чем Вавилон, менее строгая, чем Иерусалим, такая же оживленная, как Мемфис в Египте или Сарды в Лидии, выглядела более независимой, что нравилось Синаххерибу, она была живым городом под маской строгости.

Да, Синаххериб имел все основания чувствовать себя счастливым в Ниневии и постепенно стал забывать загадочное происшествие возле Пелусия. Впрочем, воинственных устремлений было у него множество. Они, должно быть, и стерли из памяти жуткое нападение крыс на непобедимую армию. Кстати, ни в одной ассирийской записи это событие не упоминается. И Синаххериб мог продолжать порхать от победы к победе.

В 692 году эламиты, до этого захватившие Вавилон и поставившие у власти нового царя, бросили вызов Ассирии. Их армия, состоящая из жителей Элама, вавилонян и арамейских племен, двинулась к Ниневии. Однако славный сын Саргона одержал полную победу. Разгромив вражескую армию, он обратил в бегство царя эламитов и занял всю страну. Но ему еще предстояло покорить вавилонян, вечно готовых взбунтоваться. В низовьях Тигра, в Халуле, Синаххериб одержал новую победу, после чего пошел на Вавилон и в 698 году вторично разгромил и разграбил его.

Однако судьба могущественного ассирийского владыки была предначертана давно, еще в тот день, когда пророк Исая предсказал царю кровавый конец. В 681 году, во время молитвы в храме бога Мардука, Синаххериб был убит мечами своих сыновей, Адрамелеха и Шарецера, тех самых, что сопровождали его при отступлении из Пелусия, а потом и из Иерусалима. Так закончилась жизнь того, кому не дано было принять достойную смерть в Египте, в бою, вместе с воинами своего народа.

Ашшурбанипал, царь, обладавший чувством истории

Среди наследников Синаххериба не было по-настоящему выдающихся личностей. Никого нельзя сравнить по силе и храбрости с Саргоном или с сыном его, если не считать Ашшурбанипала, царившего с 669 по 630 год. Конечно, отец его Асархаддон был великим царем, достойным своих прославленных предшественников по силе, набожности и уму, но Ашшурбанипал, сохранив традиционную для ассирийцев тягу к угнетению, по-видимому, начал лучше понимать свою эпоху. Он сумел воспользоваться затишьем на границах и относительным смирением покоренных народов и попытался организовать империю на принципах, отличающихся от тех, что были при его предшественниках-воителях.

Асархаддон назначил своим наследником младшего сына, Ашшурбанипала. Согласно традиции царь мог выбрать из сыновей того, кто ему представлялся наиболее подходящим, чтобы занять трон. По правде говоря, он не совсем отстранил и старшего сына, Шамаш-шум-укина, которому было доверено правление важными провинциями империи, он был даже провозглашен царем Вавилона. Что касается Ашшурбанипала, тот, желая доказать, что он тоже военачальник, продолжал завоевание Египта, начатое отцом, занял Мемфис и переманил войска противника на свою сторону.

Но молодой царь уже предпринимал слабые попытки отойти от традиций ассирийских царей. Он проявил снисхождение к египетским правителям, выказывавшим, несмотря на их поражение, непокорность, простил египетского царя Нехо и даже пригласил его в Ниневию: «Я одел его в разноцветные одежды и подарил ему золотую цепь, выполненную в египетском стиле, надел ему на пальцы золотые кольца, на пояс повесил стальной кинжал с золотой рукояткой. На кинжале повелел написать имя мое и лично вручил ему это оружие. Подарил ему также колесницы, коней, мулов, чтобы совершать путешествия по своему краю».

Это не мешало Ашшурбанипалу грабить захваченные города. Заняв Фивы, второй по значимости город Египта, он увез оттуда два обелиска, стоявшие у входа в храм. Но он же способствовал возвращению в Вавилон нескольких изображений богов, увезенных в Ниневию Синаххерибом. Такая политика, сочетающая щедрость и твердость, была по вкусу царям окружающих стран. Так, властитель Лидии, Гигес, основатель династии Мермнадов, заключил договор о вассальной зависимости. Впервые в истории царь лидийский покорялся ассирийскому владыке...

Старший брат Ашшурбанипала, желая взять реванш, кончил тем, что возглавил сильную коалицию против царя ассирийского, он привлек к союзу многие арамейские племена, эламитов и вавилонян. Однажды Ашшурбанипалу приснился благожелательно относящийся к нему Син, бог Луны: «На поверхности Луны было написано: «Тех, кто замыслил зло против Ашшурбанипала, царя Ашшура, или причинил ему вред, я накажу, настав на них ужасную кончину от удара кинжалом, от падения в огненную бездну, от голода и чумы, так я лишу их жизни»».

Младший сын Асархаддона смело двинулся на Вавилон, чтобы подавить восстание. Шамаш-шум-укин, мятежный брат, чей рассудок был поврежден богом Сином, поджег свой собственный дворец и погиб в огне. Ашшурбанипал безжалостно наказал вавилонян. Памятуя о их предательстве по отношению к его деду, Синаххерибу, царь Ассирии приказал перебить большое количество жителей древнего города, сделав, таким образом, приношение душе великого царя.

Через некоторое время Ашшурбанипал пошел походом на Сузы, столицу страны Элам. Он разрушил город, вывез изображения богов и богинь вместе с их жрецами и драгоценностями. А чтобы лишить великих мертвецов Элама вечного мира, приказал осквернить их могилы. Так страна Элам была уничтожена по приказу того, в кого на время вселился разрушительный гнев его предка, столько раз побеждавшего бунтовщиков: «За месяц я полностью покорил Элам, поля не слышали там голоса человеческого и топота копыт, не слышали радостных криков».

Как ни странно, от царства Иудеи Ашшурбанипал не имел никаких неприятностей. Весь сирийско-палестинский регион пребывал в покое. Царь Манассия, сын и наследник царя Езекии, проводил по отношению к Ассирии политику подчинения своей страны, ее ассимиляции и сотрудничества. Высланный, можно сказать, добровольно, иудейский царь прожил долгое время в Ниневии, и, по-видимому, ему пришлась по вкусу ассиро-вавилонская цивилизация.

А Иерусалим все больше терял свое величие. Практически он уже не был непримиримым противником многобожия и идолопоклонства, как раньше, духовная роль его сильно пала. Город Давида переживал религиозный кризис. Всемогуству Бога иерусалимского был нанесен ущерб проявлениями симпатии, чтобы не сказать преклонения, со стороны многих иудеев по отношению к чужому богу Ниневии.

Население перенимало ассирийские обряды, а Манассия поощрял обряды и на возвышенностях позволял строить жертвенники для идолопоклонства. Царь Иудеи совершил верх гнусности: он повелел внести

в храм Соломона изображение чужеземного бога, что нарушило заповедь, выложенную в виде мозаики: «Да не будет у тебя других богов предо мной» и «Да не сотворишь образа».

Так распространялись языческие обычаи обожествления, приведшие к скрытному преследованию истинных пророков Израиля — Исайи, Наума, Софонии.

Ашшурбанипал распространил власть своей империи на все покоренные народы: бунты вавилонян и эламитов подавлены, в Иерусалиме сторонники единого Бога подвергались порицанию как люди, проявившие неверность по отношению к собственным божествам, Лидия превращена в вассала... Золотой век Ассирии ощущали все. Ниневия сияла, как факел непоколебимой цивилизации, как «столица мира», а Ашшурбанипал чувствовал себя «императором восточного мира».

У этого царя было развито чувство истории. Он не только утверждал своими походами повсеместное присутствие своей державы, он рассчитывал, что грядущие поколения не забудут славу, им завоеванную. В своем стремлении к приобретению он собрал в Ниневии все источники знания, какие были тогда в мире, и создал в своей столице первую в истории огромную библиотеку, где были собраны клинописные таблички: так называемые *Хроника первых царей Вавилона*, *Синхроническая история*, *Канон эпонимов*, письма, послания, договоры, законы, астрологические, медицинские, религиозные тексты, предсказания, обряды, псалмы и гимны, эпическая поэзия и так далее. Множество писцов аккуратно и быстро переписывали старинные тексты, дополняли и сравнивали их.

Чтобы объединить все записи, существовавшие в обширной империи, Ашшурбанипал издал точные распоряжения, о чем свидетельствует инструкция, адресованная верному слуге по имени Шадуну: «Слова царя, обращенные к Шадуну: я живу хорошо; и ты тоже живи счастливо. Когда получишь это послание, возьми с собой трех человек... образованных людей из города Борсиппа и поищите таблички, хранящиеся в их домах и в храме Эзида... Ищи ценные таблички, хранящиеся в ваших архивах, и те, которых нет в Ассирии, пришли мне. Я написал офицерам и инспекторам, никто не имеет права отказывать тебе в передаче табличек или ритуальных записей, о которых я тебе ничего не написал, но которые ты сочтешь интересными для моего дворца, заведи их и пришли мне».

Усилия по сбору информации того времени особенно ценны потому, что они исходят от военачальников, естественно, заинтересованных в увековечивании их славы и желающих также иметь и хранить информацию о славе других. Кстати, Ашшурбанипал получил хорошее образование, и

отец его позаботился о том, чтобы сын овладел наукой чтения и искусством писцов. Таким образом, он оказался на стыке, с одной стороны, традиции воинственности и насилия, которым была чужда мирная обстановка, и, с другой — некоей мудрости духовного мира, быть может, свободной от предрассудков. Широко известен барельеф, отражающий эту двойственность: царь ассирийский спокойно беседует, возможно, о мудрости, с царицей, сидя в беседке, увитой виноградом, а неподалеку висит отрубленная голова побежденного врага его, Теуммана, царя Элама. На другом фризе изображены ассирийские воины, подсчитывающие головы побежденных... Ниневия, чья роскошь посвящена богине Иштар, была верна своей покровительнице, жестокой богине войны и... любви. Но был в ассирийской столице еще и храм Набу, бога письменности. А, согласно изречению, «тот, кто овладеет наукой письма, просияет подобно солнцу».

Так продолжал царствовать Ашшурбанипал. У Ассирии не было врагов по ее масштабу, и она набирала силы, чтобы сохранять равновесие, подобающее империи, причем практически власть ее никто не оспаривал. Ниневия казалась неприступной. Ее охраняли могучие реки, так что город был защищен водной стихией. Одно из первых упоминаний о Ниневии находится в клинописном тексте XXI века, причем идеограмма, ее изображающая, выглядит, как рыба посередине города.

Согласно библейской притче, созданной спустя много лет после падения Ассирии, Иона получил доказательство того, что Ниневия уцелеет. Бог послал Иону проповедовать в этом большом городе слово Творца неба и земли. Иона испугался, что не справится с такой трудной задачей, поскольку Ниневия преклоняется только перед своими каменными божествами, во всех отношениях чуждыми его собственному верованию, он решил убежать и взобрался на борт рыбацкого судна. Оно попало в сильную бурю, Иона утонул, был проглочен морским чудовищем, затем выброшен на берег и, видимо, понял, что город, символом которого как раз и была рыба, имеет для него особое значение. Во всяком случае, пророк «увидел» будущее падение и разрушение Ниневии: «И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день, и проповедовал, говоря: «еще сорок дней, — и Ниневия будет разрушена!»»^[12]

Царь и народ Ниневии отнеслись всерьез к предсказанию и покались. Подтвердит ли Господь слова своего посланца? Иона поверил в свою миссию, он видел в спасшем его морском великане руку Бога, желающего наставить его на путь истинный. Возможно, он не понял значения своего спасения на водах, построил хижину и стал ждать разрушения города. Но Ниневию Господь не разрушил, причем не за какие-то ее заслуги, а потому

что жители ее покаяться.

Иона очень огорчился и стал жаловаться Всевышнему, прося забрать его душу, поскольку он хотел умереть, и объяснял задним числом своей побег на корабль тем, что он знал, что такое предсказание нереально. И Господь объяснил ему, что он оставил город целым потому, что в нем проживало более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, а также много домашних животных. Поэтому он решил, что жители Ниневии не намного больше знают, чем домашние животные. Не доказывает ли это прощение ассирийского города Творцом неуязвимость Ниневии? А кроме того, не проявил ли себя Господь Ионы как Владыка, охраняющий все человечество?

Были и другие иудейские пророки. Во-первых — Софония, объявивший, что Господь его «прострет руку Свою на север — и уничтожит Ассирию и обратит Нинивию в развалины, в место сухое, как пустыня»^[13]; затем был Наум, сказавший, обращаясь к властителям Ассирии: «А о тебе, Ассур, Господь определил: не будет более семени с твоим именем; из дома бога твоего истреблю истуканов и кумиров, приготовлю тебе в нем могилу, потому что ты будешь в презрении»^[14].

Однако ничто не дает основания полагать, что может появиться сила, способная грозить царству, обладающему такой большой территорией. Никакого признака слабости, ни малейшей трещины в ассирийском монолите. Никакой революционный фермент не беспокоит Вавилон и его сынов более обычного. Нет также оснований опасаться набега народностей, населяющих восточную окраину империи: мидян и эламитов, а за пределами царства — персов, только что перешедших к оседлому образу жизни. Не представляют опасности ни скифы на севере, ни египтяне, лишенные реальной силы, ни эфиопы, поселившиеся у входа в залив и на юге Египта. Ашшур-этель-илани, сын Ашшурбанипала, унаследовавший трон империи, имел все основания спокойно почивать на лаврах.

Но при дворе царей ассирийских плелись бесконечные интриги, угрожавшие вельможам, принцам, жрецам и даже женщинам. Обширные территории постоянно требовали организационных мер. По существу, целая страна управлялась как большой город, централизованным образом, без учета местных и национальных специфических черт.

И вода погубила Нинивию

В 616 году упрямые вавилоняне двинулись вверх по Евфрату, где, в среднем его течении, они издавна содержали часть своего войска. Это был скорее набег, чем наступление, и у хозяина Ниневии не было оснований рассматривать его как явную угрозу.

Однако вавилонянин, командовавший этой группой войск, был настроен крайне решительно. Ловкий деятель, «ничей сын», сумел сместить ассирийского вассала, Кандалану, и создать собственную династию; звали его Набопаласар. В нем сочетались сила и осторожность. Тонкий политик, он чувствовал, что Ассирия была колоссом на глиняных ногах. В 616 году скрытная гражданская война ослабила ассирийское могущество, и момент ему показался подходящим для свержения ига Ниневии. Ему надо было, однако, действовать осмотрительно и подыскивать союзников среди других покоренных народов.

Набопаласар знал, что мидяне недовольны своим порабощением. И хотя с вавилонянами сравнивать их было бы трудно, но эти гордые воители имели все основания взбунтоваться против своих хозяев. Их маги, соперники жрецов вавилонского бога Мардука, активно сеяли бунтарские настроения среди своих соотечественников.

Надо было воспользоваться этой ситуацией, избегая ответных действий ассирийцев: вавилоняне знали жестокость, на которую были способны хозяева Ниневии при подавлении мятежей... Киаксар, царь Мидии, сумел объединить племена скифов и персов и реорганизовал свою армию по ассирийскому образцу; движимый теми же мотивами, что и Набопаласар, он был готов выступить крупными силами при условии, что это будет решающий удар и что потери при этом не будут слишком большими.

Со своей стороны скифы, люди более импульсивные и нетерпеливые, сеяли беспокойство западнее Тигра, открывая естественный путь для нападения на Ниневию. Конечно, этот народ, пришедший из степей, захватил Мидию и поработил ее сыновей. Киаксар вернул свободу мидянам лишь после того, как перебил за одну ночь всех скифских вождей, предварительно напоив их до невменяемого состояния. Несмотря на это, новый царь скифов Арбак во время всеобщего возмущения против Ниневии согласился на союз с мидянами.

Присоединятся ли египтяне и будут ли участвовать в совместном нападении на давних своих врагов, ассирийцев? Фараон Псамметих I, опасаясь, что появится новая держава, назвал напавших на Ниневию своими врагами и послал войска на помощь ассирийцам. Однако вавилоняне не отказались от своих намерений, а только осторожно

отступили на исходные базы. В 615 году они вернулись к стенам Ашшура, но не смогли взять приступом священный город и ушли.

На следующий год мидяне вернулись в усиленном составе. Царь Киаксар взял приступом крепость Тарбицу, что находилась менее чем в пяти километрах от Ниневии, но не пошел на риск и не стал продолжать наступление на ассирийскую столицу, хоть она и была рядом. Напрасно мидяне ждали вавилонян. Халдеи не сумели достаточно быстро подняться вверх по течению реки, поэтому Киаксар отошел к Ашшуру. Там он учинил кровавую расправу; город, носящий божественное имя, был разграблен и разгромлен.

В 612 году вавилоняне вновь безуспешно атакуют Ниневию... Наконец в разгар лета того же года армии мидян, вавилонян и скифов объединились у стен «логовища львов». В их руки перешли одна за другой крепости, охраняющие подходы к городу богини Иштар. Хорсабад, крепость-дворец Саргона II, окруженный двойной стеной, был взят и разрушен.

Но стены ассирийской столицы все еще преграждали путь врагам Ассирии. А они были огромны: как писал Диодор Сицилийский, на этих стенах свободно могли разъехаться три колесницы. Общая длина их превышает пять километров, и в них насчитывается пятнадцать ворот. Синаххериб приказал продублировать наружное укрепление стеною «высотой с гору». Каждый дворец — крепость: «стены их построены из глины, это ряды кирпича-сырца, положенные друг на друга и связанные между собою только влагой, сохранившейся еще со времени сооружения стен». Но нападающие быстро нашли уязвимое место: речка Хозер пересекает город с востока на запад и впадает в Тигр...

На юге, у самой городской стены, дворец Синаххериба образует целый город внутри города. Там насчитывают более двух тысяч барельефов, самый знаменитый из которых иллюстрирует взятие Лахиша, иудейского укрепленного города, захваченного царем ассирийским после упорной борьбы. Именно там Ашшурбанипал расположил свою знаменитую библиотеку с десятками тысяч глиняных табличек. К северу, чуть поодаль от городской стены, возвышается дворец Ашшурбанипала, где на алебастровых панно изображены сцены царской охоты, подлинная хроника повседневной жизни хозяина дома.

В центре города, надежно защищенные, стояли храмы, один в честь Иштар, другой в честь Набу; они напоминали всем, что Ниневия находится под покровительством всемогущих богов. Зеленых зон было много и внутри города, и за стенами его, причем полив их осуществлялся как летом, так и зимой. Казалось, это повсеместное обилие воды, придающее Ниневии

серебристый отблеск, защищает город от врага.

А на самом деле именно вода погубила Ниневию. В разгар лета из-за неожиданного разлива реки Хозер ирригационные каналы вышли из берегов и внешние стены города, упирающиеся в берега реки, обвалились, создав бреши, в которые и устремились осаждающие. Еще весной уже имели место три битвы у стен, за пределами города. Но решающий бой произошел внутри Ниневии. Оба дворца знаменитых царей и оба храма были разграблены, а в это время за их стенами бурлила вода, почти как во время бури на море, выбросившей пророка Иону на землю Ассирии. Множество людей погибло в городе, символом которого была рыба.

Набопаласар приказал своим военачальникам преследовать беглецов. С высоты стены разрушенного города он мог спокойно созерцать масштаб своей невероятной победы и наслаждаться зрелищем: «Ассирия с давних времен господствовала над всеми народами, держа под тяжким гнетом жителей этой страны, и вот я, слабый и немощный, обратился с молитвой ко Всевышнему из всех богов и благодаря могучим силам моих богов повелителей Набу и Мардука оторвал Ассирию от страны Аккада и сверг ее иго»^[15].

Остатки ассирийской армии укрылись в городе Харране, в Северной Месопотамии, в долине Балиха. Ассирийцы извлекли урок из своего поражения и выбрали себе нового царя, Ашшур-убаллиту, который тотчас попытался организовать сопротивление в Харране, название которого означало «дорога», место перехода из северной части страны в южную ее часть.

В Харране, городе, посвященном богу Сину, владыке Луны, жил Авраам, отец которого Фарра когда-то обосновался в этом городе. Одно время это была столица Ассирии, и ее охранял храм бога Сина, построенный Ашшурбанипалом. Но каковы были шансы на выживание у ассирийского владыки вдали от Ашшура и богини Иштар? Ашшурубаллит не успел обдумать причины падения Ниневии и странного наводнения. В 610 году скифы и вавилоняне напали на Харран, без труда заняли и разрушили его. А царь Ассирии отступил в южные провинции и в конце концов остановился в Каркемише, на правом берегу Евфрата.

Опасения фараона

Перед лицом такой ситуации у Египта появлялось все больше оснований для беспокойства. Не означало ли падение Ниневии конец

гегемонии сверхдержав в этом регионе? Новый фараон Египта Нехо II, унаследовавший трон отца своего, Псамметиха I, решил прийти на помощь ассирийцам в Каркемише. Для этого ему надо было пересечь Иудею или, по крайней мере, прилегающие земли.

С тех пор как царь Иерусалима Манассия покорился ассирийцам, об иудеях в округе ничего не слышали. Новый их царь Иосия, вззошедший на престол в возрасте восьми лет, в 640 году, став взрослым, попытался под влиянием Иеремии вернуть народу национальную гордость, в частности путем обновления и освящения иерусалимского храма, предварительно очистив и украсив его. Нужно ли было Нехо опасаться этих иудеев, вечно побеждаемых ассирийцами или египтянами? Ведь, по мнению фараона, у иудеев была одна забота: содержать в своей среде бесчисленное количество «предсказателей» и пророков, пугающих и своих, и чужих людей жуткими катастрофами.

Царь Иосия, наделенный умом политика, вряд ли был доволен, что на смену ассирийскому владычеству готовилось египетское. Цари Ниневии победили царство Израиль и покорили Иудею. Они были, в глазах Иосии, самыми опасными врагами, какие только попадались на историческом пути последователей Моисея. После взятия Ниневии и падения Харрана можно было не сомневаться в крахе Ассирийской империи. Но это не должно было означать возрождения могущества Египта, в прошлом — «дома рабства» евреев. Конечно, в иное время царь Иосия скорее предпочел бы как-нибудь уклониться от противостояния Египту. Для Иосии было немыслимо тягаться с фараоном. Но победа египтян над вавилонской армией грозила возрождением Ассирии. Вот почему иудейский царь решил попытаться остановить египетские войска, продвигающиеся на север в направлении Каркемиша, где халдеи заканчивали разгром беженцев из Ниневии и Харрана.

Царь Иудеи был в восторге. Ведь ему удалось, впервые за много лет, отпраздновать по всем правилам Пасху, годовщину исхода из Египта, причем не только внутри своего царства, но и на тех землях, что остались от Израиля, где ассирийцы перебили местное население. Разве не восстановил он этой религиозной церемонией нить исторических событий и, главное, не вернул народу Авраама традицию его отцов? Разве не покончил он таким образом с языческой мерзостью предка своего, Манассии? Не избавил ли он таким образом от политического порабощения иудеев и оставшихся в живых израильтян?

Фараон Нехо II хотел урезонить бурный темперамент царя Иудеи. Во время драматического столкновения под Мегиддо, городом башен, по

дороге на Каркемиш, властитель Египта попытался остановить царя Иосию: «И послал к нему Нехао послов сказать: что мне и тебе, царь Иудейский? Не против тебя теперь иду я, но туда, где у меня война. И Бог повелел мне поспешать; не противься Богу, Который со мною, чтоб Он не погубил тебя»^[16].

Конечно, аргумент военной уместности был более убедителен. Фараон хотел внушить иудею, что цель битвы намного превосходила спорадические ссоры небольших царств, вроде Иерусалима, что Египет в данном случае выступал против целой династии и что от результата этой битвы зависела судьба всего региона. Относительная независимость, которой пользовался царь Иосия, должна была заставить его поддержать египтян, союзников греков, эфиопов и ливийцев, чтобы помогать царю ассирийскому, ослабленному варварами, пришедшими с севера, союзниками халдеев. Разумеется, политический интерес Иосии подсказывал ему никуда не двигаться.

Но заставить царя иудейского задуматься должен был бы выдвинутый фараоном аргумент теологического порядка: Нехо призывал его не противиться Богу. Какому богу? Нехо не сказал: «моему» богу или «твоему» богу, а просто «Богу», как если бы он имел в виду высшую волю Божию, некую исключительную, всевышнюю волю, удивительно напоминающую ту, которую Моисей приписывал Предвечному. Фараон добавил «Бог, Который со мною». Надо ли понимать, что в данном случае повелитель мира сего был на стороне Нехо и что именно по его велению он шел против вавилонян, чтобы спасти Ассирию? Но выполнял ли египтянин волю Божию в своих собственных интересах, как хозяин Египта? Может быть, и нет. Действительно, фараон уточнял: «чтобы Он не погубил тебя».

Таким образом, Нехо просил Иосию сойти с его пути, потому что он боролся за спасение царства Иудеи... И ссылался он также на мораль и личное отношение Иосии к воле Божьей. К тому же дело было срочное: «И Бог повелел мне поспешать». У Нехо нет времени подробнее объяснять свой план и то, как Иосия мог бы использовать его в своих интересах. Дальше в Библии мы читаем: «Но Иосия не отстранился от него, а приготовился, чтобы сразиться с ним, и не послушал слов Нехао от лица Божий»^[17].

Битва при Мегиддо была ожесточенной. В самом начале Иосия, сражавшийся на колеснице, был тяжело ранен. Он приказал, чтобы его перевезли в Иерусалим, где он и умер. Народ иудейский оплакал кончину того, кто восстановил культ Бога небесного. Но битва эта из-за своей

ожесточенности намного задержала наступление египтян. Она вынудила Нехо перестроить свои силы и, главное, задержаться в Иерусалиме, где, как он надеялся, на трон взойдет новый царь, более сговорчивый, чем Иосия.

Крушение Ассирии

Тем временем Набопаласар, царь Вавилонии, все еще бился под Каркемишем. Он тоже торопился покончить с остатками ассирийской армии. Но себя он чувствовал постаревшим. В 605 году, узнав, что египетское подкрепление неминуемо подойдет, хотя и было потеряно три года на улаживание дел с Иудеей, он решил поручить сыну командование вавилонскими армиями. Юноша по имени Навуходоносор имел все качества, необходимые, чтобы благополучно завершить операцию.

Поражение египтян на берегах Евфрата, возле Каркемиша, было полным, и принц вавилонский позволил себе такую роскошь, как преследование войск Нехо до Пелусия, что у ворот царства фараонов. Он мог бы преследовать их и до Мемфиса, и до Фив, а возможно, и до Эфиопии, так ослаблены были воины Египта, если бы не узнал о кончине своего отца, Набопаласара. Опасаясь какого-нибудь предательства, которое помешало бы ему унаследовать трон, он отправился напрямик в Вавилон и пересек пустыню за двадцать три дня. В 606 году он был признан своим народом, а через год короновался и властвовал над всей южной частью бывшего ассирийского царства.

А в Иерусалиме, несмотря на смерть Иосии, несмотря на появление новой вавилонской державы, народ праздновал окончательное падение Ниневии и конец господства Ассирии в мире. По правде говоря, никто не мог поверить в столь быстрое крушение такого могучего царства. До чего же слабыми были поначалу противники Ассирии: кочевые племена, союзники вавилонян, вечно побеждаемые армией Ниневии; поэтому народы, долгое время жившие под ассирийским господством, воспринимали новую ситуацию как результат сверхъестественного вмешательства.

Особенно ликовали жители Иерусалима, не поверившие словам фараона Нехо при Мегиддо. «Почему же, вижу Я, они оробели и обратились назад? И сильные их поражены, и бегут не оглядываясь... на севере, у реки Евфрата, они споткнутся и падут... Ибо день сей у Господа Бога Саваофа есть день отмщения, чтобы отмстить врагам Его!»^[18] — восклицает Иеремия после финальной битвы у Каркемиша. А пророк Наум

радостно объявил народу: «Так говорит Господь:... И ныне Я сокрушу ярмо его, лежащее на тебе, и узы твои разорву. А о тебе, Ассур, Господь определил: не будет более семени с твоим именем; из дома бога твоего истреблю истуканов и кумиров; приготовлю тебе в нем могилу, потому что ты будешь в презрении... Празднуй, Иудея, праздники твои, исполняй обеты твои, ибо не будет более проходить по тебе нечестивый: он совсем уничтожен... Горе городу кровей! Весь он полон обмана и убийства, не прекращается в нем грабительство... Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?»^[19]

Ниневия никогда не была заново отстроена, никогда не вернулась жизнь в ее дворцы, царские хоромы, в ее крепости, на набережные, в парки и аллеи. Исполнилось пророчество Софонии: Господь «...обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня»^[20].

Навуходоносор, новый царь Вавилона

Навуходоносор по примеру отца своего, Набопаласара, мечтал превратить Вавилон из провинциального города великой Ассирии в настоящую столицу и обеспечить древнему центру будущее, достойное его прошлого.

Прежде чем восстанавливать город, царь халдеев должен был овладеть стратегически важными пунктами, ранее занятыми войсками из Ниневии, без чего Вавилон, в свою очередь, мог оказаться колоссом на глиняных ногах. Остальная часть ассирийской территории являла собой развалины, все жители были взяты в плен или бежали со своими божествами, спасаясь от мстительного противника. Элам, стратегическое положение которого было очень важно для передвижения кочевников с севера и востока, не представлял особой угрозы. Вавилонские войска занимали равнину вокруг города Сузы, столицы Элама, а мидяне — горную страну Аншан, где обосновались кочевники — персы. По-видимому, Навуходоносору можно было не опасаться мидян, которые в какой-то степени были его союзниками. Ведь он женился на Амितिце, дочери Киаксара, царя Мидии. По правде говоря, Киаксара не интересовало то, что осталось от повергнутой Ассирии. Кроме крепости Харран, мидяне действительно не стремились захватить бескрайние просторы Ассирии.

Зато весь сирийско-палестинский регион, этот гигантский коридор

«север-юг», ограниченный на востоке пустыней, на западе — морем, заселенный непокорными и воинственными народами, представлял интерес для амбициозного Египта. Конечно, победив Нехо II в Каркемише и преследуя его до ворот Египта, Навуходоносор доказал свою мощь населению региона: финикийцам, иудеям, аммонитянам, моавитянам. Но вавилонянам мало было показать себя, им надо было хозяйствовать и управлять...

Итак, через несколько месяцев после церемонии восшествия на престол, в 604 году, Навуходоносор устремился к Аскалону, что на прибрежной равнине, на подступах к Египту. Он подчинил себе жителей города и заставил их платить дань. Какое-то время ему хотелось продолжать поход на Египет, но, в конце концов, он повернул на север и без особого труда усмирил жителей Сирийской пустыни. Теперь в руках халдеев имелась вереница укрепленных районов и стратегически важных объектов, преграждавших (пусть даже теоретически) классическую дорогу египетских нашествий.

Но Навуходоносору предстояло еще победить свой собственный народ, не трогая верований разных народностей Вавилонии, особенно оседлые арамейские племена, которые благодаря способности вавилонян ассимилировать влились в общую халдейскую массу, сохранив при этом свои обряды и своих богов. Набопаласар, в венах которого смешалась халдейская и арамейская кровь, сумел примирить эти две традиции. Навуходоносору следовало продолжать идти этим путем, устанавливая равновесие между династическими верованиями, духовной основой его державы, и широко распространенными небесными божествами, которых почитали арамеи.

Троица Мардук — Набу — Нергал была опорой национальной религии Вавилона. Мардук, создатель и хранитель вселенной, чья слава и власть не имели себе равных, связал свою судьбу с судьбой Вавилона. В этом его городе ему создали высочайший культ, как отцу всех богов. Набу, чье имя носили Навуходоносор и его отец Набопаласар, был богом памяти и знания. Наверное, новым царям Вавилонии, не имевшим царей среди предков, нравилось напоминать своим именем, что они располагают знанием, которое и дает им власть. И наконец, Нергал был богом ада, царства теней, порождающим страх в душе человека и целого народа.

Арамеи были связаны со своими братьями по расе, живущими по всему Ближнему Востоку, где, в частности в Сирии, у них были в прошлом небольшие государства, порою хорошо организованные. Они находились в постоянном контакте со многими народами этого региона, а благодаря

коммерческим способностям и ловкости арамеи завоевали некоторое влияние среди них. Язык их был широко распространен, на нем говорила ассиро-вавилонская элита, а понимали его все и в городах, и в сельской местности. Уже по одной этой причине их значение признавал даже Навуходоносор.

Кочевники в прошлом, они долгое время бродили по пустыням, обожествляли Луну, Солнце и утреннюю планету Венеру. Они почитали Сина, бога Луны в виде полумесяца, движение и форма которого претерпевали изменения; Шамаша, бога Солнца и сына Луны, обладавшего способностью сохранять жизнь, образец человеческой деятельности, поскольку он высвечивал ее причины и излучал ясность; он был великим судьей, богом справедливости и мстителем за причиненное зло; и наконец, Иштар, которая регулировала движение утренней звезды, богиню с воинственным характером и склонностью к наслаждениям, близкую к людям, приходящую на помощь, нежную, но грозную к врагам ее служителей, любящую рукопашную схватку и бои вообще.

Эта загадочная троица — Син, Шамаш, Иштар — должна была также существовать в вавилонском мире, и Навуходоносор решил восстановить храм Сина в городе Ур, храмы Шамаша в городах Сиппар и Ларса и храм богини Иштар в Уруке. Восстанавливая эти культовые здания в провинциальных городах, сын Набопаласара сохранял то равновесие, которое было так необходимо для единства его подданных.

Как и все великие завоеватели древности, Навуходоносор прежде всего старался снискать себе расположение богов тех народов, которые были соседями Вавилона. Ибо господствовать можно, лишь обеспечив себе благосклонность чужих кумиров и делая их своими союзниками. В этом смысле бог иудеев доставлял Навуходоносору немало хлопот. Как привлечь к себе Его, невидимого, вездесущего и единственного?

Однако времени на раздумья отводилось крайне мало. Стратегическая задача по-прежнему состояла в том, чтобы помешать египтянам расширять свои владения на север, угрожая халдеям. Среди финикийцев с их знаменитым городом Тиром, являющимся и наземной крепостью, и морской базой, контролирующей движение судов во всем регионе; среди моавитян, аммонитян и набатейцев, населяющих полупустынные земли, отделяющие Египет от Сирии и Иудеи и, наконец, среди Иудейского царства, способного контролировать путь на север, царь Навуходоносор должен был провести линию обороны, оказывая постоянное воздействие на население этих областей, особенно активно — в отношении наименее надежного звена, Иудеи.

Покончить с иудеями

Положение в Иерусалиме было беспокойным, а иудеи пребывали в сильном возбуждении. Царь Иудеи Иоаким допустил возвращение Святого города к языческим порядкам. Иерусалим забыл деяния Иосии, смерть которого нанесла тяжелый удар по надеждам пророков. Самый известный из них, Иеремия, и его сподвижник Варух тщетно призывали народ отказаться от чужеземных культов. Было впечатление, что только эти двое и составляли настоящую общину Израиля.

Как ни странно, но пророки не рассматривали Вавилон как противника их планов восстановить Израиль. Подчиниться Вавилону, в их глазах, было гораздо меньшим злом, чем продолжение религиозного и морального разброда, поразившего сынов Давида. Проповедуя соблюдение союза с Вавилоном, Иеремия, казалось, видел более далекое, но более надежное счастье для иудеев и их духовное будущее. Вот почему он просил Варуха переписать в книжный свиток все слова Господа, которые Он открыл ему, Иеремии, и прочесть в Иерусалиме перед народом: «Так говорил Господь: если вы не будете слушать меня и не будете поступать по Закону, какой я вам предложил, если не будете следовать словам пророков, моих слуг, которых я вам назначил и которых вы не слушаете, я поступлю с этим храмом, как поступил с храмом в Силоме, и предам этот город проклятию всех народов земли».

Услышав эти пророчества, царь Иоаким хотел убить Иеремию. Разве не предсказывал он разрушение Иерусалима, а следовательно, и победу иноземца? Однако Иеремия не был убит, так как, по утверждению народа, он лишь передавал слова Всевышнего. По правде говоря, шумливое беспокойство иудеев отражало их глубокую тревогу, отсутствие высокой национальной идеи. Иудейское царство было открыто для всякого рода авантюры.

Такое положение дел не очень тревожило Навуходоносора, во всяком случае до тех пор, пока царь Иоаким сопротивлялся «мнящим призывам сирен», в данном случае, тайным подстрекательствам Нехо II к восстанию. Но все же лучше обеспечить для себя твердую поддержку Иоакима, а с этой целью и припугнуть его немного. И вот в 602 году Навуходоносор двинулся походом на Иерусалим.

Не было ни битвы, ни настоящего сопротивления. Халдеи вошли в Иерусалим, как будто это был один из восточных городов, соглашающихся на то, чтобы ими правил новый хозяин региона. Иоаким покорился. Но

царь Вавилона, желая еще больше доказать свое превосходство, потребовал, чтобы ему отдали часть сокровищ храма, и в качестве залога доброй воли иудеев забрал золотые вазы, священные сосуды из алтарей и приказал увезти их в Вавилон. Затем он приказал евнухам своим привести «из сынов Израилевых, из рода царского и княжеского... отроков, у которых нет никакого телесного недостатка, красивых видом и понятливых для всякой науки, и разумеющих науки, и смысленных, и годных служить в чертогах царских, и научить их книгам и языку халдейскому»^[21]. Как написано в Библии, они отобрали сначала Даниила, молодого красавца, надежду Израиля, наделенного исключительным умом. И еще троих благородных юношей, преданных Богу Иерусалима: Ананию, Мисаила и Азарию.

Иоаким обещал быть верным союзу с Вавилоном. Возможно, ему казалось, что он легко отделался, когда увидел, как Навуходоносор покидает Иудею, увозя с собой часть народных сокровищ и самых лучших сынов Иудеи... Но главное было спасено. Иудея сохраняла видимость независимости, и храм остался нетронутым. Несмотря на все несчастья людей и на ослабление религиозных чувств, храм и Святая Святых оставались в глазах потомков Моисея символом свободы, если не смыслом существования Израиля.

Что же касается Навуходоносора, то он был доволен. Союз с фараоном, похоже, больше не соблазнял иудеев. Царь Вавилона достиг своей цели в Иерусалиме и благоразумно использовал княжеских заложников и священные сосуды.

Однако, несмотря на смирение Иерусалима, волнение не покидало жителей сирийско-палестинского коридора. Моавитяне и аммонитяне все еще надеялись, что Египет взорвется и в регионе возникнут очаги восстания, а главное, — что иудеи в конце концов порвут союз с Вавилоном.

Навуходоносор совершал частые налеты, пытаясь усмирить население и утвердить свое влияние. Главное для него было сохранить контроль над кочевыми племенами Сирийской пустыни. Эти бедуины, бывшие подданные ассирийцев, привыкли к независимости и чувствовали себя защищенными самим Нехо, которого они любили главным образом за то, что он был далеко от них. Навуходоносору удалось укрепить позиции вавилонян в Хамарре и Ривле. Часто совершались грабительские набеги, и население страдало от вавилонского ига.

В 601 году Навуходоносор подступил к границе Египта. Он хотел убедиться в силе армий фараона. Малые народности региона внимательно

сlediли за этой схваткой, они придавали ей символическое значение. Битва была жаркой, но определенного результата не принесла. Как явствует из вавилонских источников, цари Вавилона и Египта «схватились на поле боя и понесли и тот и другой тяжелые потери». Навуходоносор, полагая, что лобовой удар по Египту будет несвоевременным и даже бесполезным, решил, что продолжать войну не следует. Царь вавилонский предпочел направить свои войска в далекий Йемен. Оттуда он вывез баснословные сокровища и вывел целых два арабских племени, но не смог установить настоящее господство над этой страной, так как в долгом походе силы армии иссякли.

Как только в Иерусалиме узнали об отступлении вавилонян, потерпевших поражение в Йемене, смутьяны, несмотря на призывы пророков соблюдать спокойствие, стали призывать иудеев освободиться от вавилонского владычества. Иоаким решил, что он сможет наконец дать своему народу настоящую независимость, к которой он так стремился. У царя Иудеи были основания полагать, что новый фараон Псамметих II, унаследовавший трон Египта после Нехо, придет ему на помощь в случае серьезных затруднений с халдеями. А потому Иоаким отказался платить дань Навуходоносору.

В 598 году, всего через три года после первого «визита» вавилонского царя в Иерусалим, войска халдеев осадили Святой город. И атакующие, и осажденные помнили, что за сто лет до этого царь ассирийский Синаххериб пытался таким же образом взять Иерусалим. Несмотря на царившее безверие, иудеи полагали, что их Господь пошлет на вавилонян какую-нибудь беду, вроде той, что прогнала без боя царя Ниневии.

Но египтяне не пришли на помощь, и небосвод не разверзся, спасительная десница не помогла иудеям. Весной 597 года Иоаким попал в руки Навуходоносора и был казнен. Так осуществилось пророчество Иеремии: «Так говорит Господь об Иоакиме, сыне Иосии, царе Иудейском: не будут оплакивать его: «увy, брат мой!» и: «увy, сестра!» Не будут оплакивать его: «увy, государь!» и «увy, его величие!» Ослиным погребением будет он погребен: вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима»^[22]. Иоаким погиб в возрасте тридцати шести лет, процарствовав одиннадцать лет. Сын благого Иосии допустил унижение своей страны. Разве не видел он возрождения языческого культа, ослабления веры иудейской и не способствовал окончательной потере независимости страны? Разве не сделал он из Иудеи второе царство Израильское, сыны которого были навсегда разбросаны по Ассирийскому царству и по городам, населенным язычниками-чужеземцами?

Другой вопрос беспокоил элиту Иудеи. Не был ли Навуходоносор, сам того не зная, посланцем Господа, искупительной десницей Бога? «И делал он неугодное в очах Господа, Бога своего... Против него вышел Навуходоносор, царь Вавилонский...»^[23] Со своей стороны Иеремия вновь стал проповедовать необходимость для иудейского народа добровольно покориться Вавилону. Пророк не видел другого способа очистить царство от невыносимых извращений и ереси.

После взятия Иерусалима Навуходоносор не ограничился умыканием нескольких умных и обещающих юношей. Он увел закованными в кандалы более трех тысяч самых доблестных мужчин. Но не разрушил храм и не допустил разграбления Святого города. Быть может, он надеялся примирить таким образом дух этого независимого и темпераментного народа, превратить его в верного союзника в борьбе против Египта?

Проявив свою власть тем, что умертвил Иоакима, и показав свою снисходительность сохранением храма Святого города, он возвел на трон Иудеи восемнадцатилетнего Иехонию, сына казненного царя. Доказав свое политическое чувство такта восстановлением законной власти, представленной внуком святого царя Осии, Навуходоносор полагал, возможно, поставить крест на вечных требованиях иудеев.

Но Иехония, несмотря на свою молодость, воспротивился политике могущественного царя Вавилона. Тот, кого новый пророк Иезекииль несколько лет спустя назвал львенком, «...сделался молодым львом и научился ловить добычу, ел людей»^[24], отказался платить дань Вавилону. Согласно иудейской легенде, Навуходоносор, празднуя победу в Вавилоне после падения Иерусалима, вспомнил слова советников своих: «Голодный пес не даст хорошего потомства». Он сделал грубую ошибку, заменив Иоакима на молодого Иехонию. Каков отец, таков и сын!

Разъяренный, царь Вавилона опять двинулся на Иерусалим. Второй раз за срок менее полутора лет Навуходоносор вновь оказался в Иудее. Преисполненный жаждой мести, он расположился в Риале, в долине Бекаа. Согласно Талмуду, он повелел привести к нему весь суд, состоящий из семидесяти мудрецов Израиля, и потребовал, чтобы ему выдали взбунтовавшегося царя. Обещал не причинять ему зла, заверяя, что хочет просто увезти его с собой в Вавилон. Мудрецы согласились с условиями Навуходоносора, и как только он смог схватить юного царя, вавилонянин тотчас приказал отвезти Иехонию, его мать и родственников в Вавилон, где иудейского царя выставили на потеху толпе, а затем заключили в тюрьму.

Но Навуходоносор исполнил моральное обязательство не осквернять

храм и не разрушать город. Чтобы сохранить законную власть над Святым городом и над всей Иудеей, он избрал для замены царя-отца и предавшего его сына одного из братьев царя Осии, Матганию, которому он заменил имя на Седекию. Тот проявил сговорчивость и согласился платить дань Вавилону.

Но пленение Иехонии, по-видимому, показалось недостаточным, чтобы отомстить иудеям за измену. Навуходоносор принял самое радикальное решение, какое только мог придумать. В соответствии с традицией воителей той поры он приказал выслать в Вавилон десять тысяч мужчин, составляющих элиту иерусалимского общества, самых известных и самых умелых людей, кузнецов, каменщиков, художников-ремесленников, дровосеков. Среди них оказался и юный Иезекииль.

Когорта сосланных

Колонна из 10 832 сосланных растянулась длинной вереницей по дороге, ведущей в Вавилон. Конечно, маршрут не был прямым. Иначе им пришлось бы пересекать всю пустыню, а это исключалось. По-видимому, они прошли на север, в долину Евфрата, если только халдеи не повели их еще севернее, по долине Тигра, чтобы пленники, пройдя мимо руин Ниневии, увидели, во что мог быть превращен Иерусалим, если бы новый царь не согласился на условия, предъявленные победителем.

К 563 году кирка разрушителей свела на нет столицу Ассирии. Тут и там еще виднелись каменные крылатые быки, бессильные стражи былого величия Ниневии, их заносили пыль и песок, гонимые горячим ветром. Если пленникам пришлось пройти мимо «логовища львов», они наверняка подумали о необъяснимом крушении ассирийского царства и об отступлении армии, не устоявшей перед волей халдеев и мидян сбросить с себя иго Ниневии. А может быть, подумалось им, что и они могли бы в один прекрасный день свергнуть тягостное иго? Если и не стереть захватчика навсегда с лица земли, то хотя бы заставить уважать себя, жить независимой жизнью, а главное, установить культ единого Бога во всей его чистоте.

Видел ли юный Иезекииль руины Ниневии? Когда через пять лет изгнания он начал пророчествовать, то так описал небесную колесницу: «...великое облако и клубящийся огонь и сияние вокруг него. А из середины его как бы свет пламени из середины огня и из середины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был как у

человека. И у каждого — четыре лица, и у каждого из них — четыре крыла... Подобие лиц их — лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны — лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех... И смотрел я на животных, — и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их... И когда шли животные, шли и колеса... ибо дух животных был в колесах»^[25].

Не были ли эти странные существа, летевшие по небу, как сказал пророк, по воле Божьей, отголоском крылатого быка Ниневи и Вавилона? А эти колеса, не были ли они сильнее вавилонских колесниц, сопровождавших изгнанников в их походе по странам, завоеванным халдеями?

Не испытало ли на себе «видение Иезекииля» влияние космологических концепций победителей Иерусалима? Может быть, пророк хотел аутентифицировать свое видение, ссылаясь на местную культуру? Действительно, вавилоняне давно уже знали образ небесной колесницы. По их традиционным поверьям небосклон был подобием огромной круглой пещеры с двумя открывающимися воротами, одни на восток, другие на запад. Каждое утро на колеснице, влекомой дикими ослами, солнце въезжало в восточные ворота, к полудню поднималось в зенит, а вечером спускалось к западным воротам и там исчезало, а потом все повторялось. Для вавилонян пылающий диск заходящего солнца ассоциировался с колесом повозки...

Устная легенда иудаизма сохранила катастрофический, быть может, искаженный образ путешествия изгнанников. Путь иудеев был долгим и трудным. Безжалостный Навуходоносор запретил им делать остановки, даже кратковременные, опасаясь, что во время остановки иудеи сумеют организовать, чтобы умолиť своего Бога и вызвать чудо, которое могло бы их спасти. Разве иудеи не способны покаяться?

Навуходоносор успокоился лишь после того, как вереница изгнанников достигла Евфрата. Там, чтобы отпраздновать их благополучный приход, царь халдеев устроил большой праздник. Усевшись в кресле на борту своего корабля, он повелел провести перед ним по берегу реки наследников Иудейского царства, голыми и в кандалах. Затем он надорвал свитки Закона, которые изгнанники несли с собой. Повелел сделать из них мешки, наполнить их песком и заставил князей израильских нести эти мешки. Царь Вавилона приказал также певцам из иерусалимского храма исполнить перед ним священные иудейские песнопения, но, как сказано в Талмуде, музыканты не подчинились воле палачей и предпочли отгрызть себе пальцы рук или покончить с собой.

Изгнанники продолжили свой путь. По приказу Навуходоносора молодые люди несли тяжкий груз: стволы кедров из Ливана, направляемые в Вавилон. Некоторые юноши, погоняемые стражниками, тащили на себе огромные жернова.

Но вот уцелевшие добрались наконец до Вавилона. Прошли ли они огромной дорогой для процессий шириной в шестнадцать метров, ведущей к воротам Иштар и к царскому дворцу? Удалось ли им повидать скульптуры львов на голубом фоне, украшавшие стены вдоль дороги, и шестьсот изображений быков и драконов, охранявших ворота и дворец? Крепостная стена, окружавшая город, имела двадцать пять метров в ширину. Через каждые восемнадцать метров возвышались башни, настоящие бастионы внутри бастионов.

В городе было много величественных храмов и еще больше башен, которые вавилоняне устремляли в небо с незапамятных времен, как та, которую называли «дом, поддерживающий небо и землю». Дворцы и княжеские особняки, ступенями спускавшиеся к Евфрату, составляли висячие сады, где росли редкие растения.

Было ли у изгнанников достаточно сил, чтобы понять, каким необычным был этот город, преисполненный славы и силы? Надеялись ли они увидеть в этой насмешливой толпе, разглядывающей их, своих соплеменников, угнанных ранее? Быть может, кто-нибудь из иудеев вспомнил об Иеремии, призывавшем их покориться воле халдеев. Что должен был означать этот поток несчастий, обрушившихся на них? Как эта высылка в столицу идолопоклонников могла способствовать увековечению людей Израилевых, ныне оказавшихся так далеко от своего храма?

Какой жестокой ни была высылка иудеев, это был прогресс по сравнению с традиционным обращением победителей после битвы. До времен Тиглатпаласара, в XII веке, ассирийцы и вавилоняне были беспощадны. Победители убивали пленных, а их головами украшали, как трофеями, свои палатки. Первые переселения народов начались в XI веке по приказу Ашшур-нацирапала; в следующем веке их изредка применяли, и правилом они стали при Тиглатпаласаре III. Саргониды возвели в принцип этот вид подавления. И сам Саргон, и сын его, выселяя израильтян из Самарии, лишь повторяли привычные приемы царей ассирийских. Царь Навуходоносор возвел высылку в ранг установленного обычая. После прихода к власти он узаконил право на перемещение населения и даже подготовил для пленных специальные зоны.

Последний царь Иерусалима

Царь Иехония, Даниил с тремя своими друзьями, Иезекииль и лучшие люди Израиля были пленниками Вавилона, а в это время царь Иудеи Седекия пытался утвердить независимость. На четвертый год своего правления, в 594 году, чтобы хоть как-то продвинуться к своей цели, а с другой стороны, продемонстрировать халдеям верность принятым на себя союзническим обязательствам, он направился в Вавилон. Увидев мощь и роскошь горделивой столицы, униженное положение плененных соотечественников, царь Иудеи, разумеется, понял, что любое нарушение союза было бы опасным, если не самоубийственным.

И все же Седекия по возвращении в Иерусалим не стал отвергать соблазнительные предложения египтян. Сменивший Псамметиха II фараон Априй не отказался от стратегической мечты, давным-давно лелеемой Египтом: встать твердой ногою в Азии. Финикийцы тоже внимательно следили за маневрами египтян. Разве не было у этих двух народов намерений поделить господство на море? Многие другие народности, менее многочисленные, но всегда готовые повоевать, вели переговоры, затевали заговоры. Наконец все пришли к соглашению. И самый безрассудный, самый слабый из царей в этом регионе, чьи лучшие сыны находились в вавилонском плену, как и его предшественники, отказался платить дань Вавилону. Он заключил союз с Египтом и стал ждать развития событий.

Желая положить конец расколу среди союзников, а особенно покончить с Египтом, Навуходоносор вновь двинулся в поход. Свой штаб он опять расположил в Ривле, но какое-то время колебался: продолжать ли наступление до моря и расправиться с финикийским городом Тиром, или не отвлекаться на второстепенные задачи и устремиться на юг, чтобы проучить египтян? А может быть, окончательно разделаться с самыми надоедливыми, с этими иудеями и их ненормальным царем? Навуходоносор направил часть армии на осаду Тира, а сам стал обдумывать, как лучше взять Иерусалим.

«Царь вавилонский остановился на распутье, при начале двух дорог, для гадания; трясет стрелы, вопрошает терафимов, рассматривает печень»^[26]. Все оракулы предупреждали царя Вавилона, отговаривая его от нападения на Иерусалим. Но и аммонитяне, и моавитяне единодушно заявили, что иудеев покинул их бог за их грехи. Навуходоносор решил начать наступление на Иерусалим лишь после того, как во сне увидел

архангела Михаила, покровителя евреев, со связанными руками и в полном изнеможении.

И все же царь вавилонский не был спокоен. Считая, что лично для него будет более безопасным не выдвигаться в первые ряды наступающих, он поручил взятие города лучшему своему полководцу Навузардану.

Получив подкрепление от многочисленных соседей, располагая достаточными запасами провизии и оружия, жители Иерусалима спокойно наблюдали, как вавилоняне окружают их город, убежденные, что смогут продержаться до прихода войск фараона, так как у всех в памяти было поражение ассирийского царя Синаххериба.

Согласно иудейской легенде, Навуходоносор интересовался сутью верований евреев. Пока войска вавилонян брали Иерусалим в осаду, он просил израильских мудрецов, входящих в Великий суд, еще раз посетить его для беседы вне стен города. Надеясь заслужить таким образом милость к плененным ранее штурма, а может и снятие осады, суд согласился на встречу с вавилонским царем. Надев парадные одежды, мудрецы и ученые явились в лагерь Навуходоносора. Их приняли с почетом и усадили напротив царя. Тот попросил зачитать и прокомментировать Святое писание Моисея. И суд пошел навстречу пожеланию царя халдеев. Но когда читавшие дошли до тридцатой главы книги Чисел, стиха второго и последующих, Навуходоносор впал во гнев. Он велел мудрецам встать со своих сидений и сесть прямо на землю. При этом кричал: «Так это вы освободили Седекию от его обетов, мне данных!» Вавилонянину показалось, что текст, прочитанный мудрецами, оправдывает невыполнение всех обетов: «Если женщина даст обет Господу, и положит на себя зарок в доме отца своего, в юности своей... И услышит отец обет... и запретит ей, то все обеты ее и зарок, которые она возложила на душу свою, не состоятся и Господь простит ей, потому что запретил ей отец ее». Не символизирует ли эта загадочная женщина народ Израиля, а отец — не символизирует ли он Бога, чью волю сформулировал суд? Мудрецы вернулись в Иерусалим, и кольцо осады вокруг города замкнулось.

Фараон Алрий стремился выполнить союзнические обязательства по отношению к иудеям. Он двинулся по дороге на север. Халдейский полководец Навузардан тотчас решил снять осаду с Иерусалима и выступить против египтян.

В лагере иудеев царила радость. Вавилоняне потерпели поражение, теперь иудеи могли выйти из стен города, закупать продукты, вернуться к мирной жизни. Седекия ликовал вместе со своим народом... Но хотели ли египтяне добиться спасения Иерусалима? Направлялись ли они для защиты

иудеев, не было ли у них других намерений в отношении этого региона? А главное: не забыли ли они битву при Мегиддо, когда славный царь Иосия героически пытался перегородить им дорогу? Если египтяне прогонят халдеев и освободят Иерусалим от вавилонского ига, не захотят ли они навязать свои законы Иудее? Не повторится ли еще один эпизод борьбы между вавилонянами и египтянами? Не была ли готовящаяся битва подобна той, что разгорелась под Каркемишем, подобна тем, что вели между собой более тысячи лет тому назад фараоны, строители пирамид, и шумерские цари, возводившие культовые башни, зиккураты?

Иеремия не был из тех, кто радовался надежде, воодушевлявшей народ Священного города. «Не обманывайте себя, говоря: «непременно отойдут от нас халдеи», ибо они не отойдут. Если бы вы даже разбили все войско халдеев, воюющих против вас, и остались бы у них только раненые, то и те встали бы, каждый из палатки своей, и сожгли бы город сей огнем». И, чтобы покончить со всякой надеждой, пророк сказал: «Войско фараоново, которое шло к вам на помощь, возвратится в землю свою, в Египет»^[27].

Вавилонская армия еще не дошла до Газы, когда стало ясно, что генерального сражения не будет. Египтяне не проявили настойчивости и отступили к своим границам. Стоило ли спасать иудеев, если Египту угрожала кровавая битва с огромными потерями, а в случае поражения — захват его халдеями? Таким образом, перед войсками Навузардана осталась невыполненной одна задача: вернуться в Иерусалим и покончить там со всяким сопротивлением.

Иеремия продолжал предсказывать несчастья, подрывая моральный дух осажденных. Сторонники сопротивления любой ценой, иудейские военачальники пожаловались царю Седекии на поведение пророка: «Да будет этот человек предан смерти, потому что он ослабляет руки воинов и всего народа». Иеремию привели к тем, кто его осуждал, и они бросили его в яму, наполненную нечистотами. Он там мог погибнуть, но придворный евнух спас его. Едва избегнув гибели, Иеремия опять стал умолять окружающих покориться вавилонянам.

Седекия уважал Иеремию, он тайно советовался с ним, и пророк дал ему советы, полностью соответствующие тому, что он говорил публично в своих проповедях: «Если ты выйдешь к князьям царя вавилонского, то жива будет душа твоя, и этот город не будет сожжен огнем, и будешь жив, и дом твой...»^[28] Царь Иудеи поверил словам Иеремии. Но голод и болезни добивали слабейших, поэтому после стольких жертв, понесенных иудеями, Седекия не мог отступить и капитулировать.

Полтора года длилась осада. Всякая надежда покинула иудеев. Египтяне отказались помогать им. Финикийцы сами были осаждены в городе Тир. Остальные народы региона относились к ним враждебно.

«А в одиннадцатый год Седекии, в четвертый месяц, в девятый день месяца город был взят. И вошли в него все князья царя Вавилонского, и расположились в средних воротах, Нергал-Шарецер, Самгар-Нево, Сарсехим, начальник евнухов, Нергал-Шарецер, начальник магов, и все остальные князья царя Вавилонского...»^[29]

Иерусалим был повержен, сопротивление прекращено, и неприступный город оказался в руках неприятеля. На территории храма и царского дворца, на улицы и аллеи города вошли воины из другого мира, служившие чуждым божествам. Наступила тишина. Судьба иудеев резко переменилась.

Седекия бежал из столицы. В окружении сыновей и нескольких верных людей он направился к долине Иордана, где надеялся спастись от преследователей. Но Навузардан сумел догнать царя, схватил его и тотчас отправил войско иудеев в Ривлу, где находился штаб Навуходоносора. И опять царь вавилонян победил царя Иерусалима. И опять поверженным оказался монарх, которого он сам выбрал, кому доверился и кто принес ему присягу в верности. И опять пришлось наказывать за измену. Навуходоносор потребовал, чтобы на глазах отца казнили детей Седекии. Потом приказал выколоть глаза низложенному царю. Таким образом, последним, что видел Седекия, была агония его сына. Сознывая, что так пресеклась правящая династия царей Израиля, закованный в тяжелые цепи и ослепленный, побежденный Седекия был отправлен в Вавилон.

Что делать с Иерусалимом?

Навуходоносор чувствовал себя свободным от выполнения клятвы, данной им когда-то Великому суду Иерусалима: не разрушать храм. Он разрешил военачальнику Навузардану разграбить святилище, растащить остатки сокровищ, в том числе оставшуюся золотую посуду, и перебить архитектурные украшения «дома Господня». Работу сделали чисто: военачальник приказал вынести даже бронзовые колонны и все, что представляло ценность. «И тазы, и лопатки, и ножи, и ложки, и все сосуды медные, которые употреблялись при служении, взяли; и кадила, и чаши, что было золотое и что было серебряное, взял начальник

телохранителей»^[30]. И, наконец, поджег храм, приказал сжечь царский дворец, а городские стены сравнять с землей.

Затем Навузардан арестовал первосвященника Сераию и его помощника Цефанию. Надо было покончить с монархией, начатой Иосией, и со священством, вечно руководившим царями, заставляя их сопротивляться язычникам во имя Бога единого. Он схватил также и «трех, стоявших на страже у порога. И из города взял одного евнуха, который был начальствующим над людьми военными, и пять человек, предстоявших лицу царя, которые находились в городе, и писца главного в войске, записывавшего в войско народ земли, и шестьдесят человек из народа земли, находившихся в городе»^[31]. Всех их привели в Ривлу и все по приказу Навуходоносора были казнены. Наконец, Навузардан прошелся по окружающим деревням и захватил все, что осталось от живой силы Иудеи: «Оставил он только самых бедных, чтобы они пахали землю и ухаживали за виноградниками».

Однако Навуходоносор хотел сохранить хотя бы видимость некоторой самостоятельности евреев. Губернатором Иудеи он назначил потомка Давида по имени Годолия. Царствовать над остатками народа, в прошлом такого гордого, было делом нелегким. Годолия поставил себе целью поддержать призывы Иеремии к непротивлению: «Не бойтесь быть подвластными халдеям, селитесь на земле и служите царю вавилонскому, и будет хорошо вам»^[32].

Военачальник Навузардан, когда разрушался храм, оценил моральные и воинские качества иудеев и то влияние, которое оказывают на них священнослужители, поэтому решил, что у пророка Иеремии судьба должна сложиться иначе. Конечно, божественный прорицатель евреев постоянно советовал им не сопротивляться вавилонянам, и халдейский военачальник должен был отблагодарить его за это. Но Навузардан понял также, что Иеремия мог бы успокаивать народ, который намечалось отправить в Вавилон, если он будет сопровождать иудеев в чужую землю. Он послал за Иеремией и «он взял его, скованного цепями, среди прочих пленных иерусалимлян и иудеев, переселяемых в Вавилон» и обещал ему свободу, сказав: «Господь Бог твой изрек это бедствие на место сие, и навел его Господь и сделал то, что сказал; потому что вы согрешили перед Господом и не слушались гласа Его, за то и постигло вас это. Итак вот, я освобождаю тебя сегодня от цепей, которые на руках твоих. Если тебе угодно идти со мною в Вавилон — иди, и я буду иметь попечение о тебе; а если не угодно тебе идти со мною в Вавилон, — оставайся. Вот, вся земля

пред тобою; куда тебе угодно, и куда нравится идти, туда и иди»»^[33]. Иеремия отказался от заманчивого изгнания и предпочел остаться с Годолией.

Сразу после восшествия на трон Давида князь, избранный Навуходоносором, узнал, что против него готовится заговор. Но не захотел защищаться, как если бы знал, что судьба его предрешена. Через семь месяцев после восшествия Годолии на престол Измаил, человек царского рода, в присутствии десяти иудейских сановников казнил наследника царей Иудеи.

Другого выхода не было. Население думало лишь как покинуть это место, где произошло столько несчастий. Иудеи ушли из разрушенного Иерусалима. Видимо, опасаясь окончательного разрыва с Богом, они заставили Иеремию вместе с его верным спутником Варухом следовать за ними через пустыню, на юг.

И вот добровольные изгнанники направились в Египет. Но шли они не так уверенно, как идут люди в спасительную землю, а медленно, словно сомневаясь в правильности выбранного пути. Сыны Иудеи передвигались скрытно, тогда как войска Навузардана рыскали по всей пустыне в поисках беглецов. Семьсот сорок пять из них были пойманы и сосланы в Вавилон. Потерялись ли иудеи навсегда в бескрайних пустынях, окружающих несчастную родину их?

«Навуходоносор, раб мой»

В стране халдеев к изгнанникам отнеслись не так, как относятся к поверженным врагам. Им предоставили немного свободы, и довольно скоро они смогли самоорганизоваться, конечно, не так, как это делают граждане, свободные в своих действиях, а как иммигранты, слегка презираемые, но настоящего преследования не испытывающие. Им отвели земли в полусотне километров на юго-восток от Вавилона.

Территорию орошал длинный канал Хевар, один из рукавов Евфрата. Иудеи жили в селениях Тель-Мелах, Тель-Харка, Керуб-Аддан, Имма и Тель-Авив. Иммигранты принадлежали к военной и предпринимательской аристократии Иудеи, и несмотря на то, что земля была очень плодородна и надо было лишь следить за орошением ее, этих людей вовсе не привлекали полевые работы, ведь они привыкли жить в Святом городе, куда приезжало много иностранных гостей, где в каждом доме происходили долгие обсуждения новостей.

Неподалеку от тех мест, где поселили иудеев, находился большой красивый город Ниппур, который считался одним из старейших городов мира. Шумерская столица была основана за пять тысячелетий до нашей эры. Незадолго до появления изгнанников в этих местах Навуходоносор восстановил величие города, повелев снести храм в честь вавилонского бога Бела. И в городе возник некоторым образом теологический вакуум. У Ниппура было все, чтобы стать городом, сравнимым с Иерусалимом, каким он оставался в сердце иудеев. Оказавшись между Вавилоном и Ниппуром, имея возможность без особого труда отправиться в тот или другой из этих городов, не заботясь, как прежде, о своем военном величии и мощи государства, сохранив как культ свою веру в Иерусалим, иудеи порой становились привилегированными партнерами власть имущих халдеев.

Удивительные встречи устраивает иногда история: в VIII веке сыны Иудейского царства повстречали в Ниппуре немало выходцев из Самарии. Последние в 721 году прошли через испытание, подобное судьбе иудеев, и в большинстве своем были высланы в верхнюю Месопотамию или еще дальше в город Раги, неподалеку от Каспийского моря, а также в Ниппур.

В ходе того же процесса интеграции, который произошел с вновь прибывшими иудеями, самаритяне также занимали часто почитаемые посты в общественной и экономической жизни. И хотя были они сынами враждующих царств, обе группы последователей Моисея, быть может, из-за удаленности от родной земли, почувствовали родство своих корней и начали сближение внутри своей диаспоры, это было своего рода историческое примирение. Однако в отличие от иудеев израильтяне не обладали таким исключительным видением Иерусалима, чтобы вечно сохранять верность своему Богу. К тому же много израильтян судьба раскидала по необозримым просторам Азии, ибо после падения Самарии племена израильтян пустились в изнурительный поход на восток, многие пересекли иранское плато и горы Афганистана, дошли до берегов Инда и дальше до Китая. Но те, что обосновались в Вавилонии, постарались слишком не удаляться. И прибытие других последователей Авраама показалось им, несмотря на все невзгоды, предвестием грядущего возрождения...

Вот в каком контексте Иезекииль повторял пророчества Иеремии, подталкивая народ на поиск тесного единения с халдеями, на отказ от всякой идеи восстания, и предсказывал, что Иерусалим будет восстановлен. Напоминая о царе Седекии, символизирующем бесполезность сопротивления халдеям, Иезекииль повторял слова Господни: «Он презрел клятву мою, чтобы нарушить союз, и вот, дал руку свою и сделал все это;

он не уцелеет»^[34].

Таким образом, евреи должны были уважать власть Всевышнего, поставившего их в подчинение вавилонянам. Но такое положение не будет вечным, и пророк предсказал: «Я возвращу их из народов и соберу их из земель врагов их и явлю в них святость Мою пред глазами многих народов, и узнают, что Я — Господь, Бог их, когда, рассеяв их между народами, опять соберу их в землю их и не оставлю уже там ни одного из них»^[35].

Так, с самого начала переселения их в Вавилон иудеи установили разницу между своим положением и той ситуацией, в которой оказались их предки в Египте. В стране халдейской потомки Авраама были не рабами, а просто перемещенными лицами. Пророки никогда не жаловали египтян, им они всегда предпочитали ассирийцев и вавилонян: в бою последние были беспощадны, но соблюдали какое-то уважение к иудеям. На берегах Хевара, несмотря на удаленность от храма, переселенцы могли соблюдать свои верования: именно в изгнании Иезекииль увидел колесницу небесную — неопровержимое доказательство присутствия божественного начала в народе.

Однако в умах каждого возникал странный вопрос. Если пророки призывали смириться с судьбой, отведенной иудеям и израильтянам без различия их, если они настаивали на бесполезности бунта, не должны ли евреи сделать вывод, что Навуходоносор отнюдь не является их преследователем, а, наоборот, послан им как необходимое испытание? И хотя имя Навуходоносора содержит шесть слогов, означающих одновременно «победитель, строитель и тиран», но не был ли он тем помазанником, которого они так ждали? Не говорил ли Бог устами пророка Иеремии: «И ныне Я отдаю все земли сии в руки Навуходоносора, царя Вавилонского, раба Моего... И если какой народ и царство не захочет служить ему, Навуходоносор, царю Вавилонскому, и не подклонит выи своей под ярмо царя Вавилонского, — этот народ Я накажу мечом, голодом и моровою язвою, говорит Господь, доколе не истреблю их рукою его»^[36].

Если это так, как объяснить ссылку, пытки, столько вызовов божественному покровительству? А главное, — как объяснить разрушение храма, надругательство над самим именем того, кто вывел свой народ из Египта? Перед лицом всех этих вопросов иудейские священнослужители хранили молчание. Но постепенно все изгнанники прониклись сознанием, что несчастье их временно и даже если их положение с годами улучшится, Иерусалим не должен быть забыт. «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе... Там пленившие нас требовали от нас

слов песней... Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя. Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего»^[37].

При дворе царя вавилонского взятие Иерусалима, победа над иудеями, ссылка их в Ниппур были встречены как события банальные, как все прочие победы над второстепенными народами Азии. Для славы Навуходоносора значение имело только его участие в разгроме Ассирийской державы и разрушении Ниневии.

В 573 году, после тринадцати лет осады, жители Тира, неуязвимые финикийцы, наконец капитулировали. Навуходоносор жестоко расправился с царем Хирамом, незадачливым правителем Тира; кстати, последний приходился ему отчимом. Но и эта победа не воспринималась как важное событие. Навуходоносор интересовался больше усилением духовного влияния Вавилонии и развитием шумеро-аккадской цивилизации, наследником которой он являлся.

Юный Даниил вырос в непосредственном окружении царя и был известен вавилонской элите. Он был толкователем снов Навуходоносора и в этом качестве имел влияние на царя. Как гласит еврейская легенда, в Вавилоне жили три друга Даниила — Анания, Мисаил и Азария — молодые придворные, оказавшиеся заложниками в ходе первой оккупации Иерусалима; однажды Навуходоносор решил заставить их помолиться идолу одного из вавилонских богов. Когда они отказались, царь повелел бросить их в большую раскаленную печь. И потом на протяжении веков евреи будут уверять, что отроки были защищены от ожогов, воздействия жары и дыма незримым экраном и поэтому не погибли в огне. При виде этого чуда Навуходоносор стал преклоняться перед Богом Израиля, причем с таким горячим самопожертвованием, что небо специально послало ангела, чтобы остановить царя Вавилона в его порыве, дабы он не сравнялся в святости со знаменитым царем Давидом.

Для иудеев той поры и для тех, кто систематизировал устную традицию иудаизма, Навуходоносор оставался странным, необычным человеком, каким-то слепым орудием, совмещавшим в себе разрушительные импульсы и бессознательное подчинение идеям, которые превосходили его разумение.

Однако политика сохраняла главное место в жизни царя. В 568 году Навуходоносор был готов осуществить мечту своих предков и великую цель своего царствования: напасть на Египет и победить его. Но царь вавилонский начал стареть. Вот уже тридцать шесть лет, как он у власти...

И потом, разве он не добился своей цели? Падение Тира позволило ему умирить весь Восток. Сам по себе Египет не представлял сильную державу. Господствующую династию там сменил какой-то клоун, сумевший с помощью дорогостоящего бунта стать царем. Быть может, лучше не связываться с таким иллюзорным противником. Однако Навуходоносор, по-видимому, помнил о своем отступлении под Пелусием. Он, начинающий полководец, должен был срочно принять наследство своего отца, знаменитого Набопаласара, и ему пришлось кратчайшим путем возвращаться в Вавилон, чтобы овладеть скипетром. Было это в 604 году. Сколько времени прошло...

В конечном итоге речь шла скорее о победоносном налете, чем о победе. Фараон Амасис, конечно, отступил, но не был разбит или свергнут, а Навуходоносор не стал подниматься по долине Нила, не пошел на Эфиопию. Так что властитель Вавилона не повторил побед Асархаддона и Ашшурбанипала, одержанных сотней лет раньше. Однако у него сложилось впечатление, что египетская мощь существенно подорвана и наконец-то воцарилось спокойствие в его гигантской империи, простирающейся от Мидии на севере и побережья Средиземного моря, благодаря победам в Киликии, до Персидского залива и пределов Египта.

Служитель богов

Чтобы поставить последнюю точку в деле возведения замка своего величия, Навуходоносор обратился к своему городу, Вавилону. Экономические успехи, достигнутые во время его царствования во всех регионах, где господствовали халдеи, дали ему возможность заняться собственной столицей. Ливан поставлял большое количество гигантских кедров для возведения храмов и дворцов. Навуходоносор с гордостью говорил о своей роли созидателя: «Я обеспечил мир всем моим народам, и при мне они собирали неслыханный урожай зерна. Затем я перестроил дворец, царское жилище, достойное сильного народа, дом радости и счастья, куда я разрешал вход представителям всех племен. Я клал фундамент, докопавшись до глубин, где только смола и кирпичи, велел доставлять огромные кедры из великолепных лесов Ливана, используя их для покрытия, обнес дворец высокой стеной... здесь я принимал царские решения, указы... Во всем Вавилоне не было места более достойного царского жилища»^[38].

Навуходоносор украсил также центральную дорогу для религиозных

процессий длиною более трехсот метров, по обе стороны которой были возведены стены толщиной в семь метров. На этих стенах, украшенных кирпичами, покрытыми темно-синей глазурью, выступали шестьдесят львов с каждой стороны. Казалось, они сопровождают процессию, с разинутой пастью и с опущенными хвостами, бьющими воздух... Над воротами дворца видны были «изображения белых розеток на зеленом фоне, диких быков синего цвета и голубовато-серых драконов». Навуходоносор так описывает свое личное участие в царской архитектуре: «Я украсил мебель в храме Эсагила чистым золотом, корабль Мардука — драгоценными камнями, золотыми и серебряными изделиями, они сверкали, как звезды на небе. При строительстве храма мною руководило сердце мое, и я держал в голове план всего здания». Помнил ли Навуходоносор слова отца своего, царя Набопаласара, заставившего его работать вместе с каменщиками: «Я написал образ моей царской особы, несущей корзину кирпичей... А Навуходоносору, старшему и любимому сыну моему, я посылал глину и приношения в виде вина и оливкового масла»^[39].

В Вавилоне насчитывалось не менее пятидесяти святилищ, посвященных разным божествам, и архитектурные традиции хранились там с глубокой древности. Возводить башни (зиккураты) было в духе непомерной гордыни тех, кто хотел захватить место, отведенное богам, и ступенчатой постройкой облегчить их приход на землю. По правде говоря, сооружение башен выдавало глубокий страх вавилонян перед небом, ведь они боялись, что их судьба зависит от соотношения светил или от столкновений в космосе. Семитское предание представляет проект вавилонского столпотворения как безумие человека. Но эта отчаянная попытка, возможно, вдохновлялась космологическим восприятием человеческой судьбы. Не является ли Вавилонская башня призывом о помощи, обращенным к богам, своего рода рукой, протянутой к небесам? Точно так же наказание, описанное в той же легенде, смешение языков, сделавшее невозможной координацию работ, имели целью не столько доказать тщетность трудов, сколько подчеркнуть важность общения между людьми, которые, выражаясь метафорически, до строительства башни составляли один народ. Идя еще дальше, семиты полагают, что слово «Вавилон» означает не «дверь, ведущая вверх», как гласит халдейская этимология^[40], а «смешение», слово с древнееврейским корнем «блл». Смешение богов? Смешение языков? Смешение умов? Смешение политик?

Итак, Навуходоносор придал своему городскому строительству

небывалый размах. Он повелел возвести мост, соединяющий два берега Евфрата, на которых раскинулся Вавилон. Не на этих ли берегах шумеры придумали письменность, а царь Хаммурапи систематизировал двести восемьдесят два закона, составивших правила жизни общества? Изобретение письменности, запись законов, — этот город, эта страна были колоссальным резервуаром человеческой мудрости. Навуходоносор на закате дней своих мог любоваться самой удивительной столицей, которую Иеремия довольно смело сравнил с «золотой чашей в руках Всевышнего, из которой пьет и от которой хмелеет вся земля».

Согласно устному преданию евреев, опасаясь порою краха своего царства, а иногда призывая его в своих неясных мольбах, Навуходоносор претендовал на равенство с богами. Ему хотелось, чтобы облачко выглядело как нимб, доказывающий его собственную божественность; однажды ему показалось, что он превратился в зверя с головой быка и туловищем льва. Говорят еще, что он прожил семь лет среди диких животных в пустынях, окружающих столицу, и более того, что он якобы хотел передать все свои полномочия Даниилу, но тот отказался.

Халдейское же предание гласит, что, предчувствуя свою кончину, Навуходоносор поднялся на крышу своего дворца и предсказал вавилонянам близкий конец империи и даже упомянул о странном вторжении: «Придет персидский мул, а помощниками у него будут ваши собственные боги, и он обречет вас на рабство».

Несмотря на своенравный и непредсказуемый характер царя, вавилоняне славил его так же, как и бога Мардука: «Слово его твердое, его повеление неизменно; высказывания его не могут быть отменены никем из богов». Когда он был в ярости, никакой бог не мог устоять перед гневом его. Поистине Навуходоносор был свиреп и горяч, но не упрям. Он был способен как на порывы благодарности и святости, так и на приступы бешенства. Горделивый, но не лишенный истинной набожности, он умел смиряться перед божеством. Он умел также быть любящим и повелел построить висячие сады из любви к своей жене... Однако он часто проявлял жестокость, как показывает убийство детей Седекии на глазах у их отца, а также долгое заключение в тюрьме последних царей Иудеи.

Незадолго перед кончиной Навуходоносор, желая показать грядущим поколениям истинное значение своего царствования, продиктовал писцу заявление в форме завещания:

«Я, Навуходоносор, царь Вавилона, великий и могущественный, слуга бога Мардука, преклоняющийся перед богом Набу, я тот, кто выполняет загадочные предсказания, согласно культу этого божества и уважению к его

величию; тот, кто обогатил славу Вавилона и Борсиппы; служитель богов, мудрец, доверяющийся их власти, старший сын Набопаласара, царь Вавилона, я!

Я удержал в уважении к богу далекие страны, высокие горы от моря Верхнего (Средиземного) до моря Нижнего (Персидский залив); они не покидали путь послушания, тропу покорности, они не нарушали условий своего поражения и обязанности выплачивать дань. Я превратил непроходимые тропы в дороги, по которым теперь все могут ездить. Я покарал порочных людей, сделал ограду Вавилона нерушимой, чего не сделал до меня никто из предшественников, моих праотцев. Я, Навуходоносор, царь Вавилона, и меня сам Мардук, великий государь, избрал для прославления града своего Вавилона, меня!»^[41]

Сын почившего царя Амель-Мардук принял власть в тревожной атмосфере неуверенности в будущем. Новый властелин Вавилона, словно желая снискать расположение чужеземного бога, вернул полную свободу бывшему царю Иудеи, Иехонии: «В тридцать седьмой год переселения Иехонии, царя Иудейского, в двенадцатый месяц, в двадцать седьмой день месяца, Евилмеродах (Амель-Мардук), царь Вавилонский, в год своего воцарения вывел Иехонию, царя Иудейского, из дома темничного и говорил с ним дружелюбно, и поставил престол его выше престола царей, которые были у него в Вавилоне; и переменял темничные одежды его, и он всегда имел пищу у него, во все дни жизни его. И содержание его, содержание постоянное, выдаваемо было ему от царя изо дня в день, во все дни жизни его»^[42].

Евилмеродах, как говорили, подумывал даже о возвращении на трон Иудеи такого же добродетельного монарха, как бывший царь Иехония. Но Иерусалим так и не получил свободы. Город был лишен своего храма, открыт для мародеров, по улицам ходили дикие звери на глазах у немногочисленных иудейских крестьян, которые не в состоянии были защитить святое место от разорения.

Могучая некогда Ниневия, столица ассирийцев, была отдана на волю разрушителей. Столица иудеев Иерусалим больше не могла играть роль божественного обиталища. Вавилон же процветал. Навуходоносор, победитель и наследник ассирийцев, дал халдеям небывалую силу. В день кончины своей, наверное, думалось ему, что он представляет единственную в деяниях его эпохи преемственность сменяющих друг друга властителей Востока, единых в своем стремлении к власти.

Глава II

ПЕРСИДСКИЙ МУЛ

«Я — Кир, царь вселенной, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь страны Шумера и Аккада, царь четырех сторон света; сын великого царя Камбиса, царя города Аншана, внук великого царя Кира, царя города Аншана, правнук великого царя Теиспеса, царя Аншана...»^[43]

Это заявление о собственной царской персоне было сделано после того, как Кир достиг вершины славы, завоевав Вавилон, и установил мир в своем огромном царстве. Оно свидетельствует о его намерении создать мировую империю.

Провозгласив себя «царем всей земли» (формулировка, всегда относившаяся только к отцу всех богов), новый властелин региона придавал своему правлению одновременно и экуменическое, и политическое значение. В этом смысле великий царь не забывал об историческом родстве с предшественниками, как потомок Ахеменидов и основатель династии царей Аншана...

Величие Ахеменидов

Аншан, небольшое царство, откуда пошло величие Ахеменидов, находился в гористой местности, господствующей над более привлекательной равнинной Сузианой, а вместе равнинная и гористая области составляли Элам. Столица этой страны, Сузы, по своему блеску не могла равняться с Ниневией или Вавилоном, но с культурной и экономической точки зрения была первоклассным городом. Он находился на южном окончании царского пути длиной в 2400 километров. Путь этот соединял Средиземное море с Персидским заливом. В городе останавливались караваны, и это обеспечивало ему немалый доход. На протяжении веков прислонившийся к Иранскому нагорью город Сузы развивал блестящую цивилизацию, влияние которой распространилось далеко за пределы этого царства.

Аншан находился несколько в стороне, на отрогах горного хребта. Люди, жившие там, казалось, сохраняли себя как резерв истории,

придерживаясь добродетельной строгости в жизни, полной лишений. Этот бедный, но хорошо укрытый край к 700 году дал убежище мелким арийским племенам, в том числе пасаргадам, к которым относились предки Кира.

Приход воинственных кочевников со своими женами, детьми и многочисленными стадами не вызвал протеста народа Элама. Эти всадники, явившиеся неведомо откуда, скоро стали служить местным князьям, а те выделили небольшие наделы земли, где они и обосновались. Постепенно пришельцы превратились в настоящих наемников и взяли на себя охрану всего края. Но главное — благодаря эламитами жители Аншана получили доступ к культуре, ранее им неведомой. Элам стал своего рода школой для древнего воинственного народа и передал ему традиции древних цивилизаций Ассирии, Вавилона и Урарту.

Переход этих арийских племен к оседлой жизни под покровительством эламитов способствовал их развитию в направлении ожидавшей их судьбы и, главное, совершенствованию таких качеств, как гуманность и сила, что и составило их славу. Об уровне и развитии цивилизации Элама можно судить, читая описание Ашшурбанипалом города Сузы, который он разрушил в 640 году, после чего разгрому подверглась вся Сузиана, а ее население было выслано в Самарию: «Великий священный город Сузы... Я вошел во дворцы... где украшения, царские символы, воинское оружие, вся мебель дворцов была в целости... Я увез их в качестве трофеев в страну Ашшура. Я разрушил зиккурат в Сузах, построенный из кирпича и лазурита. Я сбил с него рога из сверкающей меди».

Большинство людей племени пасаргадов, не теряя контакта с долиной Сузианы и с городом Сузы, заперлись в своих крепостях. Своим предводителям они скоро присвоили титул царя Аншана. Племена организовали политический совет, который должен был координировать их отношения с другими народами и защищать общие интересы различных кланов. В 700 году пасаргады выбрали царем Аншана самого достойного из них, Ахемена. Совет, объединившийся вокруг царя, включал в себя военную знать, землевладельцев и членов его семьи.

Но для того, чтобы создать нацию, недостаточно объединить племя на определенной территории и провозгласить кого-либо царем. Приверженцы Ахемена, если они хотели пронести через всю историю силу своей идеи, должны были совершить славный, героический поступок, который позволил бы им самим назвать себя основателями царства.

В 681 году мощь Ассирии была безраздельна. А правивший в Ниневии грозный царь Синаххериб, несмотря на несколько неудач, был все же

несомненным владыкой Востока. Быть может, Ахемен решил, что для рождения народа, свободно распоряжающегося своей судьбой, надо, чтобы он выступил против самого могучего монарха своей эпохи или, по крайней мере, присоединился к тем, кто намеревался противостоять власти Ниневии. Или он думал, что необходимо схватиться врукопашную с чужеземной властью, чтобы закалить душу нарождающейся нации?

Когда Синаххериб предпринял еще одну попытку урезонить провинцию Вавилонию, эту вечную смутьянку, он встретил на своем пути целую коалицию, куда входили кроме вавилонян войска Элама, втянувшего в дело всех своих вассалов и союзников, в том числе, разумеется, пасаргадов. Противников Синаххериба оказалось столько, что их движение сравнили с нашествием саранчи. Битва разыгралась на берегах Тигра, у Халуле. Исход боев сперва был неясен, и народы, восставшие против царя Ассирии, толковали эти колебания судьбы как падение мощи Ниневии. Однако Синаххериб, прибегая к гиперболе, смело стал превозносить свою победу: «Я перерезал им глотки, как газелям на охоте, как ниточку, их перерезал, вся земля была залита кровью и завалена их внутренностями. Кони, запряженные в мою колесницу, скакали по грудь в крови, как по разлившейся реке».

В конце концов победу одержал царь Ниневии, он захватил и разрушил великий город халдеев. После этого, словно желая покончить с неприятным делом, Синаххериб вернулся назад и занял страну Элам. Но покорение Элама не означало покорения пасаргадов, они нашли убежище, как всегда, в горах Аншана. Синаххериб не считал нужным искать их, чтобы утолить жажду мщения, которая, кстати, была не так уж велика. Несмотря на поражение, верные воины Ахемена еще имели все основания сыграть свою роль в международной политике. Царь Аншана, победивший властителя Ниневии тем, что ушел от разгрома, заслужил, чтобы имя его перешло к его потомкам. Так родилась династия Ахеменидов.

Переселения ариев

Движение арийских племен началось в III тысячелетии до нашей эры.

Те, кто пошел на запад, нашли там пространство, которое потом получит название Европы (по имени дочери легендарного финикийского царя Агенора); постепенно этот континент станет колыбелью несравненной цивилизации в истории человечества. Те же, кто двинулся на восток и юго-восток, прошли между Каспийским и Аральским морями, перешли через

горы Бактрии, дошли до Инда и заселили обширный полуостров, именуемый ныне Индостаном. И наконец, другие обогнули Каспийское море и...

Эти арии разделились: одни пошли на запад вдоль южного берега Каспия и распространились в Малой Азии, в горах Армении и далее — в стране хеттов; другие, продолжая движение вдоль моря, затем — на юг, дали рождение царству мидян, а через несколько веков построили свою столицу — Экбатану; кстати, слово это означает «место сбора». Те же, кто пошел вдоль восточного берега, пересекли Гирканию и вышли также на Иранское нагорье.

Эти племена оказались в своеобразной географической ловушке. Расположенная между Каспийским морем на севере и Персидским заливом на юге, эта огромная возвышенность являет собой треугольник, замкнутый высокими горами. На западе хребты Загроса простираются более чем на тысячу километров вдоль и на двести километров в ширину. На севере горная цепь Эльбурс с главной вершиной в 5671 метр переходит в горы Хорасана. И наконец, на юге Мукранский береговой хребет уходит к Персидскому заливу, а другим концом — к Белуджистану. Таким образом, Иранское нагорье напоминает высоко расположенную крепость, защищенную недоступными горами и отрезанную от прочего мира. Однако в горах Загроса есть выступ, позволяющий выйти в долины Междуречья. На протяжении веков через этот проход прорывались захватчики, в частности арии, которым удавалось захватить поля и равнины в Месопотамии.

Впрочем, и внутри плато, и за его пределами могла существовать организованная, хоть и трудная жизнь, в частности на равнине Сузианы, где расположились пасаргады. В таком негостеприимном окружении новые пришельцы с высот отрогов Аншана скоро стали поглядывать на богатые долины Междуречья.

Эти народности арийского происхождения прибывали волнами с конца III и до I тысячелетия до нашей эры. Обосновавшись в регионах с различными запасами ресурсов, захватив в своем потоке другие племена, эти народности представляли сложную смесь племен, имеющих, впрочем, сходный образ жизни и верований. Но довольно скоро их политические интересы стали расходиться. В отличие от первых ариев те, что пришли в начале IX века, испытали порою очень серьезную враждебность народов, осевших ранее их в долинах и на склонах гор. Так случилось с мидянами, занимавшими вокруг своей столицы Экбатаны (современный Хамадан) обширную территорию, доходящую на востоке до Демавенда и до пределов

центральной пустыни Ирана. Таким же образом целый ряд племен, в том числе пасаргады, пришли из Урарту, с берегов озера Урмия, из региона Парсуа и поселились южнее, в Аншане и Персиде. Среди тех, кто пришел последними на азиатский Восток, были скифы и киммерийцы, захватившие северные районы Ассирии у границ с царством Урарту.

Все эти завоеватели двинулись с Кавказа не только в поисках земли и пастбищ, но и в надежде поживиться за счет чужого добра и богатств. Их нападения одно за другим совершались из района севернее озера Урмия, между Каспийским морем и озером Ван. Мелкие соседние царства пытались сопротивляться этим нашествиям, так же как и могучая Ассирия, которая вела время от времени войны против этих народов. Впрочем, между Ниневией и кочевниками-ариями порою устанавливалось даже сотрудничество. Но проводить постоянную политику по отношению к этим кочевым племенам для ассирийцев было очень трудно.

Племена скифов кочевали на огромной территории от Аральского моря до Дуная. Они пили кумыс и передвигались на новые пастбища в кибитках, домиках на колесах. Это были отличные наездники, они мастерски владели луком и коротким скифским мечом (акинаком), скальпировали врагов, а из их черепов делали чаши, чтобы пить из них кровь своих жертв. Поклонялись богу войны и обожествляли огонь, но настоящего культа у них не было, так как ни храмов, ни изображений божеств они не имели. Ассирийцы называли их женоподобным народом, поскольку их колдуны носили женскую одежду и говорили высоким голосом. Но Иеремия считал, что это «народ сильный, народ древний... Колчан его — как открытый фоб; все они — люди храбрые»^[44].

Что касается киммерийцев, про них говорили, что живут они на краю света, в том месте, где «солнце не блесит». Гомер в «Одиссее» поясняет, что это жители окраины Европы, погруженной во тьму. На самом деле пришли они с Урала и в начале I тысячелетия заселили Северное Причерноморье до Фракии, где они имели постоянные контакты со скифами.

«Я — Кир, царь, Ахеменид». Стела с гением-хранителем ворот в Пасаргадах.

Около 530 г. до н. э. Рисунок.

1.

2.

3.

1. Жилища древних персов. Реконструкция.

2. Глиняная фигурка «богини-матери». Сузы.

3. Глиняный сосуд. Тепе Сиалк. X–VIII вв. до н. э.

1.

2.

3.

1. Бронзовый votивный штандарт. Луристан. Около XII в. до н. э.

2. Нож и два боевых топорика из бронзы. Луристан. XII–X вв. до н. э.

3. Правитель Элама. Рельеф. Сузы.

1.

2.

1. Золотой кубок. Из могильника Марлик. IX–VIII вв. до н. э.

2. Керамический сосуд — зебувидный бык. Из могильника Марлик. IX–VIII вв. до н. э.

1.

2.

3.

1. Пряжа. Рельеф. Сузы.

2. Золотые украшения. Тепе Хиссар.

3. Глиняная женская фигурка.

1.

2.

1. Карта Ассирийской державы в XIII–VII вв. до н. э.

2. Осада города ассирийской армией.

Фрагмент рельефа времени правления Салманасара. Куйюнджик. XIII в. до н. э.

Базальтовая статуя царя Ашшурназирпала. Нимруд. IX в. до н. э.

1.

2.

1. Два ассирийских сановника.

Фрагмент росписи из дворца наместника в Тель-Барсобе

2. Ассирийские воины надувают бурдюки для переправы через реку

1.

2.

3.

1. Головы данников — вавилонянина и лидийца.

Персеполь. VI–V вв. до н. э.

2. Бронзовая голова эламита,

3. Жители города Лакис молят завоевателей о пощаде.

Рельеф из дворца Синаххериба в Ниневии. Начало VII в. до н. э.

1.

2.

1. Ангел Господень поражает воинов Синнахериба. Г. Доре. 1864–1866 гг

2. Охота на львов царя Ашшурбанипала. Рельеф. Ниневия. VII в. до н. э.

Навуходоносор убивает сыновей Седекии. Г. Доре. 1864–1866 гг.

1.

2.

1. (слева) Иудей. Прорисовка ассирийского рельефа.

1. (справа) Навуходоносор. Алтари огня. Накш-и Рустам. Около 521–405 г. до н. э.

1.

2.

2. Символ Ахура Мазды. Рельеф трипилона. Персеполь. VI–V вв. до н. э.

1.

2.

1. «Кааба Зороастра». Накш-и Рустам

2. Алтари огня. Накш-и Рустам. Около 521–405 г. до н. э.

Крылатые человекобыки, стерегушие «Ворота всех стран». Персеполь. VI–V вв. до н. э.

В отличие от скифов и киммерийцев мидяне занимали стратегически важные территории и старались укрепить свои позиции. Им хотелось выглядеть, особенно в глазах могучего соседа — Ассирии, как настоящее царство, политически организованное вокруг столицы.

Пасаргады присматривались к народам, преграждавшим им путь на запад; халдеи, ассирийцы, народы Малой Азии, все они были сплочены в некий блок культур, куда пасаргадам было трудно проникнуть. В региональном раскладе сил они выглядели просто как вассалы мидян.

Ассирийские владыки полагали, что из всех народностей, оказавшихся к востоку от их империи, только мидяне могли представлять опасность, но за организованное государство их не считали. Синаххериб, например, всегда относился к ним как к простым кочевникам, беспокойным и надоедливym. При Асархаддоне мидийский царь Фраорт собрал в одну коалицию племена скифов, киммерийцев и персов, после чего Ассирия признала Мидию как государство. Впервые ариям удалось создать державу, достойную этого названия, что не мешало армии Ниневии нападать на мидийскую территорию, а ассирийским воинам уводить коней во время многочисленных набегов. Все это ощутимо вредило суверенитету Мидии.

В 653 году Фраорт попытался создать новую коалицию. Но скифы уклонились, один из их вождей даже женился на ассирийской принцессе, и Ашшурбанипал, пришедший на смену своему отцу Асархаддону, захватил на территории Мидии несколько укрепленных поселков. Затем он дал решающий бой на равнине близ Раги^[45]. Битва была жестокой. В разгар сражения множество пик и дротиков вонзилось в тело Фраорта, и он был повержен. Через несколько дней Экбатана была взята штурмом. Победа была полной. Вернувшись в Ниневию, царь ассирийский четыре месяца пировал со всеми, кто был вместе с ним в этом походе.

Мечты индийского царя о создании объединенного государства, казалось, окончательно рухнули. Воспользовавшись столь жестоким поражением мидян, скифы обосновались в Мидии. Они пробудут там двадцать восемь лет. Что касается персов, те все еще ожидали возможность утвердить свою независимость...

В Аншане в ту пору царем был Теиспес, сын Ахемена.

Молодому правителю, прямому наследнику основателя династии, помогли последовавшие затем события, как только он получил власть над народом, попавшим в вассальную зависимость. Стремление мидян к восстанию против ассирийцев в основе своей означало, что нация арийского происхождения, загнанная в глубь диких гор, могла соперничать

с сильными и богатыми жителями долин. Как ни странно, поражение Фраорта придало персам уверенности. Конечно, мидяне были побеждены, но лишь из-за измены другой народности арийского происхождения, скифов.

По всей вероятности, Теиспес сумел воспользоваться ситуацией. Захватив Парсумаш и Аншан, он приглядывался к Парсе, часть которой ему уже принадлежала. Эта область, находившаяся к юго-западу от территории пасаггадов, представляла большую стратегическую ценность, особенно после поражения мидян и захвата Суз Ашшурбанипалом. Мидия побеждена, эламиты доживают последние дни, теперь Теиспес мог надеяться, что приближается час, когда он сыграет первостепенную политическую роль. И действительно, скоро его всадники захватили всю Парсу.

Власть Теиспеса теперь распространялась на восток и северо-восток ассииро-вавилонского региона и на все иранское плоскогорье. Теперь Теиспес должен был стараться не вызывать беспокойства местных властей, выглядеть как государство в государстве, участвовать в сложной игре создания союзов и их разрушения. Благодаря смелой политике Ахемениду удалось расширить свою империю. Теперь он должен был проявлять осторожность...

Мечты метателя копья

Владыка Асархаддон оставил любимому сыну Ашшурбанипалу право наследования ассирийского трона, но другой сын ниневийского властелина, Шамаш-шум-укин, которому отец поручил княжить в провинции Вавилон, готовил восстание против своего брата. Для успеха в этом деле ему были нужны союзники, и он тайно вступил в переговоры с персами, занимавшими выгодные стратегические позиции и вместе с тем владевшими искусством ведения боя. Но Теиспес, понимая всю опасность действий против Ашшурбанипала, предпочел выпроводить посланцев Шамаш-шум-укина и сохранять нейтралитет, тем более необходимый его молодому, еще только набирающему силы царству. В 648 году, когда мятежный брат погиб после своего неудачного предприятия, царь Аншана порадовался, что сохранил сдержанную выжидательную позицию по отношению к великой ассирийской державе. Постепенно персы набирали силу.

Совершил ли ошибку Теиспес в конце жизни, разделив свою империю

между двумя сыновьями: младшим — Ариарамной и старшим — Киром? Он отдал предпочтение младшему своему сыну, Ариарамне, который правил Парсой с титулом «великий царь, царь царей, царь страны Парса», тогда как Кир стал лишь «царем Парсумаша».

К 640 году, чуть больше полувек после основания династии Ахеменидов, два различных царства продолжают совершенно новую для персов традицию оседлой жизни. Кир, дед основателя Персидской империи, нареченного тем же именем, несмотря на право старшего сына, унаследовал провинцию, самую удаленную от центра цивилизации, а Ариарамна, дед будущего Дария, который продолжит дело Кира Великого, унаследовал провинцию, благодаря которой он оставался в контакте с мидянами и ассирийцами...

Будет ли Кир I доволен своей изоляцией, кстати, весьма устраивавшей персов на протяжении всего времени их присутствия в регионе? Предоставит ли он брату труд обеспечить международные связи персов? Не пришло ли время царю Парсумаша доказать стратегическое значение края, которым он правил и который служил восточными воротами всей ассири-вавилонской группы стран?

Свое царствование Кир I начал с демонстрации осторожности и уступчивости. В том же 640 году, после катастрофического поражения эламитов в войне с Ашшурбанипалом, учитывая размеры Ассирийской империи, ее мощь, организованность, культурное развитие и популярность ее верований, Кир I, только что унаследовавший царство по соседству с Эламом, не имел иного выбора, как засвидетельствовать свою лояльность по отношению к Ашшурбанипалу. Но в те времена дать честное слово было недостаточно для того, чтобы приобрести доверие, и в соответствии с обычаем, распространенным тогда на Востоке, Кир I отдал царю ассирийцев в качестве заложника старшего своего сына Арукку.

И вот юный князь отправился в Ниневию, где годами ждал, пока политика его отца не внушит доверия Ашшурбанипалу и тот не сжалится над ним...

Мидяне же, по-прежнему поработанные скифами, сознавая собственную слабость, предпочитали оставаться пассивными. Однако их царь Киаксар вовсе не был лишен амбиций или желания действовать, и первым его долгом было, естественно, сбросить скифское иго...

Смерть Ашшурбанипала в 630 году и приход к власти слабых и нерешительных царей, по логике вещей, должны были способствовать возрастанию воли мидийцев к независимости. В 625 году гибель скифских вождей во время ночной попойки позволила наконец Киаксару всерьез

задуматься о крупном восстании против Ассирии. Наследники же Ашшурбанипала не могли и не хотели заключить союз с персами Ариарамной и Киром I, чтобы противостоять растущему влиянию Мидии.

Перед лицом конфликта, нарастающего между Ниневией, с одной стороны, а с другой — армиями вавилонян, мидян и скифов, предводители персов пребывали в растерянности. События 612 года, крах ассирийцев, застали их в странном положении. Теоретически они были вассалами мидян, потенциальными союзниками ассирийцев, недовольными соседями вавилонян. У них было мало надежд извлечь какую-нибудь выгоду из такого политического положения, в создании которого они вовсе не участвовали. Выручили их мидяне: после падения Ниневии новая империя была на вершине могущества, и Киаксар был недоволен тем, что персы разделены на два различных царства. Действительно, как можно было согласиться с тем, что великая империя, только что им построенная, будет расколота в самой многонаселенной своей части, тогда как он стремится именно к объединению племен ариев?

Незадолго до победы мидян и вавилонян над Ассирией, когда Кир I еще царствовал в Парсумаше, Ариарамна передал трон сыну своему, Аршаме. В 600 году царь Мидии решил объединить два персидских царства под властью сына Кира I, молодого и властолюбивого Камбиса. Мидяне не интересовались останками ассирийской державы, Навуходоносор думал лишь об усилении своего могущества в Вавилоне, а персы вступили в героическую фазу своей истории.

Мидяне уже стали ослабевать. Киаксар старел, он царствовал почти полвека и готовился передать трон своему сыну Астиагу, имя которого можно перевести как «метатель копья». При этом мидянам так и не были даны политические возможности окончательно выйти из их маргинального положения. Они по-прежнему оставались чужаками для цивилизаций, их окружающих.

При Камбисе персы стали тяготиться своим положением мидийских вассалов. У них на глазах мир постепенно менялся, организовывался и, как ни странно, победители ассирийцев, их братья по расе, не пользовались в достаточной степени тем преимуществом, какое давала им нежданно-негаданно изменившаяся ситуация. С этих пор политика Камбиса, какой бы амбициозной она ни показалась в 600 году, получила точную ориентацию: занять место мидян и диктовать свою волю всей Азии.

Сам того не желая, Астиаг облегчил персидскому царю эту задачу. Новый властелин Мидии больше всего хотел воспользоваться огромным богатством, которое оставил ему отец. «Метатель копья», вопреки своему

имени, меньше всего любил воевать. «Роскошь, блеск и великолепие царили при дворе Астиага. Царь был всегда пышно одет, лицо покрыто гримом, глаза подведены, недостаток волос покрывался чужими волосами». Мидяне же «любили жить в изнеженной томности, носить ярко-красные одежды, ожерелья и браслеты». Потомки воинов и охотников ездили не на боевых колесницах, а в богатых парадных повозках, охотились на дичь в парках и заповедниках. Народ стал подражать Астиагу.

Роскошь делает человека боязливым, и царь Мидии не избежал этой участи. Эгоцентричный, суеверный, жестокий, он боялся собственной тени. Ему представлялась опасной даже собственная дочь только потому, что рождена была в законном браке! Согласно легенде, дошедшей до нас благодаря греческим историкам, Астиаг видел сон, что из чрева Манданы выйдет раса, которая заполонит всю Азию и весь мир вообще. Сон этот пугал его. Он советовался с магами, составлявшими избранную касту при его дворе, им завидовали, их ненавидели прочие мидяне. Маги были искусными толкователями всяких знамений и скоро внушили владыке мысль выдать свою дочь не за мидянина царской крови, а за вассала, проживавшего далеко от Экбатаны, за Камбиса, ставшего царем персов по воле знаменитого Киаксара. Астиаг почитал его ниже любого мидянина среднего достатка. Для Камбиса же этот брак отнюдь не был просто крайним средством, чтобы утешить беспокойство слабого и невежественного царя. Такой союз открывал ему дорогу к высшей власти.

Но безголовый Астиаг по-прежнему искал повод предаться новым мечтам. Ему опять приснилось, что из тела его дочери выросла виноградная лоза, покрывшая всю Азию. А именно в это время Мандана ожидала ребенка. По совету кудесников мидянин тут же вызвал дочь ко двору в Экбатану...

Ребенок родился. Назвали его, как деда, на древнеперсидском: Кураш. Позже грекам он стал известен как Кюрос, евреи называли его Кореш, а латиняне дали ему имя Кирус.

Мальчик играл в царя

Через сотню лет после рождения Кира Ближний Восток посетил древнегреческий историк Геродот. Желая восстановить для будущих поколений величие персов, он пытался собрать все сохранившиеся сведения о жизни основателя империи. Сам историк древности родился в Галикарнасе, греческом городе в Малой Азии. Движимый идеей сохранить

строгую подлинность истории, он собрал все, что слышал, подлинные факты и легенды, в том числе мифические обстоятельства рождения Кира,

...Царь Астиаг решил умертвить сына своей дочери, поскольку мальчик явился ему во сне как будущий властелин, во всяком случае, как человек, который свергнет его с престола. Из всех своих верных спутников он выбрал молодого военачальника по имени Гарпаг, который, по мнению царя, больше других подходил для выполнения важнейшего политического задания: навсегда устранить опасного ребенка. По приказу царя Гарпаг захватил сына Манданы и унес его к себе. Со слезами на глазах он признался жене, какой приказ он получил. Мало того, что это задание внушало ему отвращение, Гарпаг понимал, что выполнить приказ будет делом опасным. Ведь в случае смерти властелина Мидии к власти придет Мандана, и уж она-то «не упустит случая расчитаться с убийцей ее сына». И Гарпаг решил отделаться от ребенка, не убивать его самому, а поручить это погонщику волов по имени Митридат.

Придя домой с ребенком, пастух узнал, что «по совпадению, поистине божественному», жена его Сфако (слово это на языке мидян означает «собака») только что разрешилась мертворожденным младенцем. Узнав, какой ужасный приказ получил ее муж, женщина тотчас сообразила, что можно подменить ребенка. Тело мертвого младенца отнесли в корзине далеко в горы, и погонщик волов без особенного волнения пошел к Гарпагу и сообщил, что выполнил поручение, а в это время Сфако кормила грудью будущего императора всех персов.

Прошло десять лет. Играя с другими ребятами, Кир, чей характер все больше укреплялся, был выбран ими царем. Он серьезно отнесся к своей роли и распределил задачи между своими «подданными»: одни должны были построить ему дворец, другие охранять его, кто-то должен был служить «оком государевым», его доверенным лицом, а кто-то — начальником, гонцом, и т. д. Но один из мальчиков, сын Артембара, мидянина высокого происхождения, отказался подчиниться Киру. «Царь» повелел его схватить за непослушание и отстегать как следует. Мальчик, возмущенный таким наказанием, да еще полученным от сына пастуха, побежал к отцу. «Посмотри, — сказал он, — как побили меня по приказу сына пастуха». Артембар вспылil и вместе с сыном отправился к Астиагу. «Смотри, царь, что посмел сделать один из твоих рабов, сын простого пастуха, с моим сыном», — сказал он, обнажив плечи мальчика. Астиаг выслушал, посмотрел и, чтобы сделать приятное Артембару, решил наказать обидчика его сына. Он велел привести погонщика волов и виновника случившегося. «Как ты смеешь, — сказал он Киру, когда того

привели, — как ты смеешь, негодный мальчишка, бить сына такого человека, как Артембар?» — «Повелитель, — отвечал Кир, — я поступил так лишь из уважения к справедливости. Деревенские ребята, с которыми он играл, придумали игру и назначили меня царем. Все мне подчинялись, кроме него... За это я его наказал. Если я плохо поступил, накажи меня, я в твоём распоряжении».

Как пишет Геродот, царь Мидии, удивленный внешним сходством мальчика с представителями царского рода, его сильным характером и логикой рассуждения, понял, что перед ним сын Манданы. Он вызвал к себе Гарпага, и тот осторожно признался в преступном неповиновении.

— Царь, — сказал он, — когда ты передал мне младенца, я думал только об одном: как оправдать твое доверие и при этом не стать убийцей. И мне пришла в голову мысль: я позвал к себе пастуха, передал ему ребенка и сказал: «Убей младенца, таков приказ царя!» Ведь именно это ты мне повелел, не так ли? Так вот, я передал ему дитя со словами: «Отнеси его в горы и выставь там, не отходи от него ни на секунду, пока он не умрет. Если ослушаешься, берегись!» Когда пастух пришел и сказал, что дело сделано, что дитя мертво, я тотчас послал самых верных слуг, они лично проверили и похоронили младенца. Вот.

Астиаг сделал вид, что обрадовался и прощает своего доверенного приближенного, пригласив его на ужин в тот же вечер. Но, продолжает Геродот, Астиаг велел убить сына Гарпага и приготовить из него рагу, а затем накормил им несчастного исполнителя царской воли...

Совсем иначе решил Астиаг вопрос с Киром. Он собрал магов, которые когда-то предсказали, что сын Манданы будет править Мидией. После многих и долгих совещаний те подтвердили слово в слово предсказание: ребенок должен умереть, иначе он будет царем. К великому удивлению собеседников, Астиаг, улыбаясь, заявил волхвам, что их предсказания уже свершились. Кир уже правит, правит как царь ребятишек, выбравших его своим вождем. Пораженные этим открытием, маги сочли, что царю Мидии больше нечего опасаться: сон его свершился, мальчик управлял как царь. Они уверяли в своей искренности и в желании сделать так, чтобы перс вроде Кира не смог когда-нибудь править мидянами. Если бы была малейшая опасность, они безусловно предупредили бы Астиага, но, как они сказали, речь шла лишь о сновидении, не имевшем значения. И Кира отправили к родителям, в Персию.

По пути сопровождавшие люди сказали Киру правду о том, что его дед приказал когда-то убить его, чтобы никогда ни один перс не мог повелевать мидянами и чтобы они не стали чужими в своей собственной стране...

Прибыв к Камбису и Мандане, Кир рассказал, «как он был воспитан женою пастуха», и непрестанно ее расхваливал. Он только о Сфако и рассказывал! Родители его были поражены и, чтобы вмешательство богов еще больше было подчеркнуто в исключительной судьбе их сына, распространили слух, что Кира вскормила и спасла от смерти собака^[46].

Юный герой

Тот, кто стал потом объединителем Востока, интересовал не только большинство древнегреческих историков, но и тех, кто занимался основной наукой эллинистической цивилизации — педагогикой. Так, Ксенофонт в своем историко-воспитательном романе «Киропедия» описал воспитание, какое мог получить юный Кир. Книгу эту автор предназначал для образования греческих детей и подростков. В ней он исходил из символической истории юного князя, чей характер и ум должны были служить примером для многих народов. Можно также полагать, что «Киропедия» содержит изложение принципов, которые в начале IV века до н. э. греки могли почерпнуть и из других источников. Во всяком случае, чтобы описать физическую внешность и моральные качества Кира, Ксенофонт ссылается «на легенды и песнопения, еще бытующие ныне у варваров»: «...Кир был юношей редкой красоты; отличался он и необыкновенным честолубием и любознательностью, мог на любой подвиг отважиться и любой опасности подвергнуться ради славы. Такими были, как рассказывают, его тело и душа»^[47].

В отношении морального воспитания своего героя Ксенофонт донес до нас случаи, кажущиеся подлинными, настолько они соответствуют тому, что мы можем представить себе о чувстве справедливости, как его прививали два с половиной тысячелетия тому назад. Кир рассказывает матери, как он узнал, что справедливость есть соответствие суждения закону, и показывает ей необходимость понимать разницу между тем, что есть справедливо, а что только кажется таковым:

«Учитель мой, поняв, что я знаю досконально, что есть справедливость, назначил меня судьей моих товарищей. Но однажды произошел спор, из-за которого я был побит, так как плохо рассудил. Вот как было дело. У мальчика высокого роста был слишком короткий хитон, он отнял одежду у мальчика, ниже его ростом, но имевшего слишком длинный хитон, а ему отдал свой. Мне поручили рассудить этот спор, и я

посчитал, что для обоих лучше было бы, если бы у каждого был хитон, соответствующий его росту. И вот именно за это учитель меня побил, сказав, что когда я буду судить о вкусах в одежде, я так и должен буду решать, но в данном случае надо было установить, кому из них принадлежал длинный хитон, тому, кто взял его силой, или тому, кто сшил или купил его. И еще добавил, что справедливо то, что соответствует закону, а насилие является беззаконием; поэтому он хотел, чтобы судья, вынося решение, всегда следовал закону»^[48].

Главные достоинства, которыми хотели наделить Кира учителя, были воинская храбрость и умение руководить армиями. Зачем изучать нормы права, если нет возможности применять их в жизни? А чтобы усилить такой общественный институт, каким является армия, нужны два основных фактора: внутреннее единство, солидарность воинов и воля к победе, которая тесно связана с желанием выжить, каким бы ни был исход боя. Командир ждет от подчиненных послушания, а для этого он должен обеспечить их своим вниманием. «Надо учитывать, что все воины, от которых ты ждешь выполнения своих приказов, — позже скажет Камбис сыну своему Киру, — сами ожидают от тебя заботы о них самих»^[49]. И хотя иерархия необходима, воины должны знать, что у всех у них одинаковая цена жизни и в организации армии ценятся заслуги и мужество.

Согласно древней традиции персов, еще при жизни отца, Киру в очень молодом возрасте было поручено командовать армией. Так он мог применить полученные знания в военном деле, в частности в том, что касается вооружения бойцов.

Обращаясь к персидским племенам, недавно вставшим на сторону царя Аншана, «Кир произнес следующую речь:

— Персидские воины! Вы родились и были воспитаны в той же стране, что и мы, и тела ваши закалены ничуть не хуже, чем наши; вам подобает и духом быть несколько не слабее нас. Обладая такими качествами, вы на нашей общей родине не имели равных с нами прав, но не потому, что кто-то несправедливо вас обделил, а потому, что вам необходимо было самим добывать себе средства к существованию. Теперь мне вместе с богами предстоит позаботиться о предоставлении вам равных с нами прав. Перед вами, если вы захотите, откроется возможность получить такое же вооружение, как у нас, и сражаться рядом с нами, разделяя те же опасности, которым подвергаемся мы. И если вы проявите себя благородными и доблестными воинами, вы удостоитесь равных с нами почестей. Раньше вы, как и все мы, занимались стрельбой из лука и

метанием дротика. Если вы хуже нас владеете этим искусством, то это не удивительно; ведь у вас не было такого досуга, как у нас, чтобы уделять этим занятиям должное внимание. Но, когда вы наденете на себя это вооружение, вы ни в чем не будете нам уступать. У каждого из вас будет хорошо прилаженный к груди панцирь, плетеный щит в левой руке, который мы все привыкли носить, меч или секира в правой, которыми можно разить врага без опасения промахнуться. И тогда чем же другим каждый из нас сможет отличиться, если не храбростью? А вам подобает воспитывать в себе это качество ничуть не меньше, чем нам. И почему бы нам следовало больше, чем вам, стремиться к победе — этому источнику и залогоу всех благ и почестей? А что касается власти, которая делает все имущество побежденных достоянием победителей, то разве мы более нуждаемся в ней, чем вы?

В заключение Кир сказал:

— Вы слышали мою речь, оружие перед вами. Желающие пусть возьмут его и запишутся у таксиарха в таксис, подобный нашему. А тот, кто хочет удовольствоваться положением наемника, пусть останется с оружием вспомогательных войск»^[50].

В начале своей военной карьеры, еще до первого крупного сражения, Кир, по-видимому, предоставил своим военнослужащим равные возможности и уменьшил, с их согласия, привилегии тех, кто выдвинулся в высший ранг благодаря рождению от благородных родителей.

Но эта зарождающаяся армия состоит из людей, которые не полностью располагают собою, военные знают, что их судьба зависит от сильных мира сего. Военачальники должны следить, чтобы соблюдались все приметы и предсказания, чтобы боги подсказывали тем, кого они любят, надо или нет завязывать решающий бой. Камбис должен был внушить сыну всю важность этого «духовного» фактора, от которого зависит исход боев.

«Знай также, сын мой, — добавил он, — одну очень важную вещь: в случае плохих примет и предсказаний никогда не рискуй своей жизнью и жизнью воинов. Все люди, обдумывая, как поступить, полагаются лишь на догадки и совсем не знают, какое действие окажется полезным... Боги, живущие вечно, знают все, что было, что происходит сейчас и что будет. И когда люди советуются с ними, тех, кто им нравится, они предупреждают: что надо делать, а что не надо; и не следует удивляться, что они не дают советы всем людям, ведь ничто не заставляет их заниматься теми из людей, кого они не хотят облагодетельствовать»^[51].

Изучение военного дела было наилучшим пропедевтическим курсом

перед исполнением царских обязанностей как в руководстве людьми, так и в повиновении богам. Трудные условия жизни персов, строгие и чистые нравы делали их неуязвимыми перед извращениями, и эта моральная строгость была, несомненно, лучшей школой, через которую мог пройти Кир, прежде чем стать царем.

Персидский монарх отвечает не только за состояние вооруженных сил, но и за организацию общества: воины, как и служители культа, и производители богатств (землепашцы, скотоводы, ремесленники), должны способствовать всеобщему счастью. Назидательная книга персов «Денкарт», настоящая энциклопедия религиозных поучений, так формулирует задачу царя: «Освободить людей от нищеты, страха, бедности, болезней и беспорядков... Среди владык больше всех достоин уважения тот, кто освободил жителей своей страны от всякого рода несчастий и болезней, тот, при ком бедняки не нуждаются и нет такой болезни, вылечить которую было бы невозможно».

Но в первую очередь властитель обязан бороться с великим злом в общественных отношениях, каким является ложь. И царь, и его подданные обязаны: «Денно и ночью, всю жизнь горячо бороться со своей способностью лгать, не изменять своей религии, не изменять своему долгу». Один из последователей Кира, Дарий I, в доказательство легитимности своих деяний призвал на помощь своего бога, которому поклонялись персы и арии, а в заключение молитвы так сказал о любви Ахеменидов к правде: «Пусть земля эта не ведает нашествия врагов, голода и лжи и пусть Ахурамазда хранит этот край от врагов, от голода и от лжи».

Кир с детства придерживался культа этого верховного, но не единственного божества, этого властелина всего мира, достаточно либерального, чтобы допустить существование рядом с собой других божеств, рангом пониже. Ахурамазда прежде всего бог, который дал Персию Ахеменидам, как об этом пишет Ариарамна, брат Кира I, то есть двоюродный дед Кира Великого. «Эта страна персов, мне принадлежащая, где живут великолепные лошади и добрые люди, была мне дана великим богом Ахурамаздой. Я — царь этой страны».

Еще в ранней молодости Кир понял, что царская власть зависит от Ахурамазды не столько в силу избранности людей, а потому, что этот бог, властелин мира, передает царю часть своего могущества именно для того, чтобы тот установил гармоничный порядок в мире. И поскольку все люди способствуют этому делу, все они — участники божественного признания монарха.

Хотя религия хранится внутри души, она обязательно способствует

творческой деятельности человека. Ахурамазда присутствует всюду, прежде всего — в дневном свете, в солнце и в огне, он пронизывает также все вещества, воду, воздух и, главное, землю, которой он дает способность приносить урожай. Задача человека — идти навстречу этой потенциальной способности, высвободить ее силу. А царь следит за общественным порядком, который позволяет высвободить истину.

Когда Кир вырос и мог участвовать в конной охоте, тренируясь в военном деле и отдавая приказы своим приближенным, он, должно быть, испытывал эйфорию от такой роли освободителя... Свое религиозное образование он получал, носясь галопом по равнинам и долинам Персии...

Лагерь персов

Покорение персов мидянами прошло без жестокостей. Камбис, занятый воспитанием сына, вовсе не думал противиться своему тестю, правившему Мидией. Проявление верноподданнических чувств к царю Астиагу не было для него обременительным. Установилось некое равновесие между нетяжелой господствующей волей властей Экбатаны и персами, наделенными сильным характером и внутренне тяготевшими к независимости под властью Камбиса. И потом, разве Кир по своему родству не воплощал этот симбиоз, которого хотел Астиаг и явно признавали потомки Ахемена?

Будучи еще наследным принцем, Кир охотно демонстрировал внешнюю покорность и даже любовь к своему деду. По приглашению сюзерена он часто бывал в Экбатане, не проявлял никаких поползновений к излишней независимости и продолжал во главе армии племени пасаргадов соблюдать существующее положение...

Когда в 559 году после смерти Камбиса Кир был провозглашен царем Аншана, ситуация казалась совершенно спокойной. Пасаргадские военачальники с радостью признали нового царя, в нем они видели не только потомка Ахемена, но и своего человека, обладающего всеми добродетелями их племени. Отличные отношения между Киром и дедом его, Астиагом, любовь, какой окружали его родственники, а также добродетели, проявленные им, способствовали созданию климата доверия и надежды.

Однако вокруг Аншана во внутренних конфликтах сталкивались те народы и нации, которые были уже неспособны сами решать свои собственные дела. Среди них процветали жадность, коррупция, тяга к

роскоши и легкой жизни, тогда как население Аншана, воспитанное в суровых идеалах, не играло решающей роли в регионе.

В 559 году исполнилось три года после смерти Навуходоносора; сын его Авель-Мардук правил всего два года в атмосфере всеобщего расслабления, как если бы Навуходоносор унес с собой всю славу халдеев. Зять же победителя Иерусалима Нериглисар правил в обстановке нескончаемых дворцовых интриг.

В ту пору Кир не искал открыто никакого союза с вавилонянами и вовсе не собирался плести заговоры против Экбатаны; для укрепления своей власти он предпочитал просто отстроить столицу Пасаргады, «лагерь персов». Обширная долина площадью в 360 квадратных километров привлекла внимание Ахеменидов еще во время переселения их в эти места, и персы дали ей название царящего там племени пасаргадов. Если не считать южной стороны, долина окружена горами, в ней господствуют сильные холодные ветры с гор. Предшественники Кира построили там большую платформу, на которой были размещены жертвенники, самый большой из них посвятили Ахурамазде и богине Анахите. Эта последняя, распределительница инвеституры на царствование, была известна тем, что пила чистую воду из потока, берущего начало в горах и носящего имя Кира. Жертвенник, составленный из огромных белых камней, покоящихся на черных цоколях, был окружен прилегающими строениями, возведенными по такому же принципу. На некотором расстоянии от всего комплекса находилось сооружение с основанием 730 на 43 метра, поднимающееся на высоту в 10 метров шестью последовательными террасами.

Кир решил продолжить дело предшественников. Он велел заложить большой парк — подобие рая: с ручьями, водоемами и беседками среди деревьев. Вход в парк был оформлен в виде колоннады из двух рядов по четыре колонны белого камня на черных каменных пьедесталах. Крылатые быки из черно-серого камня охраняли вход, а быки с человеческими головами украшали выход из парка.

Кир повелел построить поблизости огромный дворец общей площадью в 32 250 квадратных метров с большим портиком, кровлю которого поддерживали выстроившиеся в два ряда сорок шестиметровых деревянных колонн.

На одном из столпов приемного зала Кир велел начертать надпись об авторе здания: «Я — Кир, царь, Ахеменид...».

Если бы Астиаг в своей резиденции в Экбатане узнал об этой надписи, он наверняка не стал бы возражать. Его вассал представлялся просто как царь, не имеющий в своем подчинении никакого другого монарха,

скромный предводитель племени. Царь Мидии больше встревожился бы, увидев барельеф, представляющий царя персов, выходящего из своего дворца в парадных одеяниях, со служителем, идущим позади и несущим символы царской власти. Кир хотел, чтобы окружающий мир увидел Пасаргады и его самого в роли царя, располагающего подлинной политической автономией.

В этом новом городе, где были дворцы, жертвенники, царские покои, сады и парки, Кир велел построить лестницу шириною в двадцать пять метров: она вела на крутую скалу, где была оборудована терраса, господствующая над всей долиной Пасаргады. Стены были сложены из огромных каменных блоков, поставленных друг на друга без какого-либо связующего раствора, «по сухому», что придавало всему ансамблю вид поистине гигантского сооружения.

Не зная глубокого значения этой архитектуры, воплощающей власть, Астиаг больше беспокоился доходящими до экбатанского двора слухами о секретных переговорах между Киром и царем вавилонским.

Первая победа

Династия, начатая Набопаласаром незадолго до падения Ниневии и успешно продолженная сыном его, Навуходоносором, прекратила свое существование в начале 555 года.

Нериглисар скончался после трех лет царствования, а через два месяца сын его Лабаша — Мардук, еще ребенок, был умерщвлен. Заговорщики привели к власти своего ставленника, Набонида, сына одного из правителей и жрицы арамейского происхождения, когда-то служившей в храме бога Сина. Новый царь, также очень набожный и склонный к мистике, увлекался древней историей этого края. Но он представлял главным образом движение идей, которые воплощали арамеи внутри общества халдеев. По-видимому, Набонид тяготел к западу, к идеям, что в большом количестве возникали среди семитских народов.

Однако новый властитель Вавилона не мог открыто отречься от своего вавилонского прошлого и предстать узурпатором, проводящим политику разрыва со своими предшественниками. В начале царствования он, по-видимому, испытывал ностальгию по ассирийскому правлению, продолжателем которого он себя чувствовал, разумеется, о чем и заявил, восходя на трон: «Меня ввели во дворец и там все бросились к ногам моим и стали их целовать. Снова и снова благословляли они мое царствование. Я

стал во главе своей страны по воле Мардука, господина моего, и с тех пор, чего бы я ни захотел, мне все удастся. У меня нет соперника! Я подлинный посланец Навуходоносора и Нериглисара, моих предшественников на царстве. Их войско поручено мне. Не пренебрегая их приказами, я ублажил их сердце».

И все же Набонид довольно скоро присоединился к Киру. По правде говоря, у него не было другого выбора. Мидяне Астиага выглядели как варвары, безразличные к величию Ассирии: после победы над Ниневией они заняли только один город, Харран, остальное в великой ассирийской империи их не интересовало, кроме нескольких плацдармов в Верхней Месопотамии. Ведь не зря халдеи Навуходоносора старались защититься от Мидии, построив вокруг Вавилона знаменитую «стену мидян».

Причина, подтолкнувшая Набонида на сближение с Киrom, носила характер и религиозный, и политический. Новый царь Вавилона хотел вернуть себе Харран, занятый мидянами, чтобы восстановить легкие контакты с семитским миром и иметь выход к морю. Но больше всего он хотел восстановить храм Сина, бывший когда-то гордостью города, место поклонения богу Луны, разрушенный варварами, пришедшими с востока и севера.

Враждебное мидийцам настроение персов было на руку Набониду, но он все еще побаивался власти непредсказуемого Астиага.

Но вот он увидел сон, который его успокоил: Мардук и Син явились ему и повелели идти в Харран и восстановить храм, посвященный Сину. Не уверенный в своих силах, Набонид стал было возражать: «Как я могу начать эти работы, если страну оккупировали умманмандейцы (этим именем называли киммерийцев, а затем мидян)?» А Мардук отвечает: «Умман-Манда, о котором ты говоришь, страна его и цари, поддерживающие его, больше не существуют». Самые могущественные из богов просят его выполнить их волю, Кир, фактически союзник его, поддерживает и поощряет, и Набонид решился. Он захватил город бога Сина.

На самом деле Астиаг все больше опасался возвышения Кира и сотрудничества между персом и вавилонянином. Не обращая внимания на стратегическое значение Харрана, он предпочел направить свои силы против своего вассала, надеясь припугнуть его. Затем он пригласил в Экбатану царя Аншана, чтобы проверить его покорность. На этот раз Кир не подчинился... Наоборот, он дерзко ответил своему деду: «Да, Астиаг, я скоро буду в твоём дворце и даже быстрее, чем ты хочешь».

Дерзость Кира была не беспричинна. Вот уже несколько лет Гарпаг,

которому Астиаг когда-то поручил умертвить младенца Манданы, хотел отомстить царю Мидии. Будучи по-прежнему доверенным лицом Астиага, он написал Киру послание, подталкивающее персидского царя на бунт, причем вложил свое письмо в шкурку зайца, убитого на охоте, выдав шкурку за подношение вассалу мидийского владыки:

«Боги тебя хранят, сын Камбиса. Поистине ты под их защитой. Не медли и отомсти Астиагу, твоему убийце. Если бы все зависело только от него, ты давно уже был бы мертв! Но благодаря богам (а частично и благодаря мне) ты выжил. Думаю, что ты знаешь все это. Знай же, что мне пришлось немало претерпеть за то, что я отдал тебя пастуху, а не убил, как требовал царь. Если хочешь в ближайшее же время править державой Астиага, поднимай на бой персов и вместе с ними шагай на мидян. Неважно, кто будет во главе мидян, я или другой военачальник; в любом случае победишь ты. Мидяне только и ждут подобного случая, чтобы свергнуть Астиага и перейти на твою сторону. Здесь все готовы. Ждут только тебя. Действуй без промедления».

Черпая силу в доверии своих войск, в частности — племен персов, марсафиев, маспиев и, разумеется, пасаргадов, уверенный в том, что имеет союзника внутри самого лагеря мидян, Кир передал своему деду дерзкое послание, равноценное бунту.

Именно Гарпагу Астиаг крайне неосторожно поручил поубавить спеси своему внуку и поучить персов уму-разуму. Видя, какие могучие войска выходят из Экбатаны, царь Мидии не сомневался в победе. Разве не победил бесчисленные полчища ассирийцев его отец Киаксар во главе точно такой же армии, как та, что проходила теперь перед ним? Сегодня ей противостоит немногочисленный народ из смешанных племен, насчитывающий сто двадцать тысяч подданных и способный вооружить от силы тридцать тысяч воинов. Кир, со своей стороны, знал, что может рассчитывать на гомотимов^[52] и на своих верных солдат, к которым он присоединил новобранцев.

Не все произошло точно так, как предсказал Гарпаг. Мидяне сперва одержали много побед на границе Мидии и Персии, и исход главной битвы, длившейся два дня, долгое время был неясным. Но переход на сторону противника командующего мидян, а с ним и многих из его верных соратников изменил ситуацию. И все же несмотря на неожиданное пополнение своей армии за счет многих солдат Астиага, Кира не покидало беспокойство. Он понимал, что на карту поставлено все, тем более что его отборные войска отступили к Пасаргадам.

Астиаг, однако, прежде всего хотел отомстить магам, предсказавшим

много лет тому назад, что ему можно не опасаться внука, поскольку он уже царил среди детей. Забыв, что он сам подсказал магам такое толкование сна, он повелел посадить на кол ответственных за ошибку. Потом решил сам повести свои войска на новую столицу персов — Пасаргады.

Эта война между ариями радовала Набонида, царя Вавилона. Видя, как убивают друг друга мидяне и персы, кровные братья, новый вождь халдеев понял, что сон, посланный богом Мардуком, предсказал эти события и что мидяне уже не в состоянии оборонять Харран. А потому он решил двинуть войска на город, посвященный богу Сину, и занял его без особого труда.

Теперь царь Вавилона взял под свою власть крупный торговый центр, где пересекались караванные пути, где встречались купцы Востока с морскими торговцами, пришедшими с севера и юга. А главное — к великой радости матери его Адагупи, жрицы бога Сина, Набонид мог восстановить разрушенный храм...

Конечно, у Астиага есть другие заботы, кроме отпора царю Вавилона. Да и Кир спокойно относится к воинственным и религиозным поползновениям своего потенциального союзника. Может быть, он понимает замыслы наследника Навуходоносора. Но в данный момент, а на дворе — 555 год до н. э., главное — готовящаяся битва в непосредственной близости от лагеря персов, в Пасаргадах.

Николай Дамасский дал, по-видимому, точное описание этой битвы. Правда, он пишет, что Камбис, отец Кира, погиб в ходе этого сражения. Но ведь в 555 году Камбис был уже мертв, поскольку Кир носил звание царя Аншана с 559 года. Однако это не уменьшает того несомненного интереса, который представляет рассказ Николая Дамасского.

«Узнав о приближении мидян, Кир организовал свою армию с помощью некоего Эбара, человека мудрого и осторожного, которому он полностью доверял. Он приказал разрушить и сжечь все города на пути продвижения захватчиков, отвел население городов в тыл, заперся в укрепленном лагере, приказал занять перевалы в горах, через которые мидяне могли проникнуть в Персию, так же как и высоты, господствовавшие над перевалами. При первом же столкновении мидяне были отбиты. Астиаг восседает на троне, высоко поднятом над полем боя. «Возможно ли, — воскликнул он, — что эти пожиратели фисташек проявляют такое мужество! Ну, берегитесь, мои военачальники, если вы не победите этих бунтарей»».

Однако под давлением численно превосходящих сил противника персы вынуждены отступить и запереться в укрепленном лагере. Кир

одним из последних покидает поле битвы, тотчас собирает своих солдат и обращается к ним с речью: «О персы! Вот ваша судьба: если вас победят, всех вас перебьют; если вы победите, вы перестанете быть рабами мидян и завоюете счастье и свободу».

Чтобы придать им больше смелости, он рассказывает также, сколько мидян они перебили, советует отправить под покровом ночи женщин и детей на самую высокую гору этого края, называемую Пасаргада.

На следующий день молодой полководец выходит из лагеря, охрану которого поручает Камбису, своему отцу, и пожилым солдатам, а сам с Эбаром и оставшимися воинами бросается в бой. Исход второго дня снова был не в пользу персов. Часть мидян, окружившая правый фланг повстанцев, направляется к лагерю, с боем им овладевает, берет в плен отца Кира и приводит его, всего израненного, к царю Экбатаны.

— Не мучай меня, — сказал Камбис, — душа моя готова отделиться от тела.

— Знаю, что восстал Кир против твоей воли, — отвечал Астиаг. — Не могу упрекать тебя в преступлениях сына. Помирай спокойно, я прикажу устроить похороны, с почестями, достойными тебя.

Тем временем захватчики хозяйничают в долине и пытаются взобраться по тропам, ведущим к вершине горы Пасаргады.

Эбар понял, какой опасности подвергаются его земляки. Вместе с тысячью солдат он двинулся навстречу врагам по ущельям, одному ему известным. А в это время Астиаг, узнав о маневре персидского военачальника, дал приказ, чтобы двадцать тысяч бойцов обошли гору с другой стороны. Но едва они попробовали войти в ущелье, как на них посыпалась по отвесным склонам скал лавина камней, заранее заготовленных войсками, которым было поручено охранять плато, расположенное у подножия вершины Пасаргады. После двух дней отдыха мидийцы, захватившие самые нижние точки горы, собирают последние силы и кидаются на штурм вражеских позиций. Персы вновь терпят поражение, они проявляют чудеса храбрости, но вынуждены отступить по всем направлениям. Медленно оттесняемые захватчиками, они поднимаются с боями по склонам и тут к ним подбегают их жены и матери. Они изливают на своих защитников потоки бранных слов и заставляют их оказать отпор противнику.

Пристыженные и от этого разъяренные персы возобновляют бой и устраивают мидянам настоящую мясорубку. После долгих боев с переменным успехом сражение наконец заканчивается разгромом войск Экбатаны.

Так, если верить рассказу Николая Дамасского, написанному четырьестя лет спустя, «пожиратели фисташек» победили Астиага, «метателя копья». Он был взят в плен и выдан тому, кто его предал, бывшему его подданному, Гарпагу. И каждому представлялось, что месть того, кого так жестоко унижил царь Мидии, будет ужасной.

Народ — царь

Предоставим слово Геродоту для рассказа о том, как Гарпаг, не скрывая радости, набросился на своего бывшего повелителя. ««Ну что, Астиаг, — крикнул он, — что думаешь о твоём пленении? Не похоже на царствование? Наконец-то я смогу отблагодарить тебя за прекрасный ужин, которым ты меня однажды угостил, когда мне подали блюдо из мяса моего сына!» Астиаг поднял глаза на Гарпага: «Ты что, одобряешь поступок Кира?» — «Не только одобряю, но знай, что я все это организовал!» — «Значит, ты еще глупее и зловреднее, чем я полагал! Надо же быть таким дураком, чтобы проложить дорогу к трону другому человеку, когда мог сделать это для себя! И надо же быть таким зловредным, чтобы отдать в рабство всю Мидию из-за какого-то несчастного ужина! Если тебе так уж хотелось сменить царя, почему не выбрал мидянина мне на замену? А теперь вот персы правят Мидией, а мидяне навеки превращены в рабов!»»

Итак, после тридцати пяти лет царствования, царь Мидии теряет свой трон, а Кир с высоты своей циклопической террасы на горе Пасаргаде может считать себя главой великой империи.

Сперва ему надо решить судьбу Астиага. Ведь старик — его дед, но это соображение не занимало много места в голове Кира: разве не собирался владыка мидян убить его, собственного внука, ничуть не беспокоясь о кровных связях? Но Астиаг был царем, царем братского народа общего арийского корня, и сотни тысяч воинов черпали силы в величии мидян, победителей Ассирии, видели в плененном ими царе Мидии сына Киаксара и внука Фраорта.

Любуясь долиной, раскинувшейся у подножия Пасаргады, и зданиями, сооруженными его предшественниками и им самим во славу персов, Кир не мог решиться поступить с Астиагом, как ассирийцы или вавилоняне расправлялись с побежденными противниками. Казнить Астиага было немыслимо. Решив помиловать Астиага, Кир хотел заполучить побежденного противника, заставить его служить своим планам и намерениям. Конечно, он не был первым монархом, который сохранил

жизнь побежденному врагу. Но в голове у сына Камбиса созрел план заложить основы всемирной империи, построению которой должны были способствовать все здоровые силы разных народов.

В отличие от своего полководца Гарпага Кир не праздновал победу над Астиагом и не унижал его. Он проявил уважение к царственному пленнику, включил его в состав своей свиты и двинулся... к Экбатане, провожаемый восхищенными взглядами мужей тех персидских племен, которые, возможно, не решались до той поры следовать за царем из Пасаргад. Так, панфиалеи, дерусии, гирканцы и другие кочевые племена, дайи, марды, дербики и сагартии пошли вслед за Киrom, отныне законным царем персов. По дороге многие кланы мидян, увлеченные общим энтузиазмом, последовали за Киrom как один народ, идущий к своему освобождению.

Относительно демократическая организация персидской армии способствовала проведению успешной мобилизации среди различных слоев общества. Перс дал всем воинам своей армии одинаковое вооружение, тем самым уничтожив разницу между корпусом элитных гомотимов и рядовыми, наемниками и новобранцами.

Благодаря победе над Астиагом Кир, таким образом, извлек пользу и в этом деле.

Прежде чем покинуть «лагерь персов», Кир, желая в будущем видеть Пасаргады в роли настоящей столицы, повелел построить там новые дворцы, чтобы отметить таким образом начало своей эпопеи. Кир не собирался наносить удар по престижу, которым обладали Сузы — эламский город, способствовавший приобщению Пасаргад к городской цивилизации. Признавал он также значение Экбатаны, города мидян, когда-то построенного Дейоком, славящегося своей несравненной архитектурой и несметными сокровищами.

Через несколько недель после своей победы Кир вступил в Экбатану, город, как писал Геродот, «огромный и хорошо защищенный... стены его, концентрически расположенные, были возведены таким образом, что каждая стена возвышалась над более низкой только на высоту зубцов. Холмистая местность способствовала такому расположению. Периметр самой длинной стены примерно равнялся периметру Афин. Зубцы первой стены были выкрашены в белый цвет, второй стены — в черный, зубцы третьей — в пурпурный, четвертой — в синий, пятой — в красно-оранжевый. А у двух последних стен зубцы: у одной серебристые, а у другой — золотистые»^[53].

Экбатана была не похожа на Пасаргады. Город мидийцев являлся противоположностью по отношению к новой персидской столице. Один

город был крепостью, другой — совокупностью зданий, расположенных таким образом, словно хозяева их хотели сказать, что у них нет оснований опасаться своих соседей. Насколько Кир любил находиться в гуще своего народа, быть свободным в перемещениях, настолько Дейок, строитель Экбатаны, производил впечатление человека, опасавшегося своих подданных. «Все эти укрепления Дейок возвел ради себя и своего дворца; он повелел народу селиться за пределами цитадели. Когда строительство города закончилось, он установил такой порядок, при котором никто не мог войти к царю, а все дела передавались через посредников-чиновников, которые и будут докладывать монарху; будет считаться неприличным смотреть в глаза повелителю, смеяться или плевать в его присутствии.

Он установил такие правила церемониала, чтобы его ровесники, воспитанные рядом с ним, со столь же благородной родословной и такие же способные, как он, не могли выражать свое неудовольствие при виде его и не плели бы заговоров против него: он полагал, что если подданные не будут его видеть, они в конце концов будут относиться к нему, как к человеку другой породы»^[54].

Кир от имени своего народа овладел сокровищами города, в который он вступил как победитель. При этом мидяне вовсе не выглядели побежденными. Подобно тому, как эламиты обучали своей цивилизации персов, пришедших откуда-то, мидяне научили народ Аншана своему алфавиту из тридцати шести букв, приучили его пользоваться пергаментом вместо глины и пером вместо тростниковой палочки, научили и новым приемам в сельском хозяйстве. В свою очередь, Кир принес мидийскому народу своего рода свободу, резко отличавшуюся от гнета, в котором их держали цари Экбатаны. Персы научили мидян по-новому смотреть на окружающий мир, привили им жажду знаний, силу характера и боевые качества. Так возникала новая, персо-мидийская цивилизация.

Кир должен был быстро сформировать такое общество, которым он отныне мог бы управлять, и при этом создать тесную связь между народом и своей царской властью. Он хотел добиться того, чтобы персы, утратив сознание своего происхождения, сделались не *господствующим народом* (греческая демократия не была и не могла еще быть понята Киром), но *народом-царем*, который бы проникся величием правителя и растворился в авторитете, находящем свое обоснование в коллективной ответственности.

Обосновавшись в Экбатане, городе не разрушенном и ставшем столицей нового царства, Кир собрал совет из семи князей, составивших настоящий «царский совет», где царь был первым среди равных. Так он создавал прочную основу для единства арийских племен, входящих в его

новое царство, приобщая к государственной власти руководителей кланов. Разные племена, и оседлые, и кочевые, сохраняя свои особенности, под властью царя персов могли смело смотреть в будущее.

Кир начал политику объединения, оставив на своих постах мидийских администраторов. Порою он «дублировал» их персидскими чиновниками, но ни у кого не было впечатления, что поменялась вся местная власть. Персидские архивы концентрировались в Экбатане. Туда же была перенесена надпись Ариарамны, который, заявив, что он «арий, арийского происхождения», напоминал, как известно, что он был царем этой страны, получив ее от Ахурамазды^[55]. Замена властей произошла так незаметно, что в окружающих государствах подумали, что в Мидийской империи ничего особенного не произошло, если не считать, что власть взял в свои руки новый царь, более честолюбивый и темпераментный, чем Астиаг.

Одним словом, все случилось так, как если бы Кир вместе со своим дедом совершили обычный дворцовый переворот. На самом же деле начались глубокие перемены.

Кир против царя Вавилона

Мидяне не были народом без прошлого, который Кир мог бы переделывать, как хотел. За несколько веков оседлой жизни они накопили качества, неведомые персам до той поры, в частности в области религии. При Астиаге священнослужители пользовались огромной властью, и политической, и религиозной. Они составляли один из шести мидийских кланов и были признаны необходимыми посредниками между человеком и богами. Ни одно религиозное действие не могло быть совершено без них. Во время религиозных процессий они носили длинные белые одеяния и высокие тиары. Перед животными, принесенными в жертву, — чаще всего это были молодые лошади белой масти (символ чистоты и силы) — жрецы зачитывали наизусть бесконечные генеалогические перечисления богов. Но больше всего они считали своим долгом убивать собственноручно зверей, каких считали вредными, особенно мышей и крыс, а также черепах, лягушек, муравьев и мух. Поэтому у них в руках всегда был специальный инструмент, «истребитель дьявольщины». В пантеоне мидян существовали, наконец, многочисленные демоны, в том числе женского рода, которым поклонялись некоторые жрецы весьма почтенного возраста.

В отношении политических амбиций мидийских жрецов Киру пришлось придерживаться твердой и в то же время осторожной позиции.

Жрецы предсказали его возвышение, но в большинстве своем считали, что он для них представляет определенную опасность. Теперь, когда Кир правил Мидией, они проявляли скрытую оппозицию, ибо царем персов был свергнут Астиаг, правитель, который значительно усилил права мидийского жречества.

Религия мидян и религия персов исходили из общих принципов, признаваемых всеми ариями, но появление в Мидии класса жрецов несколько изменило обстановку. Персы оставались глубоко преданными первоначальным верованиям в бога света и ясности, в котором воплощались солнце и огонь, столь же чистые, как вода, воплощением которой была богиня Анахита. У них не было ни статуй, ни религиозных зданий и свои жертвоприношения они совершали на возвышенных местах вне городов, под открытым небом, в светлое время дня. Мидяне же, наоборот, увеличили количество торжественных церемоний и не придавали значения интуиции, на которой в свою очередь зиждилась вера персов.

Кир не собирался навязывать какую-нибудь религиозную реформу. Разве мог он надеяться на осуществление своей мечты иначе, как открыв глаза мидийскому народу на внешний мир? Политик должен был обогнать теолога.

Три державы делили между собой весь этот регион. Персы, объединившиеся с мидянами; халдеи, оказавшиеся под властью Набонида, духовного и военного вождя, наследника вавилонской традиции, основанной на давнем величии, но стремящегося к победоносному модернизму; а на севере — лидийцы, богатый, процветающий народ, буквально очарованный греками, с которыми они пытались создать настоящий симбиоз.

Когда Кир обосновался в Экбатане, Набонид уже вернул город Харран в лоно Вавилона. Он, казалось, хотел сидеть спокойно в своей столице, не думая о развитии событий в мире. Но халдейский народ еще далеко не исчерпал свою историческую миссию. Старый демографический фонд халдеев постоянно обновлялся за счет притока арамейских семитов, находивших в Вавилоне идеальные условия для экономического развития. Они могли там свободно исповедовать свои верования, которые гармонично сосуществовали с религией халдеев. Таким образом, с каждым днем могущество Вавилона увеличивалось даже без вмешательства Набонида.

Противостояние между персами и халдеями становилось все более очевидным. Многое, впрочем, этому мешало: прежде всего еще сохранилась в сознании память о священном союзе, заключенном против

Ассирии более полувека назад.

К тому же и Кир, и Набонид опасались египтян. Непокойно вели себя и малые народы, которых оба царя старались приручить: живущие севернее киммерийцы и скифы, теоретически входящие в новое мидийско-персидское царство, были непредсказуемы и опасны, а слабые народы центральной Анатолии представляли легкую наживу для любого завоевателя и нуждались в защите. И, наконец, другие народы Малой Азии, лидийцы и греки, обосновавшиеся на восточном берегу Средиземного моря, развивали свой экономический потенциал, что не могло не тревожить их соседей.

Слишком большая неуверенность мешала Набониду и Киру немедленно вступить в междоусобную борьбу. Халдейский царь, несмотря на постоянное усиление его страны, казалось, полностью отошел от внешней политики... Предшественники Набонида Навуходоносор, Набопаласар и Нериглисар в какой-то мере интересовались прошлым, поисками древних храмов и античных надписей или восстановлением дворцов, преданных забвению. Набонид же увлекался археологией еще больше. Тот факт, что халдеи распространяли свою власть на древние Аккад и Шумер, оправдывало стремление царей Вавилона найти корни цивилизации, наследниками которой они себя ощущали. До Набонида ни один царь не пренебрегал политической реальностью региона. Все воевали, наращивая свою мощь, чтобы обеспечить экономику, накопить богатства, и религиозные мотивы, хотя и важные, не отвлекали их от главной задачи. Набонид же, наоборот, весь был увлечен вопросами мистическими. Новый царь Вавилона, своим происхождением тяготевавший к Западу, должен был бы стремиться к созданию всемирной империи, подобной Ассирийскому царству. Но Набонид, хотя и ссылаясь часто на повелителей Ассирии, которых называл своими «царственными предками», в отличие от них не стремился к завоеваниям. Быть может, привязанность к матери, жрице бога Луны, отвлекала его от крупных политических планов.

Конечно, такое поведение Набонида было на руку Киру. Царь персов мог спокойно смотреть в сторону Малой Азии, кладезь богатств для народов, постепенно освобождающихся от трудного существования и вступающих в полосу экономического благополучия, до той поры им неведомого.

Крез — новый противник?

На протяжении всей истории мидянам больше всего беспокойства причиняли ассирийцы. Для бывших кочевников «логовище львов» всегда таило скрытую угрозу. Чтобы противостоять постоянным захватническим устремлениям Ассирии, цари Мидии часто пытались усилить свои позиции на севере, в том числе путем покорения Лидии или хотя бы заключив с ней стратегический союз. Но правители Сард, очарованные западной культурой, явно смотрели в сторону греков и интересовались прежде всего экономическими успехами. Поэтому они мало обращали внимания на арийские племена, даже хорошо организованные, такие как, например, мидяне, одержавшие в 612 году удивительную победу над Ассирией.

Киаксар, в ореоле славы своей победы над империей Саргонидов, решил заставить лидийцев признать за Мидией хотя бы равную себе державу, с которой отныне необходимо считаться на политическом поле ближневосточного региона. Для этого лучшим средством являлась опять же война.

Случай представился в 592 году. Киаксар поручил скифам, жившим в Мидии, обучать сыновей мидийской аристократии умению охотиться. Со своими юными учениками скифы каждый день отправлялись в долгие поездки и возвращались с богатой добычей. Но однажды они вернулись с пустыми руками. Киаксар «очень грубо в оскорбительном тоне их отругал. Получив незаслуженную взбучку, скифы решили убить и разрезать на куски одного из юношей, обучавшихся у них искусству охоты, приготовить из его мяса еду, похожую на ту, что они обычно делали из дичи, и подать Киаксару якобы добычу, привезенную с охоты, после чего кратчайшим путем уехать в лидийскую столицу Сарды, к Алиатту, сыну Садиятга.

Так они и сделали: Киаксар и его гости съели угощение, а скифы, сделав черное дело, уехали и просили убежище у Алиатга. Киаксар потребовал выдать ему скифов, Алиатт отказался, и началась война лидийцев с мидянами, длившаяся пять лет, в ходе которой побеждали то мидяне, то лидийцы»^[56].

Весной 585 года обе армии сошлись на противоположных берегах реки Галис (ныне Кызыл-Ирмак). Царь Алиатт очень надеялся на благополучный исход битвы, так как *греческий* астроном по имени Фалес предсказал на этот день полное затмение солнца. Зная, что мидяне, как и все арии, боятся темноты, Алиатт не сомневался, что они припишут затмение солнца сверхъестественным силам лидийцев и не захотят идти в бой без божественного солнечного света, а разбегутся в беспорядке. Алиатт не предвидел, что и лидийцы, напуганные внезапно наступившей темнотой, тоже откажутся сражаться.

На противоположных берегах реки решили, что боги не хотят, чтобы состоялась битва, и требовали перемирия. Киаксар и Алиатт подчинились божественной воле, выразившейся столь необычным образом, и решили, что место, где должно было состояться сражение, обозначит границу между двумя государствами. Порукой нерушимости заключенного соглашения, по мнению обоих монархов, должен был послужить авторитет Навуходоносора, правившего тогда в Вавилоне. Чтобы установить спокойствие в регионе, Навуходоносор согласился выполнить такую миссию. Он поручил своему будущему наследнику Набониду обеспечить согласие на месте, а для еще большей надежности было решено, что сын Киаксара Астиаг женится на дочери Алиатга, красавице Ариенис.

Когда Кир встал по главе новой персо-мидийской империи, ситуация сохранялась та же, если не считать, что царя Алиатга сменил его сын, весьма осторожный Крез, который, кстати, был двоюродным дедом юного Кира. Однако новая военно-политическая ситуация, возникшая после прихода к власти Кира в Экбатане, не была по вкусу царю Лидии, и тем более ему не хотелось признавать соглашение, заключенное его отцом. Крез был уверен, что Кир представлял собой опасность и что надо было действовать как можно скорее, чтобы остановить его восхождение.

По правде говоря, все правители региона начали серьезно беспокоиться: лидийцы, хоть и были уверены в себе и в своих союзниках, греках и египтянах; египтяне, весьма озабоченные появлением в Азии державы, сравнимой с Ассирией, и, наконец, халдеи, всегда старавшиеся отгородиться от влияния с востока.

Но царь лидийский Крез с его баснословным богатством и расточительностью не желал рисковать своей властью, не заручившись поддержкой союзников, а главное, не посоветовавшись с богами. Даже если никаких опасений по поводу помощи со стороны союзников не было, следовало проверить, одобряют ли небесные силы его намерения. В сущности, эти два дела сливались в одно. Ведь лучший способ заставить друзей уважать соглашения — это доказать, что их божества одобрительно относятся к данному делу, не правда ли?

Из всех жрецов и оракулов, мнение которых Крез запросил вплоть до самой Ливии, только Пифия Дельфийская доказала действенность своих пророчеств. А после того как ее жрецы получили баснословные дары, от нее поступило весьма интересное заключение. Посланцы царя привезли в Сарды пророчество, которое они не осмелились сами истолковать: «Боги предсказывают Крезу, что, начав войну с персами, он разрушит великую империю. Они советуют ему взять себе в помощники самых влиятельных

греков. Они говорят ему, что когда мул станет царем мидян, ему предстоит лишь следовать вдоль каменистого берега реки Гермоса и бежать, не стыдясь своей трусости».

Крез очень обрадовался этому предсказанию, найдя его очень благожелательным. Он не задумался над тем, какая великая империя будет разрушена и кто мог быть тем мулом, который будет царствовать над мидянами.

Мул? Пифия была права, Креза победят, только когда реки потекут вспять или когда четвероногое животное со смешанной кровью будет царить в Экбатане!.. Мул.

Глава III

ПЕРЕД ЛИЦОМ БАНКИРА БОГОВ

Кир на берегах реки Галис — событие само по себе не провокационное... На этой стадии своей эпопеи новый хозяин персидско-мидийской империи еще не позволяет своим амбициям выплескиваться за рубежи царства.

Тем не менее Кир знает, что переворот, совершенный им в Экбатане, не по вкусу его соседям. Слишком быстрое его возвышение не могло оставить равнодушными царства, окружающие его новую империю. Только такой странный государь, как Набонид, не очень этим заинтересовался. Несмотря на взятие Харрана, он, похоже, по-прежнему занят своим духовным садом в Вавилоне и в древней аккадо-шумерской вселенной. И не о Египте думает Кир — египтяне далеко и вообще малодетельны, — а о народах, живущих к востоку от новой Персии, их Кир знает хорошо. Они непредсказуемы, непоседливы, агрессивны, но в отличие от персов не научились военно-политической организации, благодаря которой Ахеменид одержал свою первую и неожиданную стратегическую победу.

Зато земли к северу от Галиса представляли для сына Камбиса тему для размышлений. Огромный перекресток на западной оконечности Азии, Лидийское царство, явилось местом встречи греческой и всех восточных цивилизаций. Кир знает о богатстве греческих колоний на побережье в Милете, Эфесе, Смирне, знает о прочной связи их с греческими островами и континентальной метрополией, с религиозным центром в Дельфах, военным — в Спарте, политическим — в Афинах.

Знает Кир и о том, что Сарды, город, в котором правит Крез, — настоящая столица для купцов, деловых людей и мудрецов всей Греции. Большой лидийский город является центром притяжения для соседних народов. Его окружают равнины, облегчающие проезд в соседние провинции и страны. Лидия обеспечивает, таким образом, переход от моря к континенту, от греческого мира к восточному обществу, от прибрежных колоний к семитскому населению.

Лидийский народ фракийского происхождения, испытавший на себе сильное влияние сирийских семитов, обосновался на перекрестке дорог, открытом для нашествий и торговли, он не составляет единый блок,

сильный и определенный, как персы. В отличие от вавилонян и египтян, у него нет великих многовековых традиций. Веком раньше Ашшурбанипал, царь Ассирии, даже заявлял, что Лидия была «страной, о которой цари, его предки, никогда даже не слыхивали». Конечно, лидийцы существовали издавна, но в государство они организовались лишь незадолго до того, как Кир основал свою державу.

Будет ли теперь Лидийское царство пытаться мстить за царя Астиага, шурина Креза, нового властителя Сард, чтобы ограничить рост могущества Персии? Или же Лидия предпочтет военной аванюре стабильность экономической организации Малой Азии? Но и с этой точки зрения Кир представлял опасность для интересов Лидии: с берегов Галиса он сможет контролировать торговые пути первостепенной важности. Господствуя над территорией в Птерии, на севере эллипса, который описывает Галис, он в состоянии задуть обе стратегические дороги Лидии — ту, что связывает Сарды с Сузами, прозванную царским путем, и ту, что идет от Синопы на Черном море до Тарса, в южной части Малоазийского побережья Средиземного моря.

Уже Алиатт, отец Креза, воевал с Киаксаром, потому что Лидийское царство не могло допустить, чтобы Мидийская держава господствовала над этим жизненно важным перекрестком путей. Будет ли такое же столкновение теперь, когда Кир, словно дразня Креза, достиг берегов Галиса со всеми своими силами? Рискнет ли правитель Сард нарушить договор, заключенный во время затмения солнца между его отцом и царем Мидии, ведь гарантом договора был сам Навуходоносор? Разве не скреплено это соглашение кровью, когда, надрезав на руке кожу, каждый из договаривавшихся слизывал чужую кровь?

Пока Кир не совершил никакого действия, враждебного Крезу. Он только разбил лагерь там, где мидян терпели со времен мирного соглашения, заключенного 28 мая 585 года. Но по ту сторону реки находятся огромные богатства, которые позволили бы ему реализовать свои амбиции. Застрав в болотах и пустынях юга, думал царь, ассирийцы потерпели поражение. Новые народы, арии, должны, наоборот, смотреть в сторону севера, где, быть может, они найдут ключ к покорению мира...

Однако если Кир хочет воевать с Лидией, он должен сперва узнать истинную силу этого народа и правильно оценить Креза, сына Алиатта и потомка Гигеса, человека, о котором говорят, что он легкомыслен, суеверен и щедр. Но надо еще взвесить силу греческих городов побережья и прочность нитей солидарности, связывающей их с матерью-родиной. В случае войны с лидийцами найдет ли он среди греков побережья

союзников, способных ослабить силу Сард? Ведь в конце концов гармоничное равновесие, которое царит в стране Креза, есть результат политики давления, которую лидийцы проводили десятки лет в отношении городов, возникших вдоль побережья на земле Малой Азии. Сумеет ли Кир в случае надобности оживить в свою пользу враждебные чувства, растравить старые раны, напомнить малоазийским грекам, что при всей своей ловкости Крез — не более чем очередной завоеватель, восточный владыка?

Лидия — международная держава

После многовековой истории лидийцы в конце концов создали свое организованное царство. Долгое время они бродили по Малой Азии и занимались только тем, что грабили города и нападали на караваны, приходящие с Востока или с Запада. По правде говоря, после разрушения Фригии киммерийцами не было организованного государства между Понтом Эвксинским (Черным морем), Внутренним морем (Эгейским морем) и все той же рекой Галис.

Начиная с VIII века греки организовали очень активные фактории на побережье, неподалеку от своей родины-матери; одни искали новых земель из любви к приключениям, другие жаждали новых доходов, стремились расширить свое влияние, третьи отправлялись к чужим берегам, вытесненные скудостью родной земли. Они установили добрососедские отношения с местным населением и обменивались не только товарами, но и культурными ценностями: азиатские греки VII века уже придумали «эпопею», то есть жанр лирической поэзии, способной описывать их личные приключения. Они уже начали создавать скульптуры из мрамора, искали и находили гармоничные пропорции и линии.

Так, в Лидии установилось своего рода моральное превосходство греков. Не имея настоящей армии для обеспечения своей безопасности, греческие колонисты, живущие на побережье, благодаря дипломатической ловкости, путем переговоров приходили к компромиссам и очень скоро достигли небывалого развития. Самым удивительным примером был город Милет. Расположенный в заливе возле устья реки Меандр, город имел фактории по всему побережью от устья Нила до устья Дуная и до реки Галис. Город Смирна служил портом для Сард благодаря реке Гермос, впадающей в море. Эфес, расположенный поблизости от известной реки Пактол, был образцом процветающего города. На протяжении всего VIII

века, пока лидийцы не создали организованного общества, греческие колонии полностью отвечали потребностям тех, кто покинул Афины, Коринф или Спарту в поисках богатств Востока.

Однако в 687 году лидийцы заняли Сарды и значительно расширили город. Их предводителем был Кандавл, последний представитель династии Гераклидов. Этот царь останется в истории благодаря Геродоту как человек, пожелавший, чтобы все вокруг увидели красоту его жены.

Царь Кандавл приказал своему вельможе Гигесу хитростью обнажить царицу, свою супругу, чтобы тот мог увидеть и оценить ее красоту, а она бы не подозревала, что на нее кто-то смотрит. Что и было сделано. Но царица узнала об этом и в отместку заставила Гигеса убить царя. Гигес чуть не стал новым властителем лидийцев. Однако несчастный Кандавл оказал упорное сопротивление, и скандал, связанный с узурпацией власти, вышел за пределы дворца. Тогда Гигес сумел упросить Дельфийскую Пифию разобраться в этих событиях. Через несколько месяцев после своего преступления новый царь, к счастью для него, был оправдан и таким образом утвержден в роли властителя лидийского народа. А Пифия добавила к своему суждению слова, на которые никто сперва не обратил внимания: «Гераклиды будут отомщены на четвертом потомке Гигеса».

Обрадовавшись, что его царство морально поддержала главная жрица Греции, Гигес совершает необычный поступок. Будучи не греком, а варваром, он решил сделать преподношение Пифии в виде многочисленных предметов из золота и серебра, в том числе шести больших золотых ваз. Этот жест был первой приманкой в стратегии Лидии по отношению к грекам, живущим на побережье, а следовательно, и по отношению ко всей Греции.

Новый царь захватил Милет и Смирну с прилегающей к ним территорией, затем занял город Колофон. Для лидийцев это означало присвоение богатств греков, а также обеспеченность сезонными наемными рабочими, в которых они нуждались. Гигес понимал, что нужно было сохранить экономический потенциал территорий, занятых греческими колонистами. Надо было подчинить себе противника, не уничтожая его, добиться соглашения с ним.

Царь Лидии, опираясь на поддержку нового правящего класса, менее аристократического и более заинтересованного в экономическом развитии, хотел вывести свою страну из изоляции, а древнюю Фригию, забравшуюся на анатолийское плато, без настоящих выходов для сбыта своих товаров, превратить в морскую державу, открытую всему миру. Но эта политика была реализуема лишь при сотрудничестве с умелыми и ловкими греками.

Захватив порты и фактории, царь добился бы господства на морских путях, что позволило бы ему установить налоговую систему более выгодную, чем сбор пошлин за проход караванов, пересекающих пустыни Азии. Так Гигес расчистил путь торговле между Грецией и Востоком. Конечно, соотношение сил складывалось в пользу лидийцев, в том числе и в плане экономическом, но их интересовали также достижения греческой цивилизации.

И наоборот, Восток оказывал влияние на самих греков. В Греции восхищались Халдеей с Вавилоном в связи с развитием наук, Ассирией с Ниневией — в связи с политико-военной организацией, Египтом с Мемфисом — в связи с достижениями архитектуры и знаниями жрецов и, наконец, Лидией с Сардами — из-за их богатства.

Как ни странно, но взаимопроникновение цивилизаций началось с религии. Постепенно греки заимствовали оргиастические культы и «таинства», признали экстаз, заблуждения души и опьянение как добродетели. Беря пример с греков, династия Мермнадов и правящий класс лидийцев устремились к благоденствию и роскоши. Они смотрели на окружающий мир глазами эстетов, тогда как свойственные грекам рассудочность и мудрость стирались из памяти. Возможно, лидийцы видели ключ к своей морали и веселому упоению жизнью в строке из Еврипида: «Мудро то, что не является мудростью».

Тем временем Лидия становилась независимой державой. В 631 году сын Гигеса, царь Ардис позволил себе сбросить власть Ашшурбанипала и перестал платить ему дань. Организовывались и греческие колонии. Их целью было не сопротивление местным народам — в них греки нуждались как в источнике экономической помощи, — а создание своего рода независимой власти, отрицающей привычки Востока и не желающей ставить силу выше разума, включающего в себя духовность и торговый смысл.

Царь Ардис без понимания относился к воле греков, желающих получить самостоятельность. Он полагал, что только сила оружия могла позволить ему обеспечить превосходство лидийцев над греческими поселенцами. В 616 году он начал войну против Милета, чтобы подчинить себе этот крупный порт, через который проходили богатства Востока. Как вести войну, не уничтожая противника и не убивая курицу, несущую золотые яйца? Как задушить Милет, не убивая его?

Такая проблема стояла перед Ардисом и после сорока девяти лет царствования, к моменту его смерти. Та же задача стояла перед его сыном Садияттом, царившим на протяжении двенадцати лет, и острее всего —

перед Алиаггом, взошедшим на престол в 610 году.

Алиагг, сильно отличавшийся от своих предшественников, получил в наследство эту войну, которую сам он, возможно, никогда бы не начал. Чтобы раз и навсегда покончить с колонистами, он придумал новый тип боевых действий: как только лидийцы узнавали, что урожай поспел, они шли походом на Милет; в городе они не разрушали и не поджигали дома, зато в сельской местности опустошали плодовые деревья и поля, после чего возвращались к себе. Геродот объясняет: «Лидийцы не разрушали дома, чтобы жители Милета имели убежища, из которых они могли бы выйти в поле, чтобы вспахать и засеять землю, а благодаря этому лидийцам было бы что грабить в следующее нашествие»^[57].

Континентальная Греция, не оказывая военную помощь Милету, выжидала. И случилось так, что во время очередного крупного набега пожар, учиненный лидийцами, перебросился с полей на храм Афины и разрушил его. Вскоре Алиатт заболел. Опасаясь, что эта болезнь есть знамение, посланное богами, царь запросил совета у Пифии Дельфийской. Ответ не заставил себя ждать: надо восстановить храм Афины. Повелитель Милета Фрасибул решил, что Алиатт придет вести переговоры о перемирии и об окончании этой войны, тянувшейся уже двенадцать лет. В ожидании гонца из Сард «он велел собрать на площади все зерно, какое было в городе, как царское, так и у подданных, и предписал, чтобы по его сигналу жители Милета начали на улице распивать вино и ходить друг к другу в гости, устраивая веселые компании. Сделал это он для того, чтобы гонец из Сард увидел собранное зерно и весело гуляющее население и доложил бы об этом Алиатту... что и случилось на самом деле... В результате были восстановлены мир и дружба; Алиатт повелел построить не один, а два храма в честь Афины, а сам тут же исцелился от своей болезни»^[58].

В 604 году Сарды и Милет заключили договор, характерный для отношений между державой-покорителем, какой была Лидия, и Милетом, городом, чья активная хозяйственная деятельность была столь блестящей. Не было заявления, что войска оккупируют город, просто договорились, что лидийцы будут «гостями» жителей Милета. В открытую не было сказано, что эти последние будут посылать наемников для защиты интересов Лидии, просто объявили, что теперь они «союзники». Короче говоря, они были «гостями-союзниками» на базе взаимной выгоды, которая была только видимостью: войска Милета вовсе не собирались находиться в Сардах, а тирану Фрасибулу вовсе не нужны были лидийцы в качестве

военных помощников, поскольку единственным реальным врагом Милета были именно лидийцы.

Через несколько лет, в 566 году, Алиатт решил распространить лидийский порядок на всю Карию, то есть провинцию, расположенную между городами Милет и Фокея, на юго-западе Малой Азии, что позволяло караванам из Сард выходить напрямую к морю. Но город Смирна оказал решительное сопротивление, и лидийцы разрушили Смирну, перебив население и разграбив склады. Уничтожение Смирны, впрочем, было на руку Эфесу, который после Милета стал самым крупным портом в том регионе.

Затем Алиатт взялся за город Колофон, расположенный между реками Гермос и Меандр. Город был известен как очень богатый, кроме того, славился своей конницей. Чтобы покончить с этим досадным преимуществом, Алиатт предложил правителям Колофона за крупную сумму предоставлять ему конные отряды. Однажды, после удачного похода, лидиец решил удвоить оплату всадникам и пригласил их в Сарды, чтобы отпраздновать победу, там было собрано много вина и закусок. Доверчивые колофонцы оставили коней на попечение конюхов и вошли в город. Но как только они прошли городские укрепления, лидийские солдаты заперли входы и выходы, набросились на них и перерезали всех до одного.

Война на побережье подходила к концу. Эфес процветал, и ни о каком захвате его, силою или хитростью, не могло быть и речи. Правил там Мелас II, старший сын которого женился на одной из дочерей Алиатта.

За один век с небольшим Лидия без потерь сумела овладеть всей Малой Азией. Она оттеснила киммерийцев к горам на севере, заняла всю Фригию с центральным плато, господствующим над долинами и побережьем. А главное — с помощью экономических и военных соглашений Лидия заставила азиатских греков подчиниться ее воле, причем, что замечательно, не были унижены ни греки, ни их боги. Было достигнуто равновесие между греками и лидийцами, о чем мечтал Гигес, первый из Мермнадов: Сарды стали торговым центром, Лидия — морской державой, а лидийцы — настоящими посредниками между Востоком и Западом.

Все это было достигнуто в значительной мере благодаря Алиатту. Лидийский царь стал настолько популярен, что после его кончины и рядовые люди, купцы, ремесленники, и придворные, воспользовавшиеся огромным экономическим усилением Сард и Лидии в целом, собрали средства, чтобы воздвигнуть величественное надгробие. Этот огромный

конический холм с круглым основанием господствует над долиной Термоса и, наверное, является одним из редких памятников Античности, построенным не по высочайшему указу. Народ воздвиг его спонтанно, желая таким образом выразить свою благодарность.

К 561 году, когда умер Алиатт, Лидия была уже известной державой.

Таким был потенциальный противник Кира, разбившего свой лагерь на берегах Галиса. Но Крез — не Алиатт. Новый царь Лидии властвует над страной уже оформившейся. Наверное, Киру более симпатичны созидатели царств, чем их наследники. Новый предводитель персов, наверное, видит себя в Алиатте и не считает Креза себе подобным, даже если он известен больше, чем его отец.

Крез — человек под влиянием

Деятельность Креза началась с финансовой операции. В ту пору Алиатт хотел завоевать всю Карию, а Крез был лишь простым губернатором провинции Адрамиттия. Он не мог похвастать царским доверием, у него не было уверенности в том, что когда-нибудь станет наследником своего отца. Действительно, у Алиатта был другой сын, Панталеон, от ионийской царевны. Вся греческая партия Сард поддерживала Панталеона в надежде, что наконец-то у Лидии будет царь, воспитанный в эллинской культуре и сочувствующий греческим колониям.

В 566 году Алиатт обратился с призывом ко всем своим губернаторам, чтобы они со своими войсками присоединились к нему накануне общего наступления, задуманного им против Карики. Чтобы заслужить одобрение своего отца, Крез решил привести целую армию. Средств для этого у него не было, и он решил взять займы у Садиятга, одного из богатейших купцов Лидии. Но тот отказал. «Если буду давать в долг сыновьям Алиатта, — воскликнул он, — я все деньги раздам». Тогда Крез решил ехать в Эфес, где он и нашел необходимую сумму. Благодаря этим субсидиям Крез снарядил войска, первым явился на место встречи и вернул себе расположение отца, который включил его в число отправляющихся в поход.

Деятельность Креза продолжилась в финансовой сфере. Но юный князь интересовался также вопросами устройства государства и духовными исканиями. Поэтому здесь надо напомнить о другом важном событии в жизни сына Алиатта: о его встрече с Солоном.

Незадолго до войны с Карикией, в 570 году, Солон Афинский совершил поездку в Сарды. Он был окружен ореолом славы, престиж его был связан

с реформами, полезность которых и с правовой, и с политической точек зрения ему удалось внушить своим согражданам. Крез, которому тогда было двадцать шесть лет, возможно, мог пройти обучение у этого выдающегося человека, который сконцентрировал в себе весь греческий гений.

Солон принадлежал к классу богатых землевладельцев, но не воспользовался семейными благами, потому что отец их в значительной мере растратил. Так что юный афинянин был вынужден заняться торговлей, много путешествовал по разным странам.

Так, он научился наблюдать нравы, обычаи и повседневную жизнь других народов, основные принципы общественной жизни и международных отношений. В ту пору Афины раздирали внутренние распри, вот-вот грозившие перерасти в гражданскую войну. В 594 году Солон был назначен *архонтом*^[59] и поставил перед собою цель добиться национального примирения. Начал он с того, что амнистировал большую часть граждан, сосланных или лишенных политических прав. Его поддержали ремесленники, торговцы, мелкие собственники, поэтому ему было легко делать громкие заявления, чтобы иностранцы, приехавшие в Афины в поисках работы, а также члены их семей тут же получали бы афинское гражданство. Конечно, напряженность еще долго сохранялась, но в целом общественные отношения в Афинах улучшились. Солон следил также за экономическим развитием города, он ввел единую национальную валюту, что положительно отразилось на экспорте и торговле между разными странами региона. Он обеспечил снабжение деревень водою и безопасность крестьян против волков, заполонивших леса, и таким образом улучшил жизнь класса сельскохозяйственных работников. К тому же землевладение позволяло участвовать в городском управлении, чего были лишены промышленники и коммерсанты, если у них не было в собственности земельных наделов. Но каким бы ни было их происхождение и вид деятельности, все граждане могли быть избраны в народные собрания и суды.

Солон занимался не только политикой, проблемами социальными и экономическими, но и обучением. Так, в ходе поездки в Лидию афинский реформатор рассказывал всем, каким образом Афины достигли общественного мира и экономического процветания. Солон разоблачал в отличных баснях и притчах эгоизм богачей, «зажравшихся и раздувшихся от гордыни», а также зависть бедняков, «всегда готовых броситься за подачкой или мстить кому-нибудь». Человек, давший Афинам мир и благоденствие, производил на просвещенных лидийцев поистине

зачаровывающее впечатление. Среди таких зачарованных был и юный Крез, жадный до знаний.

Испытал Крез на себе впечатления и от других людей, в частности — от Фалеса Милетского. Астроном, предсказавший солнечное затмение именно в тот день, когда должна была состояться битва при Галисе, был завсегдаем при дворе Алиагга. Его афоризмы, систематизированные греками, знали все, кто бывал у него: «Опасайся потерять расположение к тебе за твои слова у тех, кто привязан к тебе клятвой. — Не жалея похвал в адрес тех, кому ты обязан рождением. — Самое большое удовольствие доставляет получение желаемого. — Невежество — тяжелая ноша. — Избегай безделья, даже если ты богат. — Скрывай свое счастье, чтобы не вызвать зависть других. — Соблюдай чувство меры. — Не растрачивай на всех без разбора твое доверие. — Если ты даешь указания, управляй самим собою»^[60].

Философия Анаксимандра, ученика Фалеса, включала вопросы происхождения миров и жизни. Он первым утверждал, что существует бесконечное количество миров в бескрайнем пространстве, и предположил, что в основе происхождения всех существ лежит неопределенная масса, из которой сперва выделились тепло и холод, потом — земля, вода, воздух и огонь. Анаксимандр учил, что боги не сразу создали человека, что он произошел от рыбы.

Такое бурное развитие философских идей не отвлекало лидийцев от двух главных забот: экономики и военного дела. Но этот постоянный пересмотр знаний, интерес к происхождению вещей и человека, эта неясность в отношении свободы человека и власти богов накладывали отпечаток неуверенности на всю торговую и военную политику. Крез, увлеченный разнообразием всех этих учений, тонко чувствующий красоту, уже не был просто военачальником, как его предки.

Подобной культуры был напрочь лишен сын Камбиса Кир, царь персидский, находившийся в ту пору лицом к лицу с лидийцами. Он унаследовал лишь умение выживать, а это было далеко от умозрительных построений и теорий, хотя ему не чужды были поиски добра, истины, желание действовать в соответствии с принципами мудрости и здравого смысла.

Ни Кир, ни его предки не задумывались над проблемами экономики и торговли. Поиск самого необходимого, в том числе пастбищ для скота, обмен, завоевание плодородных земель, порабощение местного населения — вот идеал, к которому стремились воины, пришедшие из Аншана в поисках новых пространств. Кир и Крез были воплощениями двух разных

миров.

Довольно скоро стало ясно, что Крез мог бы взойти на трон и стать достойным наследником Алиагга. Как только это стало очевидным, сторонники сближения с Грецией, поддерживавшие Панталеона, убедили мать его устранить Креза. Мать Панталеона, ионийская царица, пыталась подкупить повариху будущего царя, чтобы отравить его, но та предупредила Креза, и он принял меры предосторожности.

Вступив во власть в возрасте тридцати пяти лет, Крез решил отомстить заговорщикам. Начал он с того, что послал на смертельную пытку богача Садиагга, участвовавшего в заговоре, того самого богача, который когда-то отказал ему в денежной поддержке. Теперь все его богатство было полностью потрачено на изготовление жертвоприношений для Пифии Дельфийской.

Взойдя на трон Лидийского царства, Крез решил также судьбу своего племянника Пиндара, тирана, активно поддерживавшего заговор против него. Сперва Пиндар героически сопротивлялся лидийским войскам. Но наступил момент, когда ему пришлось начать переговоры о капитуляции. Зная доверчивость Креза к оракулам и уважение его к святилищам, повелитель Эфеса решил посвятить весь город богине Артемиде. Он обнес веревкой все укрепления, окружающие город, чтобы точно показать размеры «святилища». Затем запросил мира во имя богини. Крез согласился, как человек суеверный, но главное — потому, что после разрушения Смирны Эфес был главным выходом к морю для Лидии. Однако он потребовал высылки Пиндара, и тот вынужден был отдать свой город Мермнаду.

Остальные города побережья восприняли власть Креза с той смесью покорности и настороженности, фатализма и духа сопротивления, которая была характерна для менталитета этих необычных торговцев — воинов, пришедших из Греции на берега Малой Азии. А Крез заказал огромную статую из золота, изображающую повариху, спасшую ему жизнь. Несколько лет спустя он принесет эту статую в дар храму Аполлона в Дельфах в надежде получить предсказание, которое изменило бы его судьбу.

Гений золота

Откуда у Креза было столько золота, которым он так щедро распоряжался? Гора Тмол, возвышавшаяся над Сардами, была «золотой

горой». Все речки, стекавшие с этой горы, прежде чем впадать в Гермос, несли в своих водах огромное количество золотого песка, словно столицу Лидии осыпали манной небесной. Сперва Мермнады использовали драгоценный металл для выделки предметов, предназначавшихся божествам. Так, первый из Мермнадов по имени Гигес отправил в Дельфы подношения из золота.

Крез сохранил традицию, начатую его предком, и возвел ее в важнейший принцип правления, создав настоящую философию дара. Его щедрость по отношению к богам была беспредельна, но особенно он был щедр по отношению к людям, служившим этим богам, надеясь таким образом завоевать себе друзей и союзников.

Особенную щедрость он проявил, когда захотел узнать мнение Пифии по вопросу, его преследовавшему: надо ли нападать на персов или не надо? Тогда Аполлон, которому был посвящен храм в Дельфах, получил за один раз несметные богатства: сто семнадцать золотых слитков, многие из которых были из очищенного золота, статую льва, также из золота, две огромные вазы, одну из золота, другую — из серебра, четыре серебряных кувшина, слитки серебра и, наконец, ту самую статую поварихи. Царь Лидии не забывал и другие храмы и сделал множество даров жрецам греческих святилищ. Щедрость его распространялась и на народ. Так, он повелел раздать каждому жителю Дельф по две золотые монеты (два статера). В знак благодарности жители Дельф предоставили ему право обращаться с запросами к оракулу вне очереди, освободили его подданных от некоторых налогов, предоставили постоянное право проживания и, наконец, право сидеть в первом ряду во время игр, посвященных богам.

Благодаря своему золоту Крез стал особым другом греков. Принятый в эллинское сообщество, царь Лидии мог вызывать к греческому союзу и просить его о военной и экономической поддержке. При всем суровом и недоверчивом характере спартанцам не чужда была приверженность богам и некоторая скупость. Они направили делегацию в Сарды, чтобы приобрести золото по сходной цене в целях создания статуи Аполлона; каково же было их удивление, когда Крез предложил им бесплатно необходимое количество золота... Крезу нужен был союз со Спартой. После такого жеста ему нетрудно было добиться его. Подобным же образом, в благодарность за услуги, оказанные Крезом в Дельфах, представитель аристократической семьи в Афинах Алкмеон получил разрешение воспользоваться вволю казною Креза. Он не отказался и стал самым богатым человеком в Афинах. Так золото позволило Крезу изменить отношения между греками и лидийцами во благо своим царским амбициям.

А вот персы и Кир в том числе не умели обращаться с золотом. Конечно, они знали, какое волшебное действие оказывает этот металл, но их еще не заинтересовали успехи, достигнутые лидийцами и египтянами в этом отношении. Геродот напоминает, что позже, когда Киру пришлось воевать против спартанцев, он не стал скрывать свое презрение к подобной деятельности: «Я до сих пор никогда не боялся подобных людей, которые посередине города отводят площадь, специально, чтобы там собираться и обманывать друг друга, давая фальшивые клятвы...» Эти саркастические замечания он направлял в адрес греков, потому что они оборудуют рынки, чтобы покупать и продавать. А персы у себя полностью свободны от этой привычки и вовсе не оборудуют особые места для этого.

У персов меновая торговля имела свои законы. Обменивали сандалии, овощи или напитки на мелкие ремесленные изделия — веера, бусы или ножи. Такой обмен собственностью был хорош, пока участники оставались в одной деревне. Но как только они пытались из нее выйти, перевозка товаров или нехватка доверия к качеству продукции сразу стали тормозить обмен. Воины, выходцы из Аншана, мало задумывались об этом.

А вот лидийцы уже привыкли обменивать сельскохозяйственные продукты в разных пропорциях на ценные металлы: золото, серебро, а также бронзу. Деньги значительно облегчали торговые отношения, поскольку их легко было перевозить. Но количество металла, участвующего в торговле, и чистота его могли вызвать недоверие и беспокойство. Стали взвешивать золото и серебро. На всех рынках появились весовщики. Именно на этом этапе развития торговли в Сардах на трон взошла династия Мермнадов. Сперва Гигес, затем Алиатт, но особенно Крез гарантировали подлинность драгоценных металлов с помощью наложения пробы на золото и серебро, что подтверждало подлинность. А посему монеты становились законным, даже обязательным платежным средством.

Золото из реки Пактол на самом деле было электром, то есть естественной смесью золота и серебра. Крез повелел очистить его, и скоро лидийское золото стало считаться самым чистым в мире. Подобно грекам, он ввел также в обиход употребление серебряных монет.

От золотоносного песка горы Тмол до золотых монет на базарах — так росло могущество Креза. Но царь лидийский кроме ловкой финансовой политики, кроме религиозного союза с Дельфами и военного — со Спартой удачно организовал экономику своей империи. Царское достояние было баснословно велико: дары Креза греческим божествам черпались из его личных запасов.

Во время правления Креза Сарды стали торговым и финансовым центром, подобного которому до тех пор не было. Но ни космополитизм города, ни интернационализм лидийского двора, ни существование заморских факторий не превратили царство Креза в морскую державу. И хотя капитализм распространился моментально, народ лидийский в основном оставался сельскохозяйственной нацией, крепко привязанной к своей земле, к своим долинам. Путешествия за далекие моря были делом редким. И Крез, возможно, рассчитывавший развить морской флот, чтобы держать под контролем многочисленные острова вдоль побережья Лидии, отказался от этой идеи.

В ту пору новый властитель Экбатаны старался укрепить свою власть в Мидии и пытался, чаще всего успешно, подчинить себе бывших вассалов царя Астиага. Крез раздумывал: надо ли прервать восхождение Кира?

Крез не был человеком, способным начать военную кампанию, не приняв меры предосторожности. И, как обычно, он сначала решил посоветоваться с богами. Обратясь одновременно к разным оракулам, он поручил своим гонцам спросить у них, через сто дней после их отъезда из Сард, знают ли те, что делал в указанный час Крез, царь лидийский, сын Алиагга.

И оракул, пришедший от Пифии Дельфийской, прокричал ему верный ответ: действительно, на сотый день после отъезда посланцев Крез придумал совершить странный поступок, угадать который мог только человек, наделенный волшебным даром: он разрезал на куски черепаху и ягненка и своими руками сварил их вместе в медном котле, закрыв его медной же крышкой. Ответ, поступивший из Дельф, удовлетворил его полностью. Пифия заявила: «Мне ведомо число песчинок на морском берегу и размеры моря. Я понимаю глухонемого, я слышу молчащего человека. До меня дошел запах мяса черепахи с толстой шкурой, кипящей в медной посуде вместе с мясом ягненка; медь была и снизу, и сверху этого мяса»^[61].

Крезу оставалось лишь добиваться благосклонности оракула, после чего он спросил у него совет по поводу основного предмета беспокойства: по поводу перса.

Крез собрал подношения, о которых мы уже знаем, и велел отвезти их в Дельфы, в храм Аполлона. Святилище это находилось у подножия Парнаса и господствовало над исключительной по красоте местностью.

Внизу лощина Фе-ист, придававшая храму еще больше таинственности. А вдали впечатляющим фоном служил залив Итена.

Посланцы Креза были приняты со всеми почестями, соответствующими престижу, какой завоевал царь Лидии благодаря подношениям храму Аполлона. Представитель Креза был допущен внутрь святилища, но, согласно обычаям, не мог приблизиться к пророчице, которой жрецы передали вопрос Креза: «Должен ли Крез, царь лидийский, вести войну с персами и должен ли он взять с собою войска союзников?»

Из ответа, переданного жрецами, царь Лидии заключил, что он должен напасть на Кира, пока всевозрастающая мощь перса не начнет угрожать Лидии. Оракул не сомневался: Пифия предрекала победу при условии, что правитель Сард заключит союз с храбрейшими из эллинов: «Боги предсказали Крезу, что, начав войну с персами, он разрушит великую империю». Для сына Алиатта дело было ясно: Кир действительно создал великую империю. Разве не правил он на всем Иранском нагорье вплоть до берегов Малой Азии? Это новое царство надо задушить в зародыше. А если боги советуют Крезу «присоединиться к самым сильным грекам», царю лидийцев это было нетрудно, поскольку он мог рассчитывать на самых умелых в военном искусстве, на спартанцев.

Наконец, Пифия сказала Крезу, что «когда мул станет царем мидян, ему [Крезу] предстоит лишь следовать вдоль каменистого берега Гермеса и бежать, не стыдясь своей трусости». Царь лидийский знал, что в каждом предсказании, как правило, есть доля мистики, и даже в тех, что исходят из храма Аполлона, ясности искать не приходится. Но что означал мул в этом деле? Известно, как Крез истолковал эту притчу: результат сокопления осла и кобылы никогда не сможет властвовать над таким гордым народом, как мидяне. Следовательно, лидийцы ни в коем случае не рискуют быть побежденными их потенциальным противником.

Так что Крез решил начать войну. Но, будучи человеком не очень храбрым, он хотел убедиться сперва в надежности военных союзников. Лидиец проинформировал о своем намерении египтян и вавилонян, и те согласились присоединиться к нему. А спартанцы уже готовили корабли и собирали закаленные войска, и фараон Амасис направлял свой контингент — по его словам, сто двадцать тысяч солдат, — а Кипр, вассал египтян, грузил на корабли армейский корпус. Царь Вавилона Набонид ждал лишь сигнала от своего союзника, то же можно сказать о финикийцах, данниках вавилонян. Ионийцы и вообще все азиатские греки были также обязаны поставлять вооруженных солдат. Наконец, множество лидийских агентов разъезжали по Фракии, набирая там наемников. Стоило всем этим силам

объединиться и получилась бы непобедимая коалиция.

И все же один из приближенных Креза Санданис, считавшийся мудрецом, выразил мнение, быстро распространившееся среди лидийцев: «О царь! Ты готовишься идти на солдат в кожаных штанах и прочей одежде из кожи, которые едят не досыта, а сколько получится, поскольку в их стране земля каменистая; на солдат, которые не пьют вина, а только воду, у них нет ни инжира, ни других вкусных плодов. Итак, если ты их победишь, что ты возьмешь у них, у этих людей, которые ничего не имеют? А если, наоборот, ты будешь побежден, подумай о том, какие преимущества ты потеряешь. Когда они попробуют всех наших яств, они не захотят с ними расстаться и их не выгонишь. Я лично благословляю богов, внушивших персам идею пойти войной на лидийцев»^[62].

«В армии царю веселье»

На границе все было спокойно. Пограничные заставы, установленные мидянами еще во времена Астиага, были в руках Кира и ничуть не мешали проходу караванов, не создавая инцидентов, столь удобных для начала войны. Но Крез твердо решил напасть на Кира. Весною 546 года он приказал своим войскам форсировать знаменитую реку Галис, занял Птерию и Каппадокию. Затем он полностью опустошил окрестности Птерии и стал ждать развития событий.

Кир знал, с кем имеет дело. Новоявленный враг персов имел репутацию исключительную. Человек умный, любитель крупных проектов, неторопливый, склонный прощать. Но добродушие его сочеталось с неумеренной любовью к роскоши. Ярый оптимист, он верил во всемогущество золота.

Но прежде чем Крез перебрался через Галис, новый царь персов узнал от жителя Эфеса по имени Еврибат, что лидиец собирается напасть. Еврибату было поручено собрать войско на Пелопоннесе, и он перевозил большое количество золота. Измену он совершил явно в целях наживы, и его имя долгое время было для греков синонимом предателя.

Видя такую ситуацию, Кир первым делом подумал о том, как прикрыть свои тылы. Он уже давно замечал маневры Набонида. Пока, правда, вавилонянин напрямую его не беспокоил, однако внушал ему некоторые опасения. Но надо ли устремляться на юг, когда лидийцы угрожают ему с севера? Соотношение сил вполне могло позволить Киру победить вавилонян и захватить их город, если бы халдейская столица не

была так сильно укреплена Навуходоносором. Нападение на город бога Мардука потребовало бы длительной осады и значительной потери времени, тогда как над Каппадокией нависала угроза.

Как только Кир узнал новость, пришедшую от Еврибата, он решил покинуть Экбатану. Ему надо было первым делом выйти на естественный путь всех нашествий, в долину Тигра. До этого весеннего дня 546 года ему не приходилось выводить войска за пределы нового мидийско-персидского царства. Покинув Экбатану, этот город-крепость, подобно орлиному гнезду нависший над долинами, Кир направил коня навстречу своей судьбе. Его политическая слабость была реальностью. Еще никогда не принимал он участия в международной войне и понимал масштабы риска. Но уверенность ему придавали рвущиеся в бой воины.

Когда на горизонте показались воды Тигра, Кир по достоинству смог оценить просторы плодородных земель, лежащих в долине Междуречья. Но сыну Камбиса некогда было раздумывать: он узнал, что царь Сард не довольствовался захватом Каппадокии, что было бы понятно, если бы он хотел просто получить свою долю от крушения Мидийской державы, но он захватил Птерию, перебил там сирийцев и проводил политику выжженной земли; дикость эта никак не сочеталась с приписываемыми Крезу гуманностью и умом. Крез раскрывал свой замысел: остановить восхождение Кира и заставить его капитулировать.

Кир начинал свой путь победителя. Он поднялся вверх по течению Тигра и занял город Арбела между двумя притоками Тигра: Большим и Малым Забом; повидал развалины Ниневии, застывший символ империи, разрушенной смелыми воинами, пришедшими, главным образом, с востока, как и он; захватил Харран, до того находившийся в руках у вавилонян, и вышел в конце концов в Киликию.

Вместе с тем Кир, понимая трудности, которые Крез и его предшественники всегда испытывали в общении с греками Малой Азии, направил гонцов в греческие города с предложением восстать против своих угнетателей. Но ни Смирна, ни Эфес, ни Колофон не приняли предложения, столь рискованного для их безопасности. Только Милет вроде бы еще опасался делать опрометчивые ставки на свое будущее и оттого соблюдал некоторый нейтралитет.

Эта неудача не остановила Кира. Из осторожности, а вернее, желая проявить великодушие и заявить о своих амбициях, Кир направил царю Лидии предложение договориться мирно, чтобы избежать кровавых столкновений. Он хотел, чтобы Крез просил его милости и объявил себя вассалом Персии. На этих условиях правитель Сард сохранит свое царство

и титул сатрапа. Потомок Мермнадов ответил, что он никогда и никому не подчинялся в отличие от персов, бывших рабов мидян и будущих рабов лидийцев... Тогда перс решил продолжить наступление.

Киликия, оставшаяся независимой, в какой-то мере играла роль буферного государства между Лидией и сирийскими семитами. Она согласилась платить Киру дань и стала, таким образом, первой фигурой, которую бывший царь Аншана мог отныне включить в свою игру.

Затем персидские войска и их союзники вошли в Каппадокию, пересекли реку Галис и оказались напротив лидийцев, в окрестностях Птерии, в огромной долине, ограниченной гигантской дугой реки. Крез располагал большим преимуществом: город находился на перекрестке двух больших дорог, а именно — знаменитой царской дороги, помогающей ему получать помощь от союзников из Спарты, и другой, которая связывала Таре, на южной окраине Малой Азии, с Синопой, что обеспечивало помощь от армянских друзей.

Лидийской коалиции не хватало единства; войска, ее составляющие, никогда не сражались вместе. А вот армия Кира была на подъеме. Быстрое восхождение их вождя, победы, одержанные над старым Астиагом, ловкость, с которой Кир захватил власть в Экбатане, обеспечили персам и их союзникам несравненный моральный дух. Как писал Геродот, «в армии царило веселье».

Этот оптимизм объяснялся также наличием в персидском войске первоклассного вооружения. Кавалерия составляла боевой корпус в десять тысяч бойцов. Кроме того, у персов было около ста колесниц-косилок. «В колесницы запряжены кони в доспехах, а воины в них стоят за деревянными башенками, причем голова и части тела, выступающие из башни — также в доспехах. Кроме того, к осям колесниц прикреплены железные косы, так что колесницы всегда готовы ворваться в боевые порядки пехоты». Эти колесницы, срезавшие все на своем пути, являлись крупной удачей в области вооружения и обеспечивали в этом отношении безусловное превосходство сыну Камбиса. У вождя персов было еще одно новое оружие: оседланные верблюды с двумя лучниками на каждом; их появление на поле боя сеяло панику в стане врага.

Таким образом, персидская армия была уверена в исходе битвы. Но, как пишет Ксенофонт, шпионы, разосланные Киром, приносили тревожные вести: Крез был избран главнокомандующим войск противоперсидской коалиции. Щедро оплачиваемые наемники, в том числе из Фракии, а также египтяне были готовы примкнуть к главным силам царя Сард. Киприоты, киликийцы, фригийцы, арабы, финикийцы, а также вавилоняне прибывали

в большом количестве. Ионийцы и эолийцы были вынуждены послать контингенты; лидийцы вели переговоры о союзе со спартамцами, общий сбор всех вражеских сил должен был состояться на берегу реки Пактол.

Противник оказался силен, однако Кир быстро восстановил в своих войсках веру в победу. В пламенной речи он доказал, что «дрожать от страха будут вражеские войска перед лицом сил, пришедших со всех сторон, чтобы победить агрессора. Одни лишь колесницы представляют непобедимую силу, а с высоты верблюдов противник нам будет нипочем. И Креза нам нечего бояться, он еще трусливее, чем сирийцы, годится только на подкуп иностранцев, в надежде, что они будут сражаться за них лучше, чем они сами». И Кир так закончил свою речь: «А если, несмотря на эту правдивую речь, некоторые найдут силы противника грозными, а наши усилия презренными, я готов отправить их в лагерь противника; там они будут гораздо полезнее, чем здесь».

Юный предводитель персов отлично знал, что доверие к нему зависит также от интендантской службы, от снабжения войск оружием. Он следил за каждой деталью: «Значит, надо снабжать армию достаточным количеством провизии, без чего мы не сможем ни сражаться, ни просто выжить. Что касается вина, пусть каждый возьмет ровно столько, сколько нужно, чтобы привыкнуть пить только воду. Большую часть нашего марша мы не найдем вина и даже если захватим с собой большое количество, все равно этого будет недостаточно. Так вот, чтобы не заболеть, резко лишив себя вина, вот как нужно поступить: во время наших обедов давайте пить воду; если начнем сейчас, изменение не будет резким... Затем надо будет сокращать количество вина, выпиваемого после еды, до тех пор пока, сами этого не замечая, мы станем пить только воду»^[63].

Верблюды против конницы

В непосредственной близости от Птерии армии под командованием Креза быстро продвигаются по опустошенной Каппадокии навстречу персидским войскам, образуя как бы огромные клещи. Внешние крылья лидийцев разворачиваются все больше, как если бы они собирались повернуться спиной к противнику. В центре, выстроившись в линию, длинная колонна пехоты и кавалерии движется прямо на Кира. Мермнад явно старается охватить фланги персидского войска и их союзников.

Перед лицом такой тактики лидийцев Кир дает команду двигаться вперед. Но предоставим слово Ксенофону для описания битвы. Вождь

персов «оседлал коня, его эскорт — тоже. У всех у них одинаковые одежды и оружие: пурпурная туника, медная кираса и каска, белый султан, меч и дротик; кони — в медных латах, набедренники и у коня и у всадника. Оружие Кира отличалось только в одном: у всех оно отливало матовым золотистым цветом, а у него — блестело, как зеркало».

Справа от Кира — Хрисант, командующий кавалерией, слева — Арсам, возглавлявший пехоту. Персы наступают рядами. Их царь, очутившись перед флангами, продвигается до первых рядов, где находится Абрадат, царь Суз, один из старейших друзей и союзников персидского народа. Он попросил оказать ему честь командовать авангардом, но предчувствует, что битва развернется главным образом на флангах. Больше того, он опасается, что охватывающее движение Креза будет успешным, а он и его люди попадут в ловушку.

Перс решил нанести удар по правому флангу армий царя Сард. Тогда тот приказывает своим войскам, сосредоточенным в центре, наступать в сторону Кира в надежде окружить его. Но персидский царь устремляется на самый край лидийского фланга, туда, где меньше всего сил, и обращает противника в бегство. Одновременно другие отряды Кира обрушиваются на левый фланг лидийцев. Затем из тылов выскакивают колесницы и атакуют левый и правый фланги Креза. Однако войска, которыми командует Абрадат, не выдерживают натиска египтян. Союзник Кира и его друзья попали в мясорубку, но их героизм позволил персидской армии воспрянуть и нанести ущерб египтянам.

Восхищаясь мужеством египтян и испытывая чувство жалости к побежденным врагам, Кир приказывает прекратить бой. В конце концов на условиях, что их не заставят воевать против Креза, бывшего их союзника, египтяне принимают великодушное предложение Кира. Вскоре они станут верными и честными подданными нового царя персов.

Разгром Креза еще не означал для Кира окончательную победу. Видя серьезность своего положения, лидийцы не стали упорствовать и попытались отступить в полном порядке.

Приближалась зима, и царь Лидии предпочел уйти в Сарды в ожидании подкреплений, что были обещаны грядущей весной. К великому своему удивлению, Кир увидел, как уцелевшие войска противника покидают поле боя. Крез оставлял ему Птерию и всю Каппадокию, правда, опустошенную и выжженную властелином Сард. Но благодаря этому Кир мог представлять себя освободителем и собрать население этой страны под свои знамена.

Что делать? Вроде бы нет надобности преследовать царя лидийского

вдоль русла Гермоса. В лучшем случае, Кир выиграет схватку с каким-нибудь арьергардом. Пусть Крез возвращается в Сарды, где он наверняка почувствует себя в безопасности.

И действительно, Крез полагал, что избежал самого худшего. Он тут же распустил большую часть своих войск, полагая, что в наступающий зимний, снежный период ничего не произойдет. Некоторые из его союзников, предчувствуя тяжелые времена, покинули его под предлогом, что царь лидийцев зимою в них не нуждается. А Крез тем временем стал готовить весеннюю кампанию, стараясь собрать друзей, в частности спартиатов, помощь которых была ему необходима для победы над Киром. Несмотря на территориальный спор с аргосцами, царь спартиатов, не колеблясь, объявил о своей поддержке лидийского царя в кратчайшие сроки.

Так что Киру надо было поспешить, если он собирался напасть на Креза, пока тот не сколотил новую коалицию. И вот, против всяких ожиданий, царь Аншана направил свои войска на Сарды...

Когда персы появились в долине, окружавшей лидийскую столицу, Крез не поверил глазам своим. Как этот горец-дикарь осмелился выступить против царя — филэллина, царя самой образованной империи на Земле, союзника самых могучих держав на свете? Мало того, что Кир уцелел после нападения лидийцев в Каппадокии, но он проник в самую Лидию, и вот он перед ее столицей — Сардами, это невообразимо.

Оглядев равнину, где предстояло вести бой, Кир понял, что на этот раз столкновение произойдет, главным образом, между двумя кавалериями. Местность вокруг города Фимбары была очень удобна для маневрирования конницей. Крез горделиво расставил своих всадников. Для Кира главное было — не попасть в ловушку, какую ему готовил, по видимому, царь лидийский. Исход битвы между всадниками мог оказаться неопределенным.

После того как персидский царь выслушал мудрые советы Гарпага, был составлен план, согласно которому наследник Астиага выставил вперед верблюдов, на которых бесстрашные воины поражали противника сверху. Как писал Ксенофонт, «даже на большом расстоянии лошади не переносили зрелища этих животных, одни в испуге уносились прочь, другие вставали на дыбы и натывались друг на друга. Это — обычная реакция конницы на верблюдов». Сброшенные с седел, лидийские кавалеристы не теряли присутствия духа и продолжали биться в пешем строю против персов. Обе стороны понесли значительные потери, но в конце концов бойцы Креза отступили и укрылись за крепостными стенами.

Киру оставалось лишь осадить столицу.

Город в ту пору был окружен «царской стеной», опирающейся на обрывистые скалы, и считалось, что взять его невозможно. Мнению о неприступности лидийской столицы способствовала легенда. Рассказывали, что наложница бывшего царя по имени Мелес родила льва. И что лев этот обегал все укрепления, чем и обеспечил Сардам полную безопасность. Кстати, изображение этого льва-покровителя сохранилось на монетах, выпущенных в Лидии.

Ничто не предвещало, что Кир начнет приступ зимой 546 года. Он расположил свою ставку в Фимбрары, городе, хорошо защищенном благодаря прикрывавшему его горному массиву Катакекавмен.

Кир, казалось, спокойно ожидал прихода весны. Но, зная опасность политики выжидания, объявил в своих войсках, что он даст большую награду тому, кто первым преодолеет укрепления Сард. Несколько попыток оказались бесплодными, но однажды некий любитель приключений, по происхождению мард (одно из лидийских племен), а по имени Гиреад, заметил, как лидийский солдат уронил каску с крутого обрыва. Чтобы выручить свое имущество, лидиец спустился через бойницу, а затем легко поднялся внутрь крепости. Мард подобрал несколько друзей, охотников до вознаграждения, и однажды ночью они стали взбираться по скале, недоступной из-за того, что по карнизу проходила тропа для часового. Чтобы облегчить смелую вылазку Гиреада, Кир одновременно предпринял атаку на противоположном склоне, со стороны Термоса, то есть там, где были собраны главные силы обороняющегося Креза. Хитрость удалась. Персидские войска смогли занять нижнюю часть города и большую часть поселка, окружающего акрополь.

Крез укрылся в цитадели, в храме, посвященном Аполлону, в надежде на чудо: продержаться до весны, хотя была еще середина осени. Но, несмотря на многочисленные героические поступки его приближенных, Мермнад сдался и попросил, чтобы его отвели к Киру, своему победителю.

Впервые потомок Ахемена занял и покорил крупный город международного значения, столицу мира, о котором он не знал ничего.

Так не погиб Крез

Сарды были расположены на склонах гор, образующих огромный амфитеатр. Город вырисовывался на фоне как бы округленного экрана, образованного горой Тмол. Официальные здания, крепость, акрополь,

дворец, царское казначейство выделялись в сердце города подобно тому беспорядку вершин и ложбин, что угадывались за стенами, вдали на горизонте.

Пройдя через окраину, населенную простолюдинами, Кир вышел у подножия акрополя к торговому городу купцов, с магазинами, банями, трактирами, а поодаль увидел кирпичный дворец Креза.

Как на всех восточных базарах, жизнь в этой части города была ключом, это был сплошной клубок активности и движения. Все товары Востока обменивались тут на наличные деньги, отчеканенные здесь же правителями Лидии. Персидских воинов, привыкших к простой жизни, особенно привлекали ряды, где торговали духами. Преобладал запах шафрана, он буквально наполнял воздух.

Кир скоро убедился, что в Сардах люди любили драгоценности и роскошь. Многие следовали греческой моде и одевались так, как подобает сторонникам эллинской культуры. Любили лидийцы также игры — кости, бабки, интересовались всеми видами удовольствий.

Сарды были городом контрастов; чувственный материализм соседствовал там с очень уважительным отношением к культам греческих божеств и поискам красоты или к обучению философии и мудрости, что когда-то проиллюстрировал Солон и распространяли Фалес и его последователи.

Итак, именно в Сардах Кир праздновал победу над противником своим, над человеком, превратившим свою страну в богатейшую экономическую державу, а теперь согнувшим спину перед царем, спустившимся с Аншанских гор.

Крез не строил себе иллюзий о предстоящей своей судьбе. Он надел парадные одеяния и направился к своему победителю, а покоренные лидийцы в соответствии с вековыми традициями начинали вместе с наиболее мстительно настроенными солдатами Кира возводить огромный костер. Согласно лидийской традиции, побежденный Мермнад должен погибнуть в огне. С покорным видом царь Сард, увенчанный короной из самого чистого золота, какое только встречалось в реке Пактол, сжимая в правой руке царский скипетр, взошел на трон, установленный среди дров для костра.

А Кир стоял напротив царя, безмолвно готовящегося встретить свой последний миг. В нем боролись противоречивые чувства. Как не дать Крезу принять смерть так, как приняли бы ее его предки, как отказать ему в праве умереть так, чтобы смыть позор унижения? Молча смотрел перс на эти приготовления царского самоубийства перед лицом многочисленной толпы,

где стояли вперемешку победители и побежденные.

Не дожидаясь приказа, солдаты уже подносили факелы, поджигая костер. Лидийские женщины, видя как гибнет их благородный царь, разрывали на себе одежды, бросая их в огонь. И вдруг Кир, полагая, что Крез получил достаточный урок и спектакль затянулся, велел потушить огонь и освободить царя лидийцев. Та же толпа, что покорно смотрела, как гибнет их царь, вдруг обрела надежду и стала помогать солдатам Кира гасить огонь.

Но, несмотря на все старания, победить пламя они не могли. Казалось, ничто не спасет Креза от мучительной смерти. Однако, видя, что его собственные враги пытаются его спасти, лидийский царь воспрял духом. Он трижды громко провозгласил имя Солона, своего учителя, и трижды призвал Аполлона, бога, прославлению которого он так способствовал. Внезапно небо затянуло тучами и разразился сильнейший ливень, он помог солдатам потушить костер, и в конце концов вода победила огонь.

Так не погиб Крез, но династия Мермнадов закончилась на нем.

Осуществилось проклятие, какое несли на себе потомки Гигеса. Разве не провозгласила Пифия Дельфийская, когда впервые к ней обратился варвар, что Геракл иды «будут отомщены на четвертом потомке Гигеса», поскольку первый Мермнад убил собственного царя, доверчивого Кандавла?

Много лет спустя Геродот напишет, что та же Пифия, когда ее лидийцы спросили по поводу несчастной судьбы Креза, ответила: «Никто не может избежать своей судьбы, даже бог. Крез заплатил за грех своего предшественника в четвертом колене, который, будучи телохранителем Гераклидов, подчинился хитроумию женщины, убил своего хозяина и захватил его сан, на который не имел никакого права».

Никто не поверил, что Сарды были с боем взяты неким варваром. А когда факт подтвердился, греки, например, выразили свою печаль по этому поводу. Возможно, им было стыдно, что их жрица Пифия своими двусмысленными предсказаниями отчасти виновата в падении царя лидийского. «Заслуги и гений такого человека, как Крез, не будут забыты», — воскликнет впоследствии поэт-лирик Пиндар.

Но для греков ионийских, нашедших способ сосуществования с лидийцами, речь шла о другом. Отныне они были отданы на милость победителя, который, по их мнению, не зная греческого мира, мог их только преследовать.

В ту пору Кира не интересовали греки, живущие на побережье. Сперва ему надо было организовать жизнь в Сардах, сделать так, чтобы город оставался самим собою, хотя и подчиненным власти персов. Меркантильный характер лидийцев раздражал бывшего царя Аншана, но менять их привычки он не собирался, чтобы не нарушить мир и безопасность — главную цель его. Захватив Лидию, сам того особенно и не желая, Кир должен был срочно выразить свое понимание этого царства. Объявить, какая судьба ждет чужие народы, которые он впервые завоевал. Новый властелин Лидии назначил перса по имени Табал возглавлять сатрапию Сарды, но, чтобы показать свое доверие лидийцам, оставил на своем посту подданного Креза по имени Пактий, администратора налоговой службы, поручив ему же перевезти в Сузы и Экбатану сокровища последнего Мермнада.

Веря в правильность своего решения, Кир вместе с Крезом направился к своей столице. Он умышленно не занимался ионийцами, так как еще не решена была проблема Вавилона: увлекшийся лунным мистицизмом Набонид все же представлял какую-то опасность. Египтяне, бывшие союзники лидийцев, болезненно восприняли поражение царя Сард и грозились составить новый экспедиционный корпус. Но главное, что на востоке племена, сражавшиеся вместе с Киром против армий Креза, бурлили не переставая: сравнительно близкие гирканцы и парфяне, а также далекие саки и бактрийцы в Центральной Азии были недовольны тяжелым ярмом персов, их братьев по расе. Одним словом, чтобы решить восточные проблемы, Кир направился на восток.

От этого в Смирне, Эфесе, Колофоне и Галикарнасе облегчения не почувствовали. То, что Кир удалился, не означало конца нашествия варваров. Пока Сарды находятся на положении покоренного города, свобода торговли рискует быть нарушена. Поэтому греки прибрежных городов с радостью узнали об измене Пактия. Этот лидиец решил похитить ценности, охранять которые поручил ему Кир, и набрать наемников, надеясь с их помощью устроить поход на Сарды и победить персов Табала, которых, кстати, там было очень мало.

Узнав об этой измене, Кир стал упрекать в этом Креза. Вот что пишет об этом Геродот: «Крез, чем это закончится? Похоже, лидийцы будут без конца мне и самим себе чинить неприятности. Я уже подумываю, не обратить ли их в рабство. Мне кажется, что я похож на человека, который,

убив отца, пожалел детей его. И вот я увожу с собой тебя в качестве пленника, тебя, кто был для лидийцев больше, чем отец, а город оставил им; и удивляюсь, что они восстают против меня!»

Крез, опасавшийся за свой народ, отвечал: «О царь, то, что ты говоришь, — разумно, однако не предавайся излишнему гневу, не разрушай древний град, который не повинен ни в том, что свершалось в прошлом, ни в том, что происходит сейчас. За то, что было в прошлом, я отвечаю головой. В том, что происходит сейчас, виноват Пактий, которому ты сам доверил Сарды. Его и наказывай. Прости лидийцев, а чтобы они не восставали и не причиняли тебе беспокойства, обяжи их делать то, что я скажу: пошли им запрещение хранить боевое оружие и прикажи носить под плащами хитоны и высокие сапоги на ногах. Затем повели им обучать своих детей игре на кифаре и лире и заниматься мелочной торговлей. И ты увидишь, царь, как скоро они из мужей обратятся в женщин, так что тебе никогда уже не надо будет страшиться восстания»»^[64].

Кир поверил этим словам и послал в Сарды воина-мидийца по имени Мазар с заданием восстановить порядок и арестовать Пактия, после чего царь продолжил поход на восток.

Мазар быстро восстановил мир и покой для персов в окрестностях Сард. Но захватить Пактия долго не удавалось, что доказывало нежелание ионийских греков смириться с гнетом Кира. Но в этом сопротивлении появилась трещина: в нарушение права на убежище, правительство острова Хиос, где укрывался Пактий, с позором выдало предателя персам.

Усмирив бунт, Мазар заставил его участников платить за это высокую цену. Все началось в городе Приена. Среди греков этот город славился тем, что там находилось панионийское святилище, поэтому Приена считалась как бы духовной столицей. Кроме того, поэт и философ Биант пользовался там непререкаемым авторитетом. Мазар решил в назидание другим обратить в рабство жителей Приены. После чего он прошел вдоль русла реки Меандр, опустошив все на своем пути.

Кир презирал прибрежных греков за трусость и торгашескую душу и, хотя считал необходимым подчинить себе ионийцев, решил, что не стоит прерывать свой поход. Узнав, что мидянин Мазар умер в Сардах от болезни, Кир поручил военачальнику Гарпагу покорить города на Ионическом побережье.

Ничто не давало повода думать, что сопротивление греков, ранее покорных лидийцам, будет упорным, и греки отвергнут предложения персов. Хотя во времена, когда Кир собирался захватить Лидию и искал союза с азиатскими греками, он получил единодушный отказ, и лишь

правители Милета, затаившие обиду на Креза, возможно, полагали, что им будет легко отделаться впоследствии от такого некультурного властелина, как царь Экбатаны. Так что лишь Милет ему подчинился, а остальные греческие колонии воспротивились.

Первую атаку Гарпаг предпринял против города Фокеи. Жители города успели возвести очень высокие укрепления, так что Гарпагу пришлось столкнуться с практически непреодолимыми трудностями. Но осада была успешной, а потери значительными. В соответствии с новой политикой ведения войны, принятой Киром, мидийский полководец предложил фокейцам символический знак подчинения: пусть жители Фокеи в знак покорности великому царю персов отобьют один камень от их стены и посвятят персидскому владыке хоть один из их домов, после чего они смогут продолжать жить согласно своим традициям. Фокейцы запросили одну ночь на размышления и убедили персов удалиться от крепости, чтобы не мешать им. Гарпаг, не подозревавший о решении, какое примут фокейцы, принял эти условия и стал терпеливо ждать развития событий...

Со времен предательства Милета Фокея была центром национального сопротивления варварам. После первой победы персов на берегу Галиса фокейцы направили в Спарту посла по имени Пиферм, чтобы проинформировать спартиатов о положении ионийских греков и запросить у них энергичной помощи. Пиферм предстал перед руководителями Спарты в пышных одеяниях, достойных фокейцев. Он говорил о солидарности, которая должна объединять эллинов по обе стороны Эгейского моря и проливов, об опасности, какую представляет усиление персов, и об отрицательных последствиях для благополучия региона. Речь его не имела отклика. Спартиаты, никогда не отказывавшиеся помочь Крезу, угнетателю ионийцев, ныне отказывались как-либо помочь самим грекам. Но, чтобы показать, что они сочувствуют фокейской просьбе, спартиаты решили ответить политическим демаршем. Они направили Киру посла с поручением дать понять персу, что всякое нападение на малоазийских греков будет рассматриваться как агрессия против самой Греции. Кир, полагая, что европейские греки — то же, что и азиатские, нашел их заявление смехотворным и заявил: «Если буду здоров, у них будет больше оснований позаботиться о собственных бедах, чем о бедах ионийцев».

Этот обмен посланцами, первый политический контакт между греками и персами, независимо от его итогов означал, что правление Кира было отныне признано.

Когда настало утро, к великому своему удивлению, персы обнаружили,

что город Фокея пуст, в нем не было жителей. Погрузив в свои длинные и быстрые суда жен, детей, статуи богов и все имущество, фокейцы ушли в море. Они покинули родную землю без надежды на возвращение, чтобы не покориться варварам. После многочисленных остановок, в частности на острове Хиос, они направились к западу и после длительного путешествия, невзирая на капризы моря и всевозможные опасности, добрались до острова Кирнос, впоследствии известного как Корсика. Через несколько лет фокейцы смело выступили против карфагенских захватчиков и разбили их в окрестностях Регии (Реджо-ди-Калабрия). Позже они направились на север и высадились на побережье, где жили кельты, там они основали порт возле города, позже названного Марсель.

Примеру Фокеи последовал другой ионийский город. Жители Теоса, понимая, что сопротивляться персам они не могут, и уверенные, что невозможно никакое сосуществование с этими варварами, отправились во Фракию и обосновались близ города Абдеры, неподалеку от золотых приисков Пангеи. Абдеры были знамениты тем, что там рождались только идиоты, чем город и прославился на всю Грецию. Новые поселенцы превратили Абдеры в культурный и интеллектуальный центр, тогда как города Ионии, Эолии и Карии один за другим были завоеваны персами.

Постепенно Гарпаг открыл для себя истину, что «этот купеческий народ, любящий поболтать», имел способности к военному делу. Правда, ионийцы не питали никаких иллюзий по поводу мирных намерений своих противников. Персы полагали, что перед ними были торгаши, лишенные каких-либо воинственных желаний, а малоазийские греки считали, что имеют дело с жестокими варварами, способными только разрушать. На самом же деле и ионийские греки умели сражаться, и персы были готовы предложить мирные условия, не менее выгодные для греков, чем те, что у них были во времена Мермнадов. Однако недоверие — вещь упрямая, и Гарпагу пришлось прибегать ко всем своим военным талантам и к героизму своих войск, чтобы занимать города, жители которых считались неспособными ни к каким боевым действиям.

Взятие каждого города, поселка и населенного пункта требовало от Гарпага настоящих полководческих усилий. Но ионийцы очень скоро поняли, что персидские солдаты отличаются от лидийских. Эти последние организовывали свои атаки, главным образом, в расчете на действия конницы, у Гарпага же были более разнообразные силы и средства. Вокруг городов, занять которые он стремился, он мог организовать осаду и с суши, и с моря. Персидский военачальник не был связан ни с какими правилами ведения войны, соблюдаемыми греками, в том числе игнорировал принцип

неприкосновенности святилищ.

Гарпаг стремился положить конец этой изнурительной и бесславной войне, из-за которой он оказался вдали от своего хозяина. А Кир в это время создавал империю в далекой Центральной Азии. Персидскому командующему приходилось успокаивать умы, чтобы выглядеть миротворцем. Города, взятые ценой стольких жертв, не были разрушены, жители их не были сосланы или взяты в рабство. Ничто не менялось в администрировании городов или в их бывших учреждениях. Персы предпочитали, чтобы жители ионийских городов предавались бы дискуссиям в ходе собраний, а не организовывали сопротивление и подрывную деятельность. Поскольку у каждого города были свои традиции, персам не приходилось опасаться их объединения. Некоторые умы, Фалес Милетский например, призывали к созданию структурированной политической организации различных греческих городов в Азии. Но, если не считать некоего федерального собрания избранных, заседавшего у подножия горы Микале, которому персы разрешили действовать, лидийские греки не пытались создать серьезную политическую организацию.

Ионийцы, впрочем, были уверены, что варвары навяжут им безжалостный закон, что предоставят им лишь кажущуюся свободу. Поэтому Биант из Приены советовал покинуть родную землю и заложить новые основы свободного города. Он предлагал построить флот, чтобы все могли уехать на далекий остров, который называли Сардинией, и где они возведут панионийский город. Так ионийцы смогут подавить варваров на этом большом острове и станут «самыми счастливыми из греков».

Что касается персов, им вовсе не хотелось, чтобы ионийские греки покинули Малую Азию, они расширили либеральные меры по отношению к ним и только просили выплачивать положенную подать и выделить из своей среды некий контингент вооруженных людей для службы персидскому царю. Что же касается жителей островов, например Лесбоса и Хиоса, которых буквально терроризировало простое присутствие варваров на противоположных берегах, они поспешили согласиться.

Оставалось покорить греческие города внутри Малой Азии. В окрестностях Галикарнаса Гарпагу пришлось дать беспощадный бой педасийцам. В Ликийи он столкнулся еще с одним грозным противником. Бой развернулся возле города Ксанфа и на берегах реки с таким же названием. Жители Ксанфа, понимая, что они в конце концов будут побеждены, собрались с женами и детьми в самой верхней точке их цитадели. Там разожгли огромный костер, в нем сгорели их семьи,

мужчины же предприняли отчаянную попытку вырваться, но были все перебиты.

Война по захвату побережья Малой Азии подходила к концу. Персы, которые до того полагали, что им предстоит лишь провести операцию по умиротворению, впервые в их истории оказались втянутыми в настоящую войну против греков. А греки оказались разделенными проливами и молодой Персидской державой. Больше не было гармоничного перехода из одного мира в другой, какой установили Мермнады. Лидийцы, служившие одновременно заслоном от варваров и посредниками между греческим миром и Востоком, перестали существовать как независимый народ, сошли с исторической сцены.

Однако, подчиняясь некоему инстинкту самосохранения, азиатские греки уже подумывали о сближении с новой властью. Конечно, когда-то они отказались покориться Киру. Не забыли они и ироничный ответ нового повелителя лидийцев, когда он напомнил грекам Ионии и Эолиды об их отказе стать его подданными на тех же условиях, на каких они служили Крезу: «Кир, выслушав их предложения, рассказал им басню, как некий флейтист... глядя на рыб в море, играл на своем инструменте; он думал, что рыбы выйдут из воды и улягутся на берегу. Разочаровавшись в этом ожидании, он схватил рыбацкую сеть, выловил множество рыб, вытащил их из моря и, глядя, как они прыгают, сказал им: «Кончайте эти танцы, ведь когда я играл на флейте, вы не захотели выйти из воды». Кир переадресовал эту басню грекам Ионии и Эолиды, поскольку когда-то, когда он сам просил их через посланцев отделиться от Креза, ионийцы не послушались, а теперь, когда дело сделано, были готовы слушать его. Он говорил им это, находясь в разгневанном состоянии»^[65].

Но многие лидийские греки, особенно живущие в Сардах, более чуткие к потребностям экономической жизни, чем к патриотическим особенностям их прибрежных братьев, сблизилась с Киром, сохранив, таким образом, шансы на развитие региона. В отличие от ионийцев, сардские греки получили дополнительный козырь в своей игре...

На завоевание мира

Своими действиями в сердце Центральной Азии Кир подготавливал, возможно, наступление на греческий мир. Когда царь персов, несмотря на продолжение войны в Ионии, решил предпринять свой восточный поход, он подчинялся точной мотивации, зная, что кампания, которую он начинал,

будет разыгрываться сперва на Востоке. Ему надо было вовлечь в свои походы народности Востока, всегда готовые идти на Запад, при этом он должен был явиться перед знакомым ему миром не завоевателем, а прежде всего в образе создателя империи, организатора, чья политическая воля соответствовала бы интересам народов.

Продвигаясь на Восток, будущий великий царь поднимался по ступеням собственной истории. Он возвращался в мир, где родились верования его предков. Вдоль берегов Яксарта, там, на севере, не было Греции и Вавилона, не было Аполлона и Мардука, только бог беспредельных пространств.

Кир захватил Гирканию и Парфию. Управлять ими он поручил Гистаспу, сыну Аршамы и отцу Дария. Затем, без особых трудностей, он покорил Арею, Дрангиану, Арахосию и современный Афганистан. Эти богатые провинции избежали ассирийского гнета и влияния Мидии. С давних пор они участвовали в торговле с Индией, Месопотамией и даже Египтом. Кир придавал большое значение сохранению этих связей, которые позволяют ему снабжаться сырьем, сельскохозяйственными продуктами и промышленными товарами. Кроме того, как пишет Николай Дамасский, гирканцы, парфяне, саки и бактрийцы были представлены своими вождями при дворе Кира. Благодаря их поддержке персидский царь мог располагать свои гарнизоны в столицах этих провинций и создавать там новые укрепленные города.

Затем царь персов прошел вдоль Окса (Амударьи) до самого Оксианского озера и захватил Согдиану. Там он встретил народности, которые превыше всего ценят свою свободу. Были случаи сопротивления и даже упорные бои. Но царь персов сумел приобщить правителей хорезмийцев и массагетов к своему плану. Он осуществил исключительно смелый проект: ирригацию Согдианы. За несколько месяцев он повелел построить ряд плотин на реке Оксе и заставил платить за получение воды для орошения полей. Дойдя до северных пределов своей империи, царь персов повелел возвести семь крепостей, самая большая из которых называлась Кира^[66]. Эта оборонительная линия опиралась на Самарканд, столицу Согдианы, что позволяло той обороняться против захватчиков в Азии.

Тогда Кир решил спуститься на юг. По пути он овладел Маргианой, затем вступил на землю Бактрии. Укреплению власти персов над этими регионами способствовала и тяга к объединению, существовавшая там еще до Кира. Степень экономического развития, которой достигли эти народы еще до владычества Ахеменида, способствовала тому же. Но Кир одним

своим присутствием оказывал влияние. Он умел, уже после ухода, оставлять после себя некий миф, легенду, связанную с его именем, и создавать невидимую связь, гораздо более прочную, чем военная оккупация.

Наконец, будущий великий царь завоевал страну индусов, где брала свое начало другая ветвь арийцев. Он остановился на берегу великой реки Инд, разделяющей страну на две части. Кир покорила гордый и воинственный сакский народ, который в конце концов согласился быть под властью персов.

Очевидно, Кир понимал, что закладывал основы для своей империи: с востока или с севера никакая опасность не угрожала; политическая власть, установившаяся там, линия обороны вдоль берегов рек, экономические успехи, которые при нем были достигнуты, и, наконец, расположение к его личности, повсюду наблюдавшееся, составляли гарантии длительности его царствования.

К концу пятилетнего похода наследник Астиага вернулся в Экбатану. Неподалеку от столицы он повстречал своего побежденного врага Креза, жившего там на широкую ногу. Сын Алиатга пользовался почетом, соответствующим его рангу: его безопасность охраняли пять тысяч всадников и десять тысяч лучников, к тому же он свободно распоряжался частью своих драгоценностей.

Так жил Крез, банкир богов, бывший враг Кира, ставший его сторонником.

Глава IV

И ВАВИЛОН ОТКРЫЛСЯ ПЕРЕД НИМ

В 556 году взошел на трон Вавилона царь Набонид. Воспользовавшись тем, что мидяне воевали с персами, он занял свой родной город Харран, чтобы восстановить там храм Эхульхуль, как было ему предписано богами. Вот что донесли до нас вавилонские хроники: «В год моего восшествия на престол мне приснился сон: великий бог Мардук и Син, светоч неба и земли, оба явились ко мне. И Мардук сказал: «Набонид, царь вавилонский, собери коней и колесницы, вели напилить деревьев и отстрой храм Эхульхуль, верни великого бога Сина в его законное жилище»». Храм Сина был разрушен после падения Ниневии, когда последний ассирийский царь Ашшурубаллит II пытался укрыться в нем в ходе отчаянной борьбы с мидянами, скифами и... вавилонянами. С тех пор он так и не был восстановлен и поклоняющиеся Сину испытывали острое чувство неудовлетворенности.

Взятие Харрана халдеями в 553 году, мобилизация тысяч строителей и начало работ по восстановлению храма явились вызовом мидянам. Этот самовольный поступок был истолкован как бунт, вызванный отсутствием власти в Харране, и не должен был особенно беспокоить царя Аншана. Наоборот, случай этот ослабил власть Астиага, царя мидян, и Кир, как поговаривали, даже поощрил вавилонянина. Молчаливое согласие двух монархов позволило, с другой стороны, Набониду занять с самого начала царствования немало опорных пунктов в Сирии, в том числе такой, как Хамат, у подножия горы Ермон.

В 551 году строительство храма Эхульхуль закончилось, и статуи богов Сина, Нингаль, Нуску и Садарнунна были торжественно перенесены из Вавилона в Харран. Перед лицом растущей мощи персов Набонид, больше всего заботящийся о сохранении только что восстановленного им храма, присоединился к Крезу в его борьбе с царем Аншана. Он принял очень скромное участие в подготовке войны в Лидии, но Кир затаил обиду на человека, предавшего его доверие.

Отныне Кир царил над империей, раскинувшейся от устья Меандра до устья Инда на расстояние около пяти тысяч километров. Что ему стоило победить Набонида? Разве он не поставил на колени Лидию, самую

сильную в экономическом плане державу в том регионе? И разве Сарды не были союзниками Спарты и египтян, тогда как Вавилон в ту пору выглядел весьма изолированным?

И все же Вавилон был одним из крупных центров цивилизации. Столица Набонида, наследница культур Шумера и Аккада, была важным объектом на пути Ахеменида.

Набонид, поклоняющийся богу Луны

Пришедший к власти в результате переворота Набонид, человек уже не молодой, вовсе не был идеалистом, не знающим реальной жизни, как любили его изображать. Он умел плести интриги, проявлять властность, решительность, ему не чуждо было двуличие.

В 555 году он воевал в Сирии и Палестине, вплоть до Эдома, проявив способности стратега. Едва закончив эту войну, он захватил Харран, доказав еще раз свое воинское умение.

Набонид когда-то жил при дворе Навуходоносора, который видел в нем человека положительного и достойного доверия. Действительно, как и перс, владыка Вавилона стремился к целям как политическим, так и религиозным. Отец Набонида арамейского происхождения управлял городом Харраном и передал сыну качества, полезные для административной деятельности и для правления. Полное имя его было Набу-балат-су-икби, что означает: «Бог Набу повелел ему жить», а в официальных анналах его характеризовали, как «князя мудрого и разностороннего, покорного богам». Что касается его матери Аддагуппи, то вскоре после рождения будущего царя она стала главной жрицей бога Сина в Харране, в храме Эхульхуль, или в «доме радости». Набонид, имя которого Набунаид означает «бог Набу прославлен», имел особое суждение о судьбе Вавилона. Он намеревался предоставить арамейским племенам привилегии, чтобы придать больше динамизма Вавилонскому царству, он мечтал сделать Вавилон «столицей империи бога Луны». Но жрецы Мардука вовсе не собирались признать господство Сина, второстепенного бога, и считали, что Мардук должен оставаться «царем богов, властелином среди властелинов, царем небес и земли, властелином и князем среди богов, без которого ничего нельзя сделать».

Жрица Аддагуппи при всем ее влиянии на царя, ее сына, не смогла внушить ему осторожность. Годами она не покидала разрушенный храм, призывая молитвами к возвращению ее бога. Она сохраняла культ

покойного царя Ашшурбанипала, назначившего ее супруга правителем Харрана. Знала она также, что Асархаддон особо почитал Сина, бога Луны, к которому он был привязан больше, чем можно было подумать, судя по политико-религиозной организации Ассирии.

Разве не утверждали Саргон и Асархаддон, что Син гарантировал целостность их царского дома? И Ашшурбанипал не случайно дал имя своему сыну Син-шарри-ишкун, что означает: «Син возвел царя на трон». Жрица не сомневалась, что ее собственный сын будет законным наследником Ашшурбанипала и будет править всей ассиро-вавилонской империей.

Так что Набонид мог похвалиться двойной традицией: во-первых — царственной, поскольку отец его пользовался доверием своего патрона, а во-вторых — религиозной благодаря набожности своей матери по отношению к Сину. Он напоминал, что Асархаддон и Ашшурбанипал лично были коронованы в Харране, городе бога Луны.

Став царем Вавилона в результате заговора, совершенного главным образом жрецами бога Сина, сознавая, несмотря на убийство заговорщиками сына Нериглисара, законность своего вавилонского будущего, Набонид хотел продолжать и свою миссию по отношению к богу Луны. Однако бог Мардук безраздельно правил в Вавилоне, и жрецы его имели огромное влияние в стране. К тому же халдейский монарх получил свою власть именно от этого бога. Конечно, великий Син имел много могущественных последователей в Вавилоне. Но как сможет Набонид присвоить божеству, которому он поклонялся больше всех, преимущественное право по сравнению с Мардуком?

Большинство жрецов в Вавилоне отказалось одобрить восстановление храма Эхульхуль. Это был вызов. Набонид был готов ответить на него. Царь решил покинуть Вавилон, помешав тем самым празднованию религиозных церемоний во славу бога Мардука. До того он призвал в Харран своего сына Бершалусура (библейского Валтасара) и под покровительством бога Сина поручил ему властвовать за царя в его отсутствие. Затем, не заезжая в столицу, удалился на запад, в сторону Аравийской пустыни.

А в Вавилоне, в храмах, дворцах и на базарах, это решение царя встретили с удивлением и тревогой. Внешне в регионе царило спокойствие. Восстание Кира против мидян особенной опасности не представляло. Хотя все знали о склонности царя к мечтаниям в одиночестве, о его культе прошлого, о любви к пустыне, откуда вышла вся семья его, это полуотречение вызвало некоторое беспокойство, тем более что Валтасар не

мог исполнять религиозные функции, ибо они оставались прерогативой самого царя.

Царь Вавилона расположился в оазисе под названием Тейма, на полпути между его столицей и Мемфисом, в глухом углу, где останавливались лишь караваны бедуинов. Цель его была точно определена: вызвать к жизни этот третий центр поклонения богу Луны. После Ура в Халдее, где царь назначил жрицей собственную дочь, и Харрана в Ассирии Тейма станет по величине достойной бога Сина. Набонид предполагал превратить простой оазис в место, где будут чествовать бога мудрости, бога, отмеряющего время, и эмблема которого — ночное светило — нерегулярностью своего появления и внешнего вида олицетворяет относительность человеческих убеждений.

А в Вавилоне многие объясняли отъезд и долгое отсутствие Набонида состоянием его здоровья. Говорили, что царь умственно устал и ему нужен покой, свойственный пустыне. Другие полагали, что сухой климат оазиса подходил для болезни кожи, которой он страдал. И вообще, быть может, шестидесятилетнему Набониду просто надоела власть с ее интригами, заботами и сделками с совестью?

Подстрекаемые жрецами Мардука, вавилоняне стали называть Набонида «царем, выжившим из ума». Вспоминали также, что Навуходоносор на закате дней своих предсказывал, что последний царь Вавилона «навлечет беду на своих подданных» и что для него и его народа будет лучше, «если он пойдет другим путем, подальше от городов и людей». Некоторые халдеи подумывали, не является ли Набонид последним царем Вавилона...

Но были и такие, кто оправдывал поведение Набонида, ссылаясь на экономические причины.

Грабители, обходя центр Аравийского полуострова, нападали на караваны, идущие из богатого Египта в Ассирию, Вавилонию, Лидию или Мидию. Это было серьезной угрозой для халдеев, которые нуждались в импорте товаров из Египта и в экспорте собственной продукции. Своим присутствием в главном оазисе Аравийской пустыни царь Вавилона был помехой для грабителей. Кроме того, с точки зрения стратегической, превращение Теймы в укрепленный город позволило бы обеспечить связь между Вавилонией и Египтом и установить своего рода санитарный кордон между двумя странами...

Кир Великий. Рисунок XIX в.

1.

2.

3.

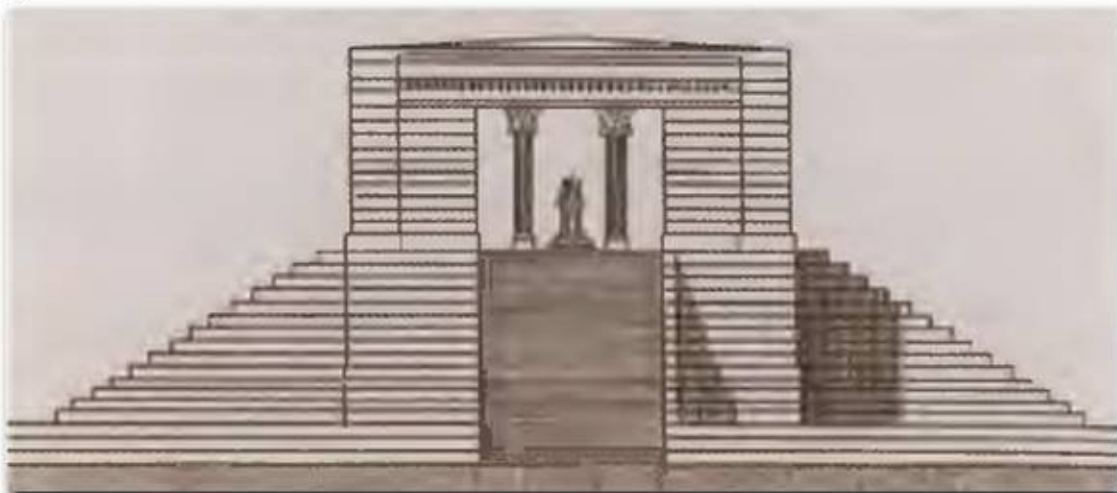

1. Сидящий сфинкс. Рельеф. Персеполь. VI–V вв. до н. э.

2. Ручка сосуда в виде крылатого горного козла. Бронза с частичной позолотой.

3. Жрец и слуга-мидиец. Рельеф лестницы трипилона. Персеполь. VI–V вв. до н. э.

1.

2.

1. Фасад зороастрийского храма огня. Реконструкция.

2. «Район цитадели» в Пасаргадах. 546–530 гг. до н. э. Реконструкция

Цилиндрическая печать из сапфирина с изображением ахеменидского царя. V в. до н. э.

1.

2.

1. Печать с изображением охоты ахеменидского царя на львов.

2. Греческое изображение персов во время охоты на пантер.

Так называемый саркофаг Александра, найденный в Сидоне.

1.

2.

1. (слева) Мидийский и персидский гвардейцы. Персеполь. VI–V вв. до н. э.

1.(справа) Рукоять парадного меча-акинака Чертомлык. V в. до н. э.

2. Саки, приносящие лань. Рельеф ападаны (дворца приемов). Персеполь. VI–V вв. до н. э.

1.

2.

1.(слева) Ножны акинака с изображением льна и оленя. VI — начало V в. до н. э.

1. (справа) Персидские гвардейцы. Рельеф лестницы трипилон. Персеполь. VI–V вв. до н. э.

2. Персидские и мидийские вельможи. Рельеф ападаны. Персеполь. VI–V вв. до н. э.

1.

2.

3.

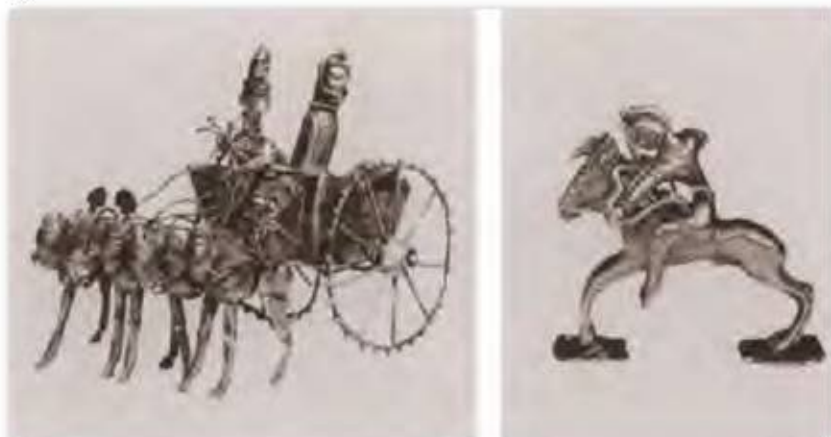

1. Акинак в ножнах. Фрагмент рельефа. Персеполь.

2. Золотые ножны для акинака. Северное Причерноморье. VI–V вв. до н. э.

3. Данники с драгоценными сосудами и гривнами в руках. Рельеф лестницы ападаны. Персеполь. VI–V вв. до н. э.

1.

2.

1. (слева) Колесница. Золото. Ахеменидский период.

1. (справа) Скачущий всадник. Золото. Ахеменидский период.

2. Царские колесницы. Рельеф ападаны. Персеполь.

План города Вавилона.

1. Храм Мардука.

2. Зиккурат Этеменанки.

3. Дворец.

4. Крепость.

5. Музей.

6. Северный дворец.

7. Ворота Иштар.

8. Висячие сады.

Пир царя Валтасара. Г. Доре. 1864–1866 гг.

1.

2.

1. Дворец Кира в Пасаргадах. 546–530 гг. до н. э. Реконструкция.

2. Великодушие Кира. Миниатюра Жана Фуке из книги Иосифа Флавия «Иудейские древности». 1470–1475 гг.

1.

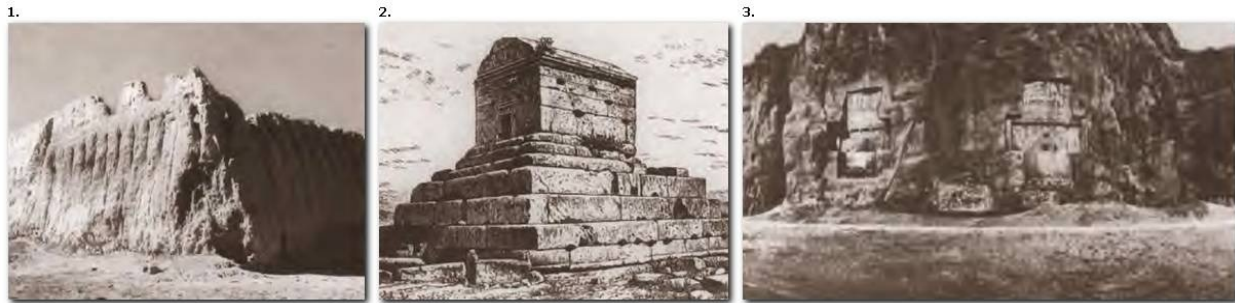
2.

1. Цилиндр Кира. Около 538 г. до н. э.

2. Кир возвращает сосуды дома Господня. Г. Доре. 1864–1866 гг.

1. Джамбаз-Кале, крепость к югу от Аральского моря. Современный вид.

2. Гробница Кира Великого. Пасаргады. Около 530 г. до н. э. Рисунок.

3. Могилы Дария I, Ксеркса и Артаксеркса II. Накш-и Рустам. 521–405 гг. до н. э.

Конечно, персидская опасность еще не существовала, и трудно было предполагать, что царь Халдеи, сближаясь с фараоном, подумывал о защите от угрозы, грядущей с востока. Но он, конечно, понимал, что мидийско-персидская империя будет усиливаться и в конце концов станет препятствием для торговли вавилонян с восточными соседями. Наконец, Набонид искал также союза с арабами, живущими в пустыне, в каком-то смысле исключенными из истории региона, имея в виду усиление своей обороны от ариев, спускающихся с гор.

У вавилонянина были все основания искать сближения с арабскими кочевниками. По семейной традиции он чувствовал родство с кочевыми народностями. В VIII веке, при Тиглатпаласаре III, арабские племена расположились между Тифом и Евфратом, главным образом в районе Харрана, где они слились с местным населением, что повлияло на его верования. Поклонение богу Луны, возможно, явилось одним из факторов сближения ассирийцев и арабов.

Миграция племен из Аравийской пустыни в сторону Месопотамии была результатом завоевания Хиджаза, части Аравийского полуострова у побережья Красного моря, Тиглатпа-ласаром в 729 году, незадолго до того, когда он стал царем Ниневии. Последовавшее в результате этого оживление экономической деятельности позволило арабам благодаря все большему распространению арамейского языка, очень близкого к их языку, установить прочные связи с ассирийцами. Интеграцию нескольких арабских племен в ассиро-вавилонское сообщество все же нельзя сравнивать с огромным влиянием другой семитской семьи — арамеев.

Арамеи, «что не ведают смерти»

Арамейские племена как раз предпочитали Сирийскую пустыню. По древнееврейскому преданию, в начале II тысячелетия до н. э. верхняя Месопотамия была излюбленным местом их проживания. Иаков направился в страну Арамейскую, где и повстречал Рахиль, вторую дочь Лавана. Согласно Библии, эта родственная связь появилась раньше странствия Иакова, поскольку Арам и Евер (древние евреи) являются потомками Сима, сына Ноя, эпонима всех семитов.

Так что арамеи были одним из самых древних народов, населявших этот край. Но у них была дурная репутация. Запись, датируемая XIV веком, предписывала вавилонянам опасаться арамеев, ибо они создавали угрозу на дорогах, препятствовали отношениям с хеттскими племенами. Что касается ассирийцев, то они были склонны устранить эти народности, перекрывающие им дорогу на запад; особенно, как это было в 1200 году, когда жители региона, прилегающего к заливу, воспользовавшись распадом Хеттской державы, переместились на север и распространились по всей Сирийской пустыне.

Но арамеи с их высоким уровнем рождаемости не дали себя обогнать. Постепенно этот кочевой народ начинает оседать в долинах, расположенных внутри большой петли Евфрата вокруг Каркемиша. Арамеи принимают цивилизацию, занимаются земледелием и торговлей. В конце своего правления, к 1100 году, ассирийский царь Тиглатпаласар I сообщает, что провел двадцать восемь кампаний против арамеев, то есть в среднем — по одной войне в каждый год царствования.

В результате этих войн арамеи не только не погибли, но еще лучше организовались, создав небольшие государства, возглавляемые царями, действующими по правилам цивилизованного общества. Однако они не

желали объединить эти государства-племена, окружающие ассиرو-вавилонское сообщество, в некое политическое единство, которое позволило бы им защищаться от внешних нападений. Ту же ошибку совершат пять веков спустя греки, обосновавшиеся на побережье Малой Азии.

Вавилония тоже страдает от последствий бесконечного нашествия арамеев. Но в отличие от ассирийцев вавилоняне, пытаясь сопротивляться нашествию, не предпринимают крупных военных мер против вторгающихся племен. Тысячелетняя традиция позволяет Вавилону противостоять нападениям этих кочевников и использовать к своей выгоде способность к адаптации и коммерческие качества сынов арамейских.

На севере положение иное. После того как они способствовали крушению последнего государства хеттов, арамеи оказались лицом к лицу с нарождающимся царством Израиль. Для борьбы против набегов кочевников из Сирийской пустыни древние евреи избирают царя. И Саул, и Давид вынуждены вести непрерывную войну против несметных полчищ врагов. Израильтяне разгромили несколько небольших государств арамеев. Но вскоре им приходится иметь дело с Хадад-Эзером^[67], царем Сува, который сумел мобилизовать против Израиля своих братьев из Месопотамии. Впервые сыны Арама из Южной Сирии присоединились к выходцам из Северной Сирии для совместных военных действий.

Царь Сува может теперь мечтать о великой арамейской державе, простирающейся от Евфрата до Иордана. Но царь Израиля не даст ему времени реализовать свой замысел. Давид переправляется через Иордан, и завязывается огромное сражение, в котором арамеи потеряли сорок тысяч пехотинцев и семьсот колесниц. И вот как заканчивается библейский рассказ: «Когда все цари, покорные Адраазару, увидели, что они поражены израильтянами, то заключили мир и покорились им». В ходе другого похода Давид вновь победил царя Сува: «И взял Давид у него тысячу семьсот всадников и двадцать тысяч человек пеших, и подрезал Давид жилы у коней колесничных, оставив себе из них для ста колесниц»^[68]. Кроме того, он взял у Арама золотые щиты, занял Дамаск, оставил там гарнизон и наложил большую дань.

Арамеи, похоже, окончательно побеждены, во всяком случае как организованный народ. Но Израиль постепенно теряет свою силу, тогда как Ассирия пробуждается к победам, и теперь арамеям придется оспаривать у народа-победителя право на существование в этом регионе.

В 840 году в Дамаске правит некий Хазаэль, он тоже хочет создать

единое государство арамеев. Ему удастся победить царство Израиль, но вскоре его убивает Салманасар. Однако другие малые государства сохраняются в Северной Сирии и в Киликии. В конце концов арамеи были побеждены усилиями Тиглатпаласара III, того самого, что победил Хиджаз и правительницу этой страны, могущественную царицу Самси.

Вскоре, в 772 году, царство Израиль также рухнуло под ударами Салманасара V. В регионе устанавливается ассирийское господство. Египтяне побеждены при Рафии, а в 717 году Каркемиш, тогда еще находившийся в руках хеттов, был окончательно захвачен ассирийцами.

Означает ли это ослабление арамейских государств, исчезновение сынов Арама? При Саргоне II, к 715 году, арамейские племена существовали повсюду и представляли еще большую угрозу для государств региона: в Вавилонии арамейские ставленники поддерживают узурпатора по имени Меродах-баладан, ведущего борьбу против Ниневии и добившегося коронации, после чего Саргон вынужден объявить ему войну. Узурпатор бежит на юг. Но после смерти ассирийского царя, в 705 году, Меродах-баладан выходит из своих заболоченных мест, где укрывался, и вновь захватывает власть. Синаххериб, сын Саргона, вынужден, в свою очередь, подавлять повстанцев. Двести восемь тысяч из них он отправляет в ссылку со словами: «эти непокорные арамеи, что не ведают смерти». И Синаххериб предупреждает грядущие поколения об опасности этих людей — «безголовых беглецов и кровожадных бандитов».

Однако, несмотря на бесчисленные поражения, арамеи, потерявшие в 612 году, после падения Ниневии, всякое реальное политическое значение, сохраняют значительные силы в составе нового халдейского государства. По-видимому, они могут жить теперь, только отказавшись от воинской славы и от господства над другими. Только сила их идей и верность традициям будут обеспечивать им выживание, тогда как язык их, на котором говорят монархи, купцы, жрецы и чиновники, распространяется повсеместно.

Боги их признаны во всей Месопотамии, в частности Ха-дад, бог грозы, бог неба спокойного и бурного, говорящий языком грома и молний. Супруга его Атар — богиня плодородия, подобно ассирийской Иштар. Хадад же господствует над шамашем-солнцем и Сином-луной. Таким образом, арамеи возносят свои молитвы в бескрайние высоты, что простираются над их головами.

В своем оазисе Тейма Набонид находил, по-видимому, вдохновение и любовался величием этого народа, чью историю и чьи верования он хорошо знал.

Переворот Набонида

Вавилон переживал много трудностей: нехватку продуктов питания, не поддающиеся контролю волнения в обществе, симпатизирующем Киру, слухи о щедрости которого распространились по всему Ближнему Востоку. Ко всему добавилось чувство обиды последователей бога Мардука, которым стало невозможно справлять Новый год, самый популярный в общественной жизни праздник Акиту. Годы проходили, а вавилоняне не могли выполнять обряды, которые принесли бы родному городу благословение богов. Недовольство переросло в кризис.

А Набонид, со своей стороны, пренебрегал этим обрядом: «Чтобы иметь возможность делать то, что я задумал, и выполнить то, к чему стремлюсь, позвольте мне отказаться от этого важного праздника и отказаться праздновать Новый год». Он по-прежнему стремился превратить Тейму в столицу, подобную Вавилону, и начал со строительства роскошного дворца, мало гармонирующего с пустыней, где бродили кочевники, а вавилонян царь просил оставить его в покое.

По сравнению с двумя другими городами, где поклонялись богу Луны, Тейма имела то преимущество, что находилась всего в нескольких днях ходьбы от знаменитой горы Полной Луны, которую почитали арабские народности. Еще древние евреи, согласно библейской легенде, выйдя из египетского рабства, после сорока лет скитания по пустыням получили свой Закон из рук пророка Моисея, у подножия святой горы Синай, посвященной богу Сину. Конечно, будущие израелиты не отвергли Бога, открывшегося перед ними в этом месте. Но они помнили, что Авраам родился в городе Ур, также посвященном культу Сина. Древние евреи не могли смириться с признанием, даже чисто символическим, бога, которому поклонялся Набонид. Но обычай требовал, чтобы перемещенные народы почитали местных богов. Так, получая Тору в том месте пустыни, где особенно горячо преклонялись перед богом Сином, последователи Моисея должны были убедиться в благих намерениях народов, обитавших в данном регионе, и при этом заявлять, что нет иного бога, кроме того, чью волю они исполняли.

Гора Полной Луны была вулканом. Древних евреев привлекло сюда то, что столбы огня и дыма в пустыне привели их к святому месту. «Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем, и ночью»^[69].

В своих молитвах они долго поминали о луне, в нежном свете которой

они жили во время перехода через пустыню. В псалмах упоминается о покорности «освященных» божьей воле:

«Аллилуия! Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних. Хвалите Его все Ангелы Его, хвалите Его все воинства Его. Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его все звезды света. Хвалите Его, небеса небес, и воды, которые превыше небес. Да хвалят имя Господа, ибо он повелел, и сотворились. Поставил их на веки и веки; дал устав, который не прейдет»^[70].

В Тейме, над алтарем Сина, воздвигли нагромождение камней, на котором лежала голова быка. В стародавние времена бык символизировал бога Луны. Во времена Набонида полумесяц выражал образ, более соответствующий внешности ночного светила. Эти два символа не противоречили друг другу. Ведь рога быка напоминают полумесяц, не правда ли? И сами древние евреи, пока их вождь получал Скрижали Закона на горе Синай, успокаивали свою тревогу, создавая тельца с рогами в виде полумесяца (по существу — золотого тельца), двойной лунный символ, которому они тотчас стали поклоняться...

Для Набонида было очевидно, что между Сином и Аравийской пустыней существует некое родство и закономерная связь. Он был убежден, что все несчастья Вавилона были вызваны отказом в Харране от культа Сина, и полагал, что единственный способ сохранить империю было восстановление храмов, посвященных богу Луны. Он установил связь между жизнью народа и культом Сина, поэтому полагал, что цари должны подчиняться богу, сделавшему их власть законной. Так было с царями Ассирии. Сам Ашшурбанипал, празднуя очередную победу, заявлял: «Спасибо за помощь великим богам и Сину, пребывающему в Харране». Или еще: «Син создал для меня царство и провозгласил мое имя». А цари Вавилона, Шумера и Аккада, как и более близкие к нам, прежде всего Навуходоносор, разве не преклонялись они перед Си-ном, не строили храмы в честь его и не восстанавливали те, что время и людская глупость привели в разорение?

Так что Набонид был убежден, что он представляет в своем лице потомка и царей ассирийских, и царей вавилонских и воплощает, под покровительством Сина, единственную законную власть между двумя великими реками. Его амбиция сталкивалась с амбицией Кира. Если новый повелитель персов отдавал предпочтение светскому правлению на Ближнем Востоке, объединенном под его властью, то царь Вавилона безоговорочно предпочитал религиозное построение мира. Эра бога Луны началась, в его представлении, с династий Аккада и Шумера, восходящих к началу времен.

Для Набонида Ниневия и Вавилон, ассирийцы и вавилоняне имели общие верования и установления. Несмотря на войны и восстания, разыгрывавшиеся между ними на протяжении веков, они были едины и по общему происхождению, и по культу бога Луны. Совокупность верующих с их силой и распространенностью во всей империи должна была облегчить ему задачу по религиозному восстановлению.

Но не ошибался ли Набонид в самом главном, в том, как он представлял себе власть царя в обеих странах?

В Ассирии царь был прежде всего главным жрецом бога Ашшура. Он лично участвовал в ежедневных жертвоприношениях, а власть его требовала ежегодного возобновления. Чтобы подчеркнуть, что власть божественная и царская имела общие корни, в ходе этих ежегодных коронаций провозглашалось: «Ашшур есть царь». Лекари и прорицатели ухаживали за монархом. Если кто-нибудь из оракулов обнаруживал угрозу для царя, устраивалось фиктивное коронование подставного лица и его предавали казни, чтобы отвлечь опасность от истинного владыки. В Ниневии царь был буквально в руках Ашшура.

В Вавилонии, наоборот, царь и Мардук были лишь частично связаны. Монарх имел право войти в жилище главного бога лишь один раз в году, он был его слугою, но никак не другим богом. Поэтому царь мог передать свои полномочия администраторам, чиновникам, целой канцелярии, начальником которой был великий визирь.

Пытаясь придать власти царя некую религиозную составляющую, Набонид был ближе к ассирийцам, чем к своему собственному двору и к своему народу. Но было в Вавилоне нечто, где религиозное начало имело огромное значение и что Набонид недооценивал; празднование Нового года. «По случаю этого праздника царю разрешалось войти в Свята Святых. Но сделать это он мог лишь после того, как великий Жрец лишал его всех знаков... монарха и унижал его, ударив по лицу и надрыв ему уши. Царь должен был после этого лечь на живот, а затем в жаркой молитве богу Белу заверить бога города, что он в течение прошедшего года не совершил ни одного греха, не проявлял безразличия к святым предметам и, больше того, не обидел ни одного равноправного человека, ударив его по лицу»^[71].

Отсутствие царя мешало правильному функционированию вавилонского общества, поскольку празднование Нового года возобновляло договор, соединяющий вавилонян с их властелином. Своим столь долгим пребыванием в Тейме Набонид обижал народ. Желая поставить бога Сина выше других, он прямо оскорблял жрецов Мардука и вообще жрецов. Конфликт между вавилонянами и Набонидом стал неизбежен.

Царство в запустении

На девятом году царствования Набонида, а именно в 547 году, умерла в возрасте более ста лет великая жрица бога Сина, мать царя Вавилона Аддагуппи, говорившая незадолго до смерти: «Что касается меня, глаза мои видят хорошо, я обладаю светлым умом, руки и ноги мои крепки, речь внятна, я нормально ем и пью, сердце мое полно радости».

Незадолго до кончины она приехала, видимо, чтобы повидать сына, в крепость возле Борсиппы, на берегу Евфрата, где вавилоняне, опасаясь нападения Кира, сосредоточили свои войска.

Но вышел к ней внук ее, Валтасар. После ее кончины он объявил трехдневный траур и организовал торжественное оплакивание. Через месяц во всей округе был объявлен всенародный траур. Наконец Набонид приехал проститься со своей матерью-вдохновительницей. «Набонид, царь Вавилона, любимый сын ее, велел сохранить тело матери; на ней были нарядные одежды, сверкающее платье, золотая цепь, бриллианты, редкие драгоценные камни; тело было натерто благовониями и помещено в склеп. Были принесены в жертву тучные тельцы и бараны. После чего он созвал людей из Вавилона и Борсиппы».

Эта кончина вызвала большие переживания и волнения по всей стране. Возможно, в Вавилоне событие было оценено с точки зрения скорее политической. Означало ли оно конец пребывания царя в Тейме и, следовательно, возвращение власти в руки законного правителя?

Стало очевидным усиление угрозы для Вавилона со стороны властелина Мидийско-персидской империи. Набонид полагал, что его участие не будет иметь большого значения для Креза, и перестал выполнять свои обязательства по отношению к властелину Сардов. Культ Сина призывал его к исполнению других обязанностей. С этой точки зрения возвращение Набонида на излюбленное место внушало ему уверенность вновь почувствовать близость матери. К тому же он был намерен продолжить конфронтацию со жрецами Мардука. Отвернувшись от столицы с заговорами против его персоны и интригами в провинциальных городах, отменив некоторые из функций жрецов, Набонид устроил необычную ловушку для своих противников.

В том самом 547 году Кир напал на Лидию и захватил Харран. Но поскольку он воздержался от враждебных действий против храма Сина, Набонид не беспокоился: Эхульхуль был уже построен и продолжал свою

службу. Одной из причин, заставивших персидского царя предпринять поход на Восток в 546 году, то есть вскоре после захвата Сард, было положение в Вавилонии и во всей Халдейской империи.

Вождь персов не опасался угрозы со стороны этого заброшенного царства, дающего трещины со всех сторон. В отсутствие царя, передавшего временно власть человеку, которого все звали «сын царя», показывая этим, что царского могущества в нем нет, Вавилон ничего серьезного не предпримет, чтобы помешать наступлению Кира.

Кроме этого, в Эламе положение было неясным: вавилонский военачальник Гобрий, бывший верный слуга Навуходоносора, исполнявший властные функции от имени Набонида, заявил о своих верноподданных чувствах к Киру. Перед лицом такой измены царь Вавилона приказал перевезти религиозные ценности из акрополя в Сузах поближе к Вавилону. Но к середине весны этого предначертанного года

Гобрий уже шагнул в направлении страны халдеев, к городу Уруку, что на полпути между Вавилоном и Уром.

Для Набонида переход Элама на позиции раскола означал больше, чем простой военно-политический маневр. Это было подтверждением того, что блестящая цивилизация, очень близкая культуре Шумера, опять порывала свою связь с Месопотамией и шла на сближение с жителями Иранского нагорья. Отдать эту богатую провинцию во власть полководца, присоединившегося к Киру, должно быть, выглядело в глазах Набонида и «сына царя» как капитуляция, опасная для будущего империи халдеев. А вавилонские власти не реагировали, как если бы измена Гобрия была просто его отступничеством. А может быть, Набонид, решив усилить в своем царстве семитскую составляющую, не так уж плохо отнесся к разрыву с Эламом...

Внук великого Навуходоносора Валтасар пользовался уважением еще до прихода к власти: в 560 году, когда Нериглисар восходил на трон Вавилона, он уже выполнял очень ответственные поручения. Казалось, он уже был подготовлен к своей роли: удерживать Вавилон, пока царь пытается осуществить свою мечту.

Мать Валтасара, египтянка Нитокрис, следовала традиции великой Семирамиды, когда-то правившей Вавилоном. Дочь Навуходоносора, жена Набонида, она могла сыграть некоторую роль в жизни халдейского государства. Между завоевателем Иерусалима и временным царем Вавилона было так много общего, что древнееврейская легенда рассматривала Валтасара как родного сына Навуходоносора, подчеркивая, таким образом, духовное родство между этими людьми, в которых она

видела угнетателей древнееврейского общества. Хотя иудеи, как правило, не были ни рабами, ни крепостными, самое большее — иммигрантами, пророк Амос говорил, что они были «подобны людям, убежавшим от льва и попавшим в лапы медведя»^[72]. Львом был Навуходоносор, а медведем — Валтасар.

Своим подданным Валтасар представлялся как деловой человек, желающий разбогатеть. Избегая лично участвовать в сложных операциях, он прибегал к помощи посредников: слуги по имени Бел-Рицуа, писаря Набу-мукин-ахи, управителя Набу-цабит-кати и доверенного лица без официальных обязанностей по имени Набу-ахе-идцин. Подписи их встречаются во многих договорах, заключенных от имени Валтасара, не желавшего появляться под своим именем в деловом мире.

Валтасар отнюдь не был дилетантом в коммерции, он брал на себя главную ответственность, поскольку его деятельность определяла успех политики его отца. Так что ему приходилось соблюдать определенный религиозный консерватизм и представлять церковникам доказательства доброй воли, с тем чтобы смягчать обиды священников по отношению к Набониду. Так, он старался восстанавливать заброшенные храмы, обеспечивать нормальную деятельность действующих, своевременно участвовать в церемониях и в жертвоприношениях. Ему было направлено, например, благодарственное послание такого содержания: «Мина^[73] серебра, дар Валтасара, сына царя, получена Шулой, сыном Эшум-идцина, [в храме] Эанна [в Уруке] в девятнадцатый день месяца Элула, пятого года царствования Набонида, царя Вавилона». Человек, чье имя означает «Бел хранит царь», хотел таким образом оправдать Набонида с его чрезмерной любовью к Сину и религиозной односторонностью, чтобы доказать народу от имени царя, что религиозная реформа, которую так хотел провести сын Адцагуппи, не приведет к исчезновению класса жрецов.

В соответствии с древней традицией в Месопотамии наследников трона приобщали к власти еще при жизни отца, чтобы в умах народа образы обоих сливались в один, что обеспечило бы непрерывность власти. Это объясняет важность политических действий, совершаемых Валтасаром. В известной молитве Набонид призывает богов покровительствовать сыну: «Я, Набонид, царь Вавилона, прошу оградить меня от всякого греха против Великого Божества и продлить дни мои, даровав жизнь долгую. Валтасару же, первому сыну, мною рожденному, прошу наполнить сердце страхом перед тобой, Великим Божеством, не дай

ему обратиться ко греху, сделай так, чтобы он был доволен полною жизнью своей».

Валтасар играл главную роль в планах Набонида, но его двойственная политика не могла — и Кир это знал — усмирить недовольство всех тех, кто рассматривал отсутствие Набонида в столице как дезертирство.

Еврейская фирма

Кир наблюдал, как разваливается в экономическом смысле когда-то богатейшая империя, производившая товаров больше, чем где бы то ни было в регионе. Беспорядок и коррупция разъедали все, что ни делали вавилоняне, крестьяне жаловались на непосильные налоги и не засеивали всех земель. Порою нехватка продуктов вызывала в стране голод.

Во времена Навуходоносора храмы и дворцы играли определяющую роль, и купцы, предприниматели и крестьяне встречались там, чтобы поторговать. Финансовые операции совершались там под гарантию божества, чье имя носил храм, чаще всего — Набу, бога денег и богатства. Наместник, представитель двора, играл роль дополнительного гаранта: он не был ни судьей, ни экономическим деятелем, он должен был только осуществлять решения правосудия. Но концентрация экономической деятельности вокруг храма отнюдь не поощряла смелую политику. Постепенное увеличение солености почвы и засорение оросительных каналов вызывали снижение продуктивности сельского хозяйства, в частности, зерновых, кунжута и особенно финиковых пальм, выращиваемых на больших площадях при храмах. Чтобы провести необходимые крупномасштабные работы, государству приходилось обращаться к частным предпринимателям. Так что двор жил в мире с частной инициативой и даже одобрял предпринимательство.

Вавилоняне славились на всем Ближнем Востоке как народ деятельных купцов. Город Урук, экономическая столица империи, был коммерческим перекрестком разных вавилонских провинций и зарубежья. Внешняя торговля вавилонян долгое время процветала. Халдеи ввозили медь, олово и железо из греческих колоний в Лидии, благовония, бальзамы и краски из Египта, а благодаря финикийцам различные сельскохозяйственные продукты из прибрежных стран Средиземноморья. Вавилон экспортировал шерсть, вышитые ткани (в греческих городах узорные ткани называли «вавилонским шитьем»), а также различные плетеные изделия. Эта международная торговля совершалась в обстановке

безопасности, и караваны пересекали страну без особой охраны.

Однако поскольку библейская традиция неодобрительно относилась к крупной международной торговле, древние евреи считали купцов Вавилона разносчиками подрывной деятельности, способной сделать всеобщим худший из видов идолопоклонства, а именно то, которое касалось денег и «иностранных товаров». Вавилоняне действовали вопреки проповедуемой Библией экономической автаркии. Но во времена Валтасара древние евреи не могли критиковать такой вид торговли.

При Набониде в Уруке, как и в большинстве других халдейских городов, хозяйственная деятельность была на очень низком уровне. Концентрация серебра и золота в храмах вызывала нехватку этих богатств: деньги были редкостью, а владельцы их лишались покоя. Однако в Вавилоне существовал класс деловых людей, не зависящих от храмов, но пользующихся доверием дворца, они играли важную роль в экономике. Валтасар часто прибегал к их помощи. Они были одновременно и хозяйственными предпринимателями, и подрядчиками, и банкирами, нотариусами и стряпчими. Применение денег как главного фактора финансового могущества облегчало их проникновение в повседневную жизнь.

Самым известным в Вавилоне был «торговый дом» Эгиби. Это семейство, имя которого переключается с именем Иакова, в начале испытало много трудностей. Оно обосновалось в халдейской столице около 690 года, вскоре после разрушения Самарии и высылки израильтян. В третьем поколении главой семьи был Сула (635–580), он стал применять настоящие «общественные договоры», что позволило ему заложить часть своей недвижимости.

В начале царствования Набонида главой дома Эгиби был Набу-ахе-иддин, тот самый, с которым Валтасар заключил много договоров и который проявил себя крупным дельцом при царе Нериглисаре. Семейство Эгиби занималось покупкой, продажей, обменом и наймом недвижимости (дома, участки земли, поля). Члены этой семьи руководили торговлей рабов и заочно занимались скупкой и продажей скота.

После смерти Набу-ахе-иддина в 543 году сын его Итги-Мардук-балату продолжал деятельность в области недвижимого имущества и земельных наделов. Тот факт, что эти оборотистые израильтяне носили теперь вавилонские имена, говорит об их ассимиляции с халдейской культурой; первый из них взял даже имя бога Набу, бога финансов. Они без колебаний становились землевладельцами, среди их влиятельных доверителей были придворные, члены царской семьи, богачи.

Но в отношении собственно банковской деятельности члены семьи Эгиби проявили оригинальность. В отличие от остальных вавилонских банкиров они удовлетворялись тем, что давали в долг, принимали вклады, но никогда не давали деньги под проценты, выполняя, таким образом, библейское запрещение ростовщичества во всех его видах: «С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости»^[74]. Поскольку казна зависела от храма, семья Эгиби, должно быть, проявляла некоторую осторожность, давая деньги в долг жрецам, не подчиняющимся древнееврейскому закону. Требовать у храма оплатить заем означало относиться к вавилонянам как к иностранцам. Тогда как нормальным было бы рассматривать всех халдеев как братьев, как об этом говорится в письме семье Эгиби одного будущего дебитора: «Дай [пока] те 140 сиклей, что остается получить из твоих собственных денег, но о процентах между нами речи быть не может, оба мы благородные люди».

Зато Эгиби придумали оригинальный по тому времени вид финансовой сделки: ссуда, заложенная или обеспеченная ипотекой. Таким образом, уменьшился риск для дающих в долг, а предоставление займов облегчилось. Экономическая жизнь в Вавилоне при Набониде, когда экономический кризис был в разгаре, вновь выглядела активной.

Партия сторонников Кира и возвращение царя

Динамизма деловых людей было недостаточно, чтобы компенсировать вялость рынка в Вавилоне. Отсутствие царя в столице вызывало несомненный кризис экономического доверия, и в политическом плане положение было не лучше. Несмотря на усилия Валтасара, нехватка царской власти вызывала скрытое недовольство. Со всех сторон вавилоняне видели лишь угрозы и опасности для их благополучия: гигантская держава персов, приближавшаяся к Вавилону, непоседливые арабы, мешавшие торговле с Египтом, несмотря на присутствие Набонида в Тейме, занесение песком портов — все это мешало развитию отношений со странами Азии.

Были у вавилонян и другие причины для беспокойства: рабы, как правило, бывшие свободные люди, осужденные за неуплату долга или за разные преступления, видели в ухудшении экономических условий конец всякой надежде на освобождение; крепостные, теоретически получавшие заработную плату, пользовались статусом, в чем-то похожим на статус вольного человека, хотя и не имели возможности переменить место работы;

свободные трудящиеся, в той мере, в какой они имели имущество, полностью испытывали на себе последствия замедления экономической жизни. Да и сами вольные люди — купцы, банкиры, служащие храмов или дворцов — так же как и люди среднего класса, чувствовали негативные последствия жизни без надежды на прогресс. Что касается тех, кто выполнял официальные обязанности, им было все труднее управлять страной. И, наконец, придворные, то есть приближенные царя и его сына, только и делали, что интриговали друг против друга, понимая серьезность положения, создавшегося из-за отсутствия монарха.

Набонид настроил против себя привилегированные сословия, в частности, тем, что отменил систему откупов, которая позволяла царским уполномоченным получать большие доходы за счет крестьян. Отдавая эти земли в индивидуальное пользование, он рисковал вызвать неудовольствие своих сторонников, а священнослужители, оскорбленные в плане религиозном, считали его своим злейшим врагом.

Так росло движение поддержки и симпатии по отношению к единственной последовательной власти в регионе, к власти Кира, когда тот, рядом с Вавилонией, создавал настоящую империю, централизованную, но не основанную на подавлении. А растущая враждебность по отношению к Набониду ярко выражена в вавилонских хрониках той эпохи:

Закон, источник порядка, не защитил,
А погубил малых людей
И благородных тоже, убил их на войне,
А купцам он преградил путь...

И песни жнецов
больше не слышатся на полях,
И борозда не пролегла по тучной земле.
Он отнял у них добро и захватил все, что они имели...

Нет больше парадов
На широких улицах,
Ни радости, ни веселья больше не видно.
И по отношению к нему,
бывшему любимцу покровительствующих богов,
божество стало враждебным,
И погрузился он в несчастье...

Вопреки воле богов
Совершил он святотатство
И задумал неслыханное дело,

Создал образ бога,
какого раньше не видел никто
в стране;
Он внес его в храм и установил на пьедестал,
Назвал его именем Нана,
И поклонялись ему, имевшему вид
лазурита с тиарой на голове...

И сказал Набонид: «Построю храм
для него и возведу ему трон,
Заложу первый камень,
Подведу надежный фундамент...

Назову его Эхульхуль
на веки вечные.
И когда полностью выполню
то, что задумал,
возьму его за руку
и возведу на трон.
А пока не выполню
мой замысел и не исполню, что задумал,
воздержусь от всякого святого праздника.
Прикажу, чтобы праздник Нового года
никто не праздновал»...

Получив все, чего он желал:
дело великого обмана,
что он построил это место святотатства
и это богохульное дело,
передал он все командование
старшему сыну, его первенцу...

Он пустил все на самотек
и передал ему царство...

А сам отправился к Тейме, далеко на западе...

Убил он князя Теймы
И перебил народ там живший,
Всех горожан
и живущих в окрестностях...

Убил всех жителей, женщин и детей
И наложил руку на их добро
и на весь ячмень, что он нашел...

Продолжал он смешивать обряды
и путать оракулов.
Самым главным правилам обряда
Положил он конец... [\[75\]](#)

Ссылка на уничтожение населения Теймы и на убийство князя города характерна для состояния умов, царившего в Вавилонии. В иные времена факт уничтожения арабского населения далеко в пустыне, конечно, не вызвал бы никакой критики в адрес халдейского царя. Это напоминание о его жестокости соответствовало чаяниям сторонников сближения с персами. Ведь теперь каждый знал, что делом нескольких дней было вмешательство того, кто победил лидийцев, греков и многие народы Востока...

Что касается Набонида, оставшегося по-прежнему в Тейме, его интересовало направление движения нападающих войск Кира. Он не исключал, что новый властелин персов направится на царя, на сам символ Вавилонии, восседающего в городе, им отстроенном и почитаемом как сердце новой империи с господствующей ролью семитов.

Кир вовсе не думал идти завоевывать оазис в Аравийской пустыне. Он, желая привлечь на свою сторону как можно больше народов, решил обеспечить положение персов на севере новой империи. Засушливые пустыни Сирии и Палестины, откуда большинство населения было сослано, а также сам город Дамаск были легкой добычей и вместе с тем играли важную роль в стратегическом плане. Особенно важным был союз с арабскими кочевниками этих регионов. Он облегчил бы торговые связи с Лидией и Египтом путем усиления безопасности в пустыне.

И перс захватил Дамаск, Иудею и древнюю страну Израиль. Согласно

своей тактике он стремился не угнетать завоеванные народы, а делать из них «друзей и союзников». И, по-видимому, арабы с удовольствием и гордостью поставляли Киру значительное число воинов, чтобы завоевать Вавилон, отлично понимая, что в конце концов найдут там своего врага, оккупировавшего Тейму...

Для Набонида же движение персидских войск представляло смертельную опасность. Царь вавилонский, постоянно воевавший с арабскими племенами на полуострове, понимал, что его ожидало. Кроме того, присутствия даже небольшого количества ахеменидских войск в этом крае было достаточно, чтобы прервать всякую торговую связь с севером, единственным регионом, который мог позволить Вавилону выйти из изоляции.

Неожиданно Набонид осознал слабость своего положения. Надо было срочно принимать решение, если он не хотел, чтобы связь с Вавилоном для него была окончательно порвана. Надо было, отложив в сторону теологические соображения, противостоять политической судьбе и вернуться в Вавилон, чтобы избежать окружения и изоляции.

...Шел 542 год.

Возвращение царя не вызвало народного энтузиазма. Слишком долго люди ждали своего монарха, и вавилонский народ не связывал с ним надежд на спасение, как должно было бы быть. Люди продолжали смотреть за рубеж и ожидать вторжения персидского царя. Но, по крайней мере, в плане религии положение, казалось, прояснилось, и были организованы многочисленные празднества. Однако их пышность не успокоила вавилонян и выглядела как попытка отвлечь их от тревожных раздумий.

По возвращении в Вавилон Набонид совершил поступок, типичный для его характера: чтобы обеспечить свою безопасность, он повелел перевезти в столицу изображения главных богов из крупных городов империи, в том числе из Сиппара и Борсиппы, расположенных на пути Кира от Описа до Вавилона. Такая мера очень расстроила жителей этих городов и, лишившись защиты со стороны своих богов, они обратили свои взоры на Кира. Кроме того, Набонид повелел привезти в Вавилон изображения богини Иштар, находившееся тогда в Уру-ке, а также всех тех божеств, какие мог собрать. В середине лета 539 года все боги Аккада, «все те, что находятся на поверхности земли и над землей, были привезены в Вавилон».

Великий город стал свидетелем настоящей религиозной смуты: игнорируя Мардука, вспомнив о своей преданности Сину, собрав в Вавилон божества других городов, Набонид оскорбил свой народ. Вот как

повествуют об этом хроники тех лет: «Он предал забвению преклонение перед Мардуком, царем богов. Своему городу он то и дело причинял боль; каждый день... мучал он людей. Подавлял всех безжалостным гнетом. От их жалоб Мардук вышел из терпения. Боги, обитавшие среди них, покинули их жилища».

После Гарпага и Еврибата — Гобрый

Армия Кира, готовившаяся форсировать Тигр, была примерно такой же, как та, что в 547 году переправлялась на другой берег реки, возле города Арбела, чтобы идти на лидийцев. Зимой 540 года войска под командованием персидского царя были многочисленны и хорошо вооружены. На присутствие Кира указывало большое количество четырехколесных повозок с запряженными в них мулами, они сопровождали царя в каждом его перемещении. В одной из повозок были установлены серебряные вазы с большим количеством кипяченой воды из небольшой реки Хоасп, протекавшей в горах Сузианы и освященной богиней Анаит, символизирующей чистоту. В середине военных колонн восемь белых коней везли пустую колесницу с самим Ахурамаздой. Но в повозке не было ни изображения, ни статуи; лишь абстрактное присутствие бога персов сопровождало воинов Кира...

Переправа через Тигр для царя Аншана была так же важна, как переправа семью годами раньше через Галис. Началась она не совсем благополучно. Прежде чем перейти вброд через приток Тигра Гинд, ныне носящий название Диала, персы распрягли священную повозку, но один из белых коней оступился и был унесен быстрым течением. Обеспокоенный плохой приметой, Кир решил отвести угрозу. Согласно Геродоту, царь захотел сделать реку такой спокойной, «чтобы даже женщины могли перейти ее без труда, не замочив колен». Он остановился на берегу Тигра и приказал рыть каналы, чтобы отвести воду и утихомирить бурную реку. Вся армия провела несколько месяцев за укрощением потока...

Что хотел сделать Кир? Отомстить реке? Царь, видимо, понял, что так он может вернуть плодородие засушливому краю. Уверенный в предстоящей легкой победе над Вавилонией, возможно, он хотел начать с благоустройства страны халдеев и, подобно тому как он сделал это в далекой Согдиане, предпринять масштабные работы, необходимые для развития региона. Значит ли это, что Кир терял драгоценное время? Нет, он нарочно оттягивал начало войны, подготавливая почву для будущего

наступления. Сознательное оттягивание срока преследовало две цели: дать созреть ситуации в Вавилоне, чтобы те, кто ждал его прихода, выступили. Тем самым битва за Вавилон обойдется меньшими потерями, и он сможет не разрушать великий город.

При том, что анархия царила в Вавилоне, несмотря на возвращение царя, продолжительное топтание персов у границ их царства позволило халдеям принять меры, а Валтасар успел организовать сопротивление.

Во главе персидской армии находился Гобрий. Как вавилонянин и бывший правитель Суз, он играл важную роль в стратегическом плане. С тех пор как он перешел на сторону Кира, он сумел оценить качества персов: аскетизм отличал их от халдеев. Ксенофонт пишет, что во время первого своего обеда в лагере Кира Гобрий был удивлен скромностью еды, которую им подавали, «про себя он подумал, что в его прежнем окружении люди требовали большей утонченности. Он заметил умеренность своих сотрапезников, ибо никто из образованных персов не выражает какого-либо чувства при виде очередного блюда или питья; ни алчного взгляда, ни жадного жеста, каждый сохраняет разумное поведение, словно он и не за столом вовсе... Возбуждение при виде пищи и напитков они считают достойным поведения свиней и диких зверей. Заметил он также, что в беседе меж собою они задавали вопросы о том, о чем собеседнику было приятно говорить, они шутили на темы, приятные для шутки, и в насмешках напрочь отсутствовало оскорбление, неуместный жест и обида»^[76].

Тот факт, что Гобрий стоял во главе персидских войск, по-видимому, никого особенно не удивлял. Действительно, ведь после ухода из Пасаргад, одиннадцатью годами раньше, Кир выиграл две решающие битвы именно благодаря перебежчикам. Разве не арпаг, человек Астиага, помог ему победить мидян и завоевать греческие колонии в Малой Азии? Разве не лидиец по имени Еврибат сообщил ему, что царь Лидии собирал войска, чтобы напасть на него, что позволило персам совершить тактический маневр, приведший в конечном итоге к победе? И вот сегодня, накануне взятия Вавилона, не вавилонянин ли командует операцией? Переход этих трех людей на сторону Кира означал, что мировоззрение персидского царя с самого его возвышения начало завоевывать умы людей, измученных угнетением и жестокостью.

Итак, Гобрий командовал персами, а сын Кира, юный Камбис, носивший имя деда, играл более скромную роль в подготовке битвы. Сын царя Аншана и принцессы Кассанданы, из Ахеменидов высокого происхождения, юный наследник Персидской империи начал занимать

отведенное ему место. Он сопровождал отца в этом походе.

Битва началась на берегах Тигра, в Описе, городе, получившем позднее название Селевкии. Армия, какую Валтасар и Набонид смогли собрать, попыталась остановить движение персов. После первых же схваток многие вавилоняне восстали против своих командующих и перешли во вражеский лагерь. Но все же стороны понесли немало потерь. Дело было в начале осени 539 года, и продвижение персов в центр страны халдеев было неминуемо.

Вскоре после битвы при Описе персы вошли в Сиппар, где не было допущено никаких разрушений. Жители, грубо лишенные своих богов Набонидом, поняли, что их надежды на благость Кира оправданы. Ахеменида признали новым правителем региона.

Через два дня, то есть по истечении времени, за которое караван проходит от Сиппара до Вавилона, Кир стоял перед «стеною мидян», построенной великим Навуходоносором, назвавшим ее так, несмотря на союз с правителями Экбатаны. Это укрепление Вавилона, выдвинутое на несколько десятков километров от центра города, скоро было взято.

Пир Валтасара

Сперва Кир обошел толстые стены, окружавшие город. Он созвал своих военачальников и сказал: «Друзья мои, мы обошли город и осмотрели укрепления. Как взять такие прочные и высокие стены — не знаю. Но чем больше людей в городе, тем скорее, полагаю, можно убавить их число с помощью голода. Если у вас нет других предложений, считаю, что можно их взять блокадой»^[77].

Поддержанный товарищами, Гобрий подчеркнул тот факт, что город защищен не столько стенами, сколько рекой Евфрат, такой глубокой, что два человека, встав один на плечи другого, не смогут измерить глубину ее. Но река пересекает город из конца в конец. Напрашивалась мысль: надо отвести воду из реки во множество рукавов и водохранилищ, а затем войти в город через пересохшее русло. Замысел этот можно осуществить только малым числом солдат. Гобрий, знавший эти места, получил задание подготовить операцию, не встревожив обороняющихся. Персы и их союзники решили создать впечатление, что они готовятся к длительной осаде, а земляные работы преследуют цель улучшить наблюдение за местностью. И Кир велел построить много башен на земле, насыпанной из котлованов.

Валтасар же заготовил в городе большое количество провизии. Защищенный огромными стенами, он надеялся выдержать осаду на протяжении, по крайней мере, десяти лет...

Что же касается Набонида, то предвидя падение столицы и не очень-то желая встретиться лицом к лицу с Киром, своим бывшим союзником, он бежал по единственной оставшейся дороге — на запад... Узнав о его бегстве, Кир поручил общее командование армией Гобрию. Взяв небольшой отряд, он кинулся в погоню за беглецом. Он не стремился помешать Набониду организовать новое сопротивление: халдейский царь был стар, слаб и неспособен управлять страной. Но чтобы победа над Вавилоном была полной, Кир должен был держать в руках того, кто воплощал власть.

Набониду не повезло. Дорогу ему пересек конный отряд арабов, которые хотели отомстить за жестокое обхождение вавилонян с бедуинами и за гибель княжеской семьи Теймы. Набонид предпочел повернуть назад и уйти от этих арабов, которые, кстати, как и он, поклонялись богу Луны. Вавилонский царь решил сдаться Киру...

Более сорока тысяч солдат стояли под стенами Вавилона, не считая многочисленных отрядов, присланных союзниками Кира. Но Валтасар привык обладать верховной властью. Сегодня, впрочем, разыгрывался самый драматичный акт той трагикомедии, которую он начал восемнадцать лет тому назад, когда отец вызвал его в Харран, чтобы поручить ему правление царством. Речь шла уже не о требованиях жрецов Мардука и не о попытках удержать на плаву разваливающуюся экономику, а о том, чтобы отогнать персов подальше от Вавилона. Поражение при Описе не оставляло никакой надежды сыну Набонида. Но стены у Вавилона были надежными.

Несмотря на свои тайные опасения и чтобы успокоить опасения друзей, Валтасар организовал в своем дворце пир, воспоминание о котором мы находим у Геродота: «Оказалось, что для них (вавилонян) это был праздничный день, они плясали и предавались всяким удовольствиям». «Книга Пророка Даниила», написанная тремя веками позже, также содержит описание пира Валтасара: «Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и перед глазами тысячи пил вино. Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, отец его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них царю, вельможам его, женам его и наложницам его. Тогда принесли золотые сосуды, которые взяты были из святилища дома Божия в Иерусалиме; и пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы

его. Пили вино и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных.

В тот самый час появились персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала. Тогда царь изменился в лице своем; мысли его смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое. Сильно закричал царь, чтобы привели обаятелей, Халдеев и гадателей. Царь начал говорить и сказал мудрецам вавилонским: «Кто прочитает это написанное и объяснит мне значение его, тот будет облечен в багряницу, и золотая цепь будет на шее у него, и третьим властелином будет в царстве». И вошли все мудрецы царя, но не могли прочесть написанного и объяснить царю значение его. Царь Валтасар чрезвычайно встревожился, и вид лица его изменился на нем, и вельможи его смутились»^[78].

Мене, текел, упарсин — эти слова были начертаны загадочной кистью руки на стене дворца.

По настоянию матери Валтасара решили привести иудея Даниила, известного тем, что он отгадывал сны. Особенно прославился он тем, что был свидетелем событий, предшествовавших разграблению храма в Иерусалиме и его сокровищ. Ведь он был одним из первых заложников, приведенных из Иудеи Навуходоносором.

Даниил напомнил святотатство, совершенное победителем Иерусалима, когда тот присвоил священные сосуды храма и наказание, его ожидающее; он смело утверждал, что Валтасар, выступивший против «Господина небес» и похитивший драгоценности Всевышнего, заслужил как осквернитель святилища божью кару. И добавил: «Вот и значение слов:

мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; *текел* — ты взвешен на весах и найден очень легким; *перес* — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам»^[79];

Первое слово из начертанных рукой Божией (*мене*) касается числа дней, что правит Валтасар.

Господь, считая это правление слишком долгим, положил ему конец, сказал Даниил. Согласно библейской легенде, Валтасар, очень серьезно относящийся к цифрам, и среди прочего, к числу дней своего царствования, решил использовать священные сосуды иудеев лишь после того, как подумал, что они уже никогда не смогут вернуться к себе на родину. На самом же деле, и Валтасар знал это, Иеремия предсказал, что изгнание евреев продлится не более семидесяти лет «Ибо так говорит Господь: когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посету вас и исполню

доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас на место сие»^[80]. Валтасар быстро подсчитал: Навуходоносор правил сорок четыре года; Амел-Мардук — два года; Нериглисар — пять лет; Лабаш-Мардук — один год; Набонид на тот день — восемнадцать лет; то есть всего — семьдесят лет. Срок прошел, отныне у иудеев нет никаких шансов на возвращение на родину. Предсказание Иеремии оказалось ошибочным. Нет больше смысла оберегать этот народ и его священные сосуды. И несмотря на угрозу, стукавшую в ворота Вавилона, Валтасар устроил пир, вскоре прерванный появлением загадочной руки.

Даниил знал, что сын Набонида ошибается. Отсчитывать ссылку евреев в Вавилон надо было не с начала царствования Навуходоносора (604), а с года разрушения храма, то есть 586-го. Время еще не истекло, и святотатство Валтасара должно быть наказано.

Второе слово божественной надписи было *текел*. По мнению Даниила, оно означало: «взвешивать», «судить». Всевышний судил царствование Валтасара, и суждение это было неблагоприятным для сына Набонида. Не потому, что само правление было несправедливым или жестоким, а потому, что Валтасар не сумел признать настоящего Бога. Заслуги человека, устроившего пир, были недостаточны. Слово это точно относилось к личной судьбе самого Валтасара. Господь оценивал деяния Валтасара, а не историю Вавилона.

И, наконец, *перес* позволяет игру слов. Прежде всего это слово означает «деление». Вавилонское царство будет поделено между его врагами: персами и их союзниками. Но само слово очень близко к слову «*перс*». И волшебная надпись может означать только одно: «Вавилонская империя падет, развалится и перейдет в руки персов...»

Гобрий решил разрушить плотины, мешавшие водам Евфрата заполнить каналы, вырытые по приказу Кира тысячью солдат. Вавилонский военачальник, командовавший персидскими войсками, действовал в соответствии с приказом великого царя незадолго перед атакой: «Если есть среди вас люди, полагающие, что когда вступишь во вражеский город, надо опасаться, что противник поднимется на крыши и начнет метать копья и стрелы с обеих сторон улицы, пусть успокоятся на этот счет. Если кто-нибудь и поднимется на крышу дома, нашим союзником будет бог. Входы в эти дома легко воспламеняются, так как двери сделаны из пальмового дерева и пропитаны смолой. А у нас тоже хватит смолистого дерева, смолы и пакли, чтобы быстро учинить большой пожар. Так что жителям придется удирать побыстрее из домов, иначе они сгорят и превратятся в пепел»^[81].

Указания царя были ясны: атака персов должна быть мгновенной, как огонь, пожирающий летним вечером высохшую траву в степи...

Персы легко проходят под стенами по руслу высохшей реки и занимают притихший город, лишь из дворца по-прежнему доносится шум оргии, устроенной Валтасаром. И только короткая стычка дворцовой охраны с захватчиками нарушает пиршество. Тогда исполняющий обязанности царя приказывает узнать, в чем дело. Ворота дворца распахиваются, охрана отбивается. Неожданность полная. Валтасар оказывается лицом к лицу с Гобрием и его вооруженными воинами. Властитель Вавилона, фактический наследник царей Аккада и Шумера, падает, сраженный насмерть.

Так Вавилон переходит во власть халдейского полководца, находящегося на службе у персов. Несмотря на свою военную мощь, умственный потенциал и экономические ресурсы, Вавилон пал без боя. А Кир с помощью своих воинов и союзников всякого рода стал отныне властителем этого города, центра вселенной...

«Пальмовые ветви устилали путь его...»

Было начало осени 539 года, и в Вавилоне все понимали, что судьба их изменилась. Сосланные сюда народы, в первую очередь иудеи, стали свидетелями крушения власти, бывшей причиной их изгнания. Они воспряли духом, ожидая неминуемого прибытия в город великого царя, освободителя народов, чья моральная репутация была безупречной. И наконец, через сорок восемь дней после смерти Валтасара, Кир, взявший в плен Набонида, вступил в Вавилон. Вот как написано об этом в «Вавилонских хрониках»: «Зеленые пальмовые ветви устилали путь его, и в городе царило спокойствие... Подобно узникам, перед которыми растворились двери темниц, сердца жителей Вавилона наполнились радостью...»

Повидав горную Экбатану, разгадав тысячу тайн пышных и роскошных Сард, ныне воины Кира вошли в необычный город Вавилон с его сотысячным населением, тысячью храмов, бесчисленными дворцами и гигантской башней; несравненный город, чей «образцовый и прекрасный порядок был лучше, чем в любом другом городе мира»^[82].

Вавилон был хорошо защищен: первое укрепление преграждало северную дорогу на расстоянии семнадцати километров от центра и прикрывало вход в ворота Иштар. Город оцетинился башнями, а между

двумя кирпичными стенами, его окружающими, был проход шириною в семь метров, по которому защитники города могли свободно передвигаться. И в этих стенах было восемь городских ворот, каждые посвящались покровительствующему божеству: ворота Иштар, с четырьмя башнями высотой в двадцать пять метров, облицованными кирпичом, покрытым голубой эмалью.

Сто семьдесят пять барельефов на этих стенах изображали разных животных, в том числе драконов (символы Мардука) и быков (символ Адада). Через эти ворота проходили торжественные процессии, дорога пересекала весь город, она была уложена крупными плитами камня-известняка с битумным заполнением швов. На каждой плите прохожий мог прочесть надпись, повторяющую такое высказывание:

Я, Навуходоносор, царь Вавилона,
сын Набопаласара, царя Вавилона.
Я повелел вымостить улицу Вавилона
каменными плитами, привезенными с гор,
для процессий в честь великого бога Мардука.
Да сделает Мардук, мой повелитель, жизнь
мою вечной!

В центре города, неподалеку от ворот, посвященных богине плодородия, открывалась «блестящая резиденция», «жилище самого величества», «центр империи», царский дворец, построенный Навуходоносором. Монументальная дверь вела в царские покои, где анфиладой располагались пять больших помещений. Величественный тронный зал площадью в 884 квадратных метра был украшен огромными панно из голубого кирпича с изображениями пальм и цветов над целой вереницей львов.

К царскому дворцу примыкала огромная крепость со стенами высотой в двадцать пять метров, крепость возвышалась над Евфратом и висячим садом, построенным по приказу Навуходоносора для его супруги, царицы Амитиды.

Живое пульсирующее сердце города представляло собой переплетение узеньких улочек торгового центра Вавилона. Погонщики верблюдов, купцы, разносчики воды, продавцы фруктов, рабы, расчищавшие путь для своих хозяев, плотная толпа мужчин, женщин и детей, а рядом с ними — маги и астрологи, не говоря уже о проститутках, все это двигалось во всех направлениях на вавилонском базаре, именуемом *маркеш*.

На «голубом авеню» находился храм богини Иигтар, одно из пятидесяти трех святилищ города, посвященных великим богам. Говорят, в Вавилоне было сто восемьдесят других мест, где праздновался культ богини любви. Столько же было храмов Адада, бога грозы, и Нергала, бога ада и разрушения, пятьдесят мест, где отправлялся культ Мардука, и множество других, более мелких храмов. И, наконец, над городом возвышалась огромная семиэтажная Вавилонская башня высотой в девяносто метров. Возведенная на квадратном фундаменте из глиняных кирпичей, глубиной в пятнадцать метров и шириной девяносто один метр, она возвышалась среди гигантского четырехугольника неправильной формы, каждая из сторон которого превышала в длину четыреста метров. Дюжина всегда открытых ворот обеспечивала доступ к подножию зиккурата. На последнем этаже находилось святилище бога Мардука, покрытое голубой эмалью. Вот описание его, оставленное Геродотом: «В том месте нет никакой статуи божеству, и никто из людей не проводит там ночь, кроме одной-единственной женщины в стране, которую бог избрал из всех, — так говорят халдеи, жрецы этого бога. Эти же халдеи утверждают, — что касается меня, я им не верю, — что бог лично входит в храм и почивает на ложе»^[83].

Вавилоняне считали их башню настоящей подпоркой для неба, и строителем ее называли Хаммурапи, царствовавшего с 1792 по 1750 год. После разрушения зиккурата при Синаххерибе Навуходоносор вернул величие этому «дому, на который опираются и небо, и земля», этому «Этеменанки», как еще называли башню. Асархаддон и Ашшурбанипал также восстанавливали это строение, но Шамаш-шум-укин, брат Ашшурбанипала, вновь разрушил башню.

С другой стороны дороги для процессий, со стороны Евфрата, возвышался «храм с высоко поднятой головой» под названием Эсагил, также посвященный Мардуку. Это большое здание площадью в семь тысяч шестьсот квадратных метров, было жемчужиной Вавилона. Навуходоносор отдал ему последние силы и богатства. «Вавилонские хроники» сообщают: «Серебро, золото, драгоценные камни, бронза, ценные породы дерева, все дорогое в неимоверном количестве; находки, принесенные с гор и из морских глубин, бесчисленные ценности, дорогие подарки — все это я привез в мой город Вавилон и разложил перед ним [перед Мардуком]... Я сделал так, что стены Экуа, часовни Мардука, Энлиля богов — светились, как солнце. Я устлал пол этих помещений сверкающими золотом, лазуритом и алебастром... Сердце велит мне перестроить Эсагил, я только о нем и думаю. Лучшие кедровые стропила, привезенные из Ливана,

пойдут на укрепление крыши Эсагила. Внутри храма я покрыл золотом прочные столбы из кедра... Я молился каждый день за благополучное строительство Эсагила».

Камбис будет царем Вавилона

Первое политическое решение Кира было поручить правление Вавилона Гобрию. Но великий царь знал, что ему надо было прежде всего привлечь к себе жрецов и верующих. Разве не следовало заставить вавилонян забыть, что они потеряли политическую независимость? Кир собирался доказать, что пока он здесь, Вавилону не угрожает никакая опасность. Поэтому он приказал вернуть статуи богов, которых Набонид изъял из их храмов, и восстановить их культ в тех городах, откуда они привезены. Так Кир доказывал вавилонянам, что им вовсе не нужны иностранные боги для обеспечения их безопасности. Кстати, так он завоевал и дружбу жителей других городов.

Кир повелел писцам записать на глиняных дощечках принципы своей политики в области религии. Вот что можно прочесть в хронике великого царя: «Боги Шумера и Аккада, которых Набонид, не страшась гнева царя богов, привез в Вавилон, я по приказу великого Мардука возвращаю в их святилища, в те места, куда они захотят. Пусть все боги, которых я возвращаю, молятся каждый день богам Белу и Набу, чтобы они продлили мои дни! Пусть молятся они за меня!» Но главное — это то, что, как говорится в хрониках, Кир был избран Мардуком, он восстановил его культ и защищает всех вавилонян. «Мардук осмотрел все страны. Он искал царя справедливого, которому он мог бы доверить свое сердце. И он нашел его: Кир, царь Аншана, он назвал его имя, чтобы царствовал он во всем мире... вот он завоевал все народы севера. Все люди с черными волосами, прикоснувшиеся к его руке, почувствовали его справедливость. Мардук, великий повелитель и защитник людей, зная его благие действия и справедливое сердце, благосклонно отнесся к нему. Он велел ему идти в Вавилон, показал ему пути и шагал рядом с ним. Его бесчисленные войска, подобно весеннему потоку, двигались во всеоружии. Бог ввел его без боя в Вавилон, свой город: Вавилон не понес урона. Набонид, нечестивый царь, сдался в руки его. Все жители Вавилона, вся страна Шумера и Аккада, вельможи и правители преклонились пред ним и с радостью пали к ногам его. Правитель, возвращающий жизнь умершим и избежавший разрушения, переживает великую радость...»

И Кир заканчивает знаменитым заявлением о личности царя, прозвучавшим как вызов политическим властителям Востока: «Я — Кир, царь всего мира, царь великий и могущественный, царь Вавилона, царь страны Шумера и Аккада, царь всей земли, сын великого царя Камбиса, царя города Ан-шана, внук великого царя Кира, царя города Аншана, правнук великого царя Теиспеса, царя Аншана, вечный корень царской власти, которую хранят в своем сердце боги Бел и Набу».

В начале зимы 539 года политическое положение в Вавилонии было смутным. Конечно, жрецы, чиновники, народ и сосланные присоединились к власти Кира. Над городом и над всей страной веял ветер радости. Однако многие понимали, что потеря Вавилоном политической независимости будет иметь свои последствия. Великий город испытал не одну оккупацию, и каждый раз власть опиралась на ассиро-вавилонскую традицию. Впервые городом Мардука правит иностранный властитель. Соратники Кира не имели опыта общения с халдеями семитского происхождения, даже при том, что эламизм, оказавший влияние на персов, был одной из составляющих вавилонской души.

Еще некоторое время после прихода Кира у Набонида сохранялись сторонники. Возможно для того, чтобы развеять влияние тех, кто мечтал восстановить власть царя-археолога, персидский царь поручил жрецам Мардука составить описание жизни Набонида с перечислением его преступлений и прегрешений против долга в отношении религии, в которых был виновен царь Вавилона.

В ту же зиму в Вавилоне умерла «важная персона», супруга Набонида, мать Валтасара и дочь Навуходоносора, царица Нитокрис. Благоговение, с каким весь народ соблюдал траур, показало хрупкость власти Кира, так легко взявшего город, чья покорность была, возможно, внешней.

Однако Кир сделал важную уступку: согласно обычаю, он, как говорится, «поладил» с богом Мардуком и пошел по пути им указанному. Какое еще доказательство дружбы нужно было вавилонянам? Кир решил, что сын его Камбис будет царем Вавилона. Но навязать такое назначение он не мог. Надо было, чтобы юный царевич со своей стороны сделал решающий шаг, который освятил бы его кандидатуру на царствование в этом городе с тысячью лиц. С наступлением весны Камбису следовало встать во главе празднования Нового года, ибо в ходе праздников выражалась близость царской власти с вавилонскими верованиями, и царевич должен был показать от имени Кира, отца его, одобрение правил вавилонской цивилизации.

Празднование Нового года (Акиту) отражало недолговечность

человеческой жизни наряду со страхом перед хаосом и концом света, свойственным народу Шумера и Аккада. Это был праздник плодородия, повод для продления договора, по которому земля с помощью воды и солнца могла накормить людей. Когда в начале весны первые признаки подтверждают, что природа продолжает свой круг, люди радостно празднуют эту уверенность, данную свыше. Страх потерять пищу проходит, и люди воздают благодарность богам, совершающим волшебную смену времен года.

Праздник Акиту оберегал также жителей Месопотамии от загадочных сил, правящих миром. Не будет больше потопа и конца света. Порядок, установленный в мире, не будет нарушаться. Еще на один год человечество уверено в том, что выживет. Эта угроза окончательного разрушения, глубоко укоренившаяся в сознании, должна была исчезнуть. Для этого следует исправить свои ошибки и замолить грехи. Все должно быть забыто, и человечество начнет новую жизнь. Вновь приобретя первоначальную чистоту, человек мог быть уверен, что, по крайней мере, на один год он вписан в число живущих: статуя бога Набу, находившаяся в Борсиппе, торжественно привезена в Вавилон. Набу, которого называли «бог-писец», владеющий книгой жизни, объявил список избранных. В праздник Нового года оглашаются судьбы, и тот, кто должен жить, будет жить.

И, наконец, в этот праздничный день был подтвержден еще один союз: правителя и богов. В этот день царь «прикасался к руке» бога Мардука, властелина судеб. Таким образом, тот, кто решал политическое будущее своих подданных, и тот, кто основывал всю законность, совместно действовали в интересах людей. Но не следует ошибаться, договор заключен между не равными сторонами, царствование одного человека над другими законно только по воле богов. Так, в Вавилоне изложение последовательности царей начинается очень важными словами: «Царствование дается сверху». Царей избирает Мардук. Бог Вавилона, «который шел впереди», избирает Кира.

Властелин «верхней двери»

Новогодние празднества длятся двенадцать дней. Совершив до рассвета омовение в водах Евфрата, главный жрец надевает льняные одежды и вступает в святилище Мардука. В своей молитве он сравнивает Вавилон с тронem бога, Борсиппу — с его тиарой, а просторы небес — с божественным чревом. Потом и другие жрецы присоединяются к звукам

песнопений и религиозной музыки. На другой день скульпторы приносят две золотые статуэтки, украшенные драгоценными камнями, и ставят их перед храмом; у одной в руке — змея, у другой — скорпион.

На следующий день главный жрец читает перед статуей Мардука стихи о сотворении мира. Он напоминает «эпизоды из победы Мардука над хаосом, говорящие о его всесилии, о памятных событиях, связанных с его смертью и воскрешением... Когда [в начале] все еще было бесформенным и не имело названия, первичные воды были смешанными. Вода пресная и вода соленая, представленные божеством Апсу и Тиамат, дали начало двум божественным понятиям: «все, что наверху» и «все, что внизу». От этой пары родились боги вавилонского пантеона. Вскоре боги начали плести интриги против своих старейшин, и Апсу решил их уничтожить. Но молодой бог эа с помощью магии сумел овладеть тем, что имел Апсу. Тиамат требует отмщения... Она рождает уродов и берет себе нового мужа, Кингу, которому и передает Таблички Судеб. На этот раз боги пугаются и, видя неотвратимость беды, отступают. На военном совете, который они собрали, только Мардук соглашается сразиться с Тиамат [Хаосом]»^[84].

Боги передают Мардуку символы власти: лук, арфу, молнию, ураган, сеть и все семь ветров. Бой начинается. Мардук наступает, берет Тиамат в свою сеть, направляет на нее все ветры, они пронизывают ее тело и уничтожают ее. Армия Тиамат бежит, ее перехватывает бог-победитель. У Кингу отбирают Таблички Судеб, ими овладевает Мардук, он становится, таким образом, хозяином всех судеб.

«Начинается организованный период созидания. Разделив Хаос на две части, Мардук создает небо и землю... Затем он наводит порядок в небесах. Звезда Мардука [Юпитер], которая меньше других отклоняется от эклиптики, отныне будет управлять движением светил». Наконец в помощь богам создается человек. Затем Мардук отстраивает свой храм Эсагил в Вавилоне, который становится, также с помощью Этеменанки, постоянным местонахождением, где диктуются законы и судьбы мира.

До этой стадии церемоний Акиту Камбис не вмешивается. Обо всем договариваются великий жрец и его бог. Но на следующий день жрецы призывают главного жреца совершить жертвоприношение. Отрубают голову барану. Его тушей обтирают все выступы храма, чтобы на ней осталась вся грязь. После этого тушу бросают в реку, и та уносит все грехи вавилонян. А козел отпущения исчезает в реке.

Затем совершается унижение царя, которому наверняка подвергся и Камбис.

Главный жрец берет из рук царя его символы власти, кладет их перед

статуей Мардука и бьет царя по щеке, таскает за уши, ставит его на колени и велит произнести слова, очищающие грешника: «Я не грешил против бога, я не пытался нанести ущерб Эсагилу, не забыл обряды...» Главный жрец, успокоив царя, возвращает ему символы власти и опять дает ему пощечины. Как говорится в тексте: «Он ударит царя по щеке; если слезы потекут, значит, Мардук хорошо расположен, если нет, значит, Мардук сердится, на Вавилон нападет враг, и он его разобьет».

Тогда возвращаются к Мардуку, отмечают его смерть и воскрешение, после чего празднуют его победу над хаосом, победу великого повелителя и правителя вселенной. Затем отрубают головы двум золотым статуэткам и бросают их в реку.

На следующий день огромная процессия готовится покинуть Вавилон. Всех богов собирают для царя, который будет развозить их по местам. За городскими стенами царь берет Мардука за руку, и начинается священная процессия. «Выходи, Владыка, царь ждет тебя!.. Он выносит Владыку из Вавилона... Служанки вавилонской богини Иштар идут бок о бок и играют на флейтах. Все вавилоняне издают крики радости».

Кортеж движется по коридору для процессий и через ворота Иштар покидает Вавилон. На берегу Евфрата перекладывают статуи богов из колесниц на лодки и с печалью смотрят, как они уплывают.

На одиннадцатый день церемонии боги начинают возвращаться в Вавилон. Мардука встречают словами: «Владыка, когда ты возвращаешься в свое жилище, стены говорят тебе: «Мир тебе, Владыка». Вавилон, город радости твоей, не покидай его больше». И наконец на двенадцатый день бог Набу расстается со своим отцом и возвращается в Борсиппу, излюбленное свое место. Праздники заканчиваются. Вавилоняне уверены, что их ждет счастливое будущее.

Этим религиозным жестом Камбис совершил важный политический акт. Отныне он — царь Вавилона, а Кир может себя называть «царем всего мира».

Тысячью поступков религиозного характера Кир подчеркнул свое повиновение религии вавилонян. Он выразил свою верность Мардуку и, больше того, представился избранником самого великого из богов.

Тем самым он привязал к себе жречество и вавилонский народ. Кир повелел написать на одном из глиняных цилиндров очень важное заявление о своем присоединении к вавилонскому богу: «Великий бог Мардук завоевал для меня умное сердце народа Вавилона, а я каждый день преклонялся перед ним».

Но это не значит, что Кир обратился в ассиро-вавилонскую веру. От

имени персидских воинов он принял все халдейские порядки, в том числе и религиозные. Он согласился с теми обычаями, согласно которым боги вручают царство человеку, он освободил символы божеств, вывезенные из их городов, восстановил религию в ее первородной чистоте и в обмен получил инвеституру на царство. Но Кир остался слугой бога Ахурамазды, бога ясности и строгости, не обременяющего себя ни идолами, ни храмами, чья жизненная сила распространяется на всю землю. Перс видит в Мардуке и во всем вавилонском пантеоне часть политико-религиозной системы, обязанности которой ему придется выполнять. Вера же его остается личным делом. Так возникает идея, что религия и государство — разные вещи, их можно разделить.

Конечно, в Вавилоне религия и государство немислимы одно без другого. Примкнуть к верующим в Мардука — значит быть ассиرو-вавилонянином. Быть ассирийцем или вавилонянином — значит примкнуть к верующим в Мардука.

Кир не родился между Тигром и Евфратом. Но, согласно его мировоззрению, он царь всемирной империи. Он не может связать себя какой-то одной верой, ибо он должен, наоборот, властвовать над религиями народов, с которыми он связал свою судьбу; он не стремится навязать культ Ахурамазды, поскольку знает, что великий бог ариев именно благодаря своему абстрактному характеру правит во всем мире. Эта отдаленность, это расстояние, какое он соблюдает Между собой и другими божествами, дают ему свободу, необходимую для расширения его власти.

А в Вавилоне тем временем все нормально: царь Кам-бис — на месте, торговля идет своим ходом, банкиры и дельцы, например Эгиби, продолжают свою деятельность. Конечно, ожидание прихода Кира вызвало некоторое волнение и надежду, в частности у иудеев, среди которых уже ходили слухи о скором их освобождении. При этом люди состоятельные и чиновники опасаются, что какая-нибудь административная или налоговая реформа может лишить их привилегий, но после окончательного утверждения нового «сына царя», каковым стал Камбис, все вроде бы приходит в порядок. Совокупность всех вавилонских проблем показалась Киру слишком сложной и хрупкой, чтобы он пытался в настоящее время проводить хотя бы малейшую реформу.

Вскоре после кончины халдея Гобрия, победителя Вавилона, позволившего осуществить Киру это удивительное завоевание крупного города без боя, персидский царь поручил управление страной чистокровному вавилонянину Набу-ах-ху-булиту, который исполнял эту должность еще при Набониде.

Что касается последнего царя независимого Вавилона, Кир решает сослать его в Карманию, южную персидскую провинцию, подальше от его бывшей столицы, которую он избегал совершенно напрасно, и от арабо-арамейской пустыни, где сын великой жрицы Аддагуппи провел самые лучшие годы своей жизни... Так что Набонид прожил еще некоторое время среди негостеприимных пустынь и неприступных гор.

Там он и умер в 538 году, бывший союзник Кира, поклонник бога Луны. И великий царь, уважающий вавилонское царство, объявляет государственный траур.

Летом того же года Кир уже может спокойно вернуться в свою столицу Экбатану. Возглавляя самую великую империю, какую Восток когда-либо видел до этого дня, он испытывает ощущение, что им заложены основы прочной организации, и политической, и административной, и религиозной, способной устоять при буре идей и страхов, волнующей народы, собранные ныне под его властью.

Отныне Ахеменид правит в этом загадочном городе Вавилоне, название которого означает «верхняя дверь», «божественная дверь», то есть дверь, через которую боги входят в мир земной. Командовать «верхней дверью» для царя Персии значит обеспечить себе владычество над всем миром.

Глава V

«НЕ ТЫ ЛИ БОГ НА НЕБЕ И ВЛАДЫЧЕСТВУЕШЬ

НАД ВСЕМИ ЦАРСТВАМИ НАРОДОВ?»

Кир понимал политическое значение ассиро-вавилонской религии. Направляя сына своего, Камбиса, публично участвовать в праздновании Нового года, признаваясь, что сам он — избранник Мардука, великий царь совершил весьма значительные деяния, за что вавилоняне были ему признательны.

Великий Ахеменид знал также, что эта религия оказала влияние на инородные слои населения, некогда сосланные на земли между Тигром и Евфратом царями Ниневии и Вавилона.

Цари ассирийцев и халдеев считали ссылку лучшим средством сломить независимость врагов, они воздерживались от уничтожения побежденных народов, которые своим трудом могли способствовать усилению власти победителей.

На Востоке в VI веке могущество измерялось прежде всего численностью армий и количеством крестьян и ремесленников. Так что перемещение тысяч иностранцев в глубь своей территории не было только карательной мерой. За редким исключением, перемещенные лица не имели статуса покоренных.

К тому же надо было, чтобы эта либеральная политика удалась, чтобы ассимиляция получилась. Вавилоняне рассчитывали, что их религия будет способствовать такой интеграции. Некоторые народы, оказавшись на новом месте, с радостью приняли культ местных богов: так им было легче интегрироваться, а следовательно, и облегчить гнет своих новых хозяев. Некоторые иностранцы, движимые экономической необходимостью, порою добровольно приходили в Вавилон: арамеи, намного более многочисленные и насчитывающие более древнюю историю, заполнили халдейское общество; эламиты, соседи Вавилона, по языку и цивилизации отличающиеся от халдеев; лидийцы и фригийцы, веками стремившиеся к общению с городом висячих садов, обосновавшиеся в Вавилоне, чтобы

лучше организовать свои дела; пришедшие издалека египтяне, оставшиеся в стране халдеев, словно они опоздали к каравану, возвращавшемуся на родину; и, наконец, мидяне, привлеченные социальной и экономической организацией такой близкой и такой непохожей страны, быть может, вспоминающие о союзе, когда-то заключенном между этими народами, чтобы победить Ниневию.

Получалось великое смешение народов, некая «взаимоассимиляция»; многочисленными были смешанные браки.

Такая политика интеграции не создавала особых трудностей даже с точки зрения религиозной. Каждый мог почитать Мардука, чьим гостеприимством он пользовался, и при этом по-прежнему молиться своим собственным богам. Со временем, полагали вавилоняне, инородцы забудут свою прежнюю веру и будут молиться в повседневной жизни лишь вездесущему богу.

Такая терпимость была результатом очевидности, явной для всех: каждый из богов имел свое место. Жить в Вавилоне значит преклоняться перед Мардуком и его семьей. Божество не могло преодолевать пределы своего владения. Служить Мардуку в Вавилоне — не то же самое, что служить ему в Борсиппе, где он также царил безраздельно. Оба Мардука были разными, потому что жили в разных местах.

В частности, этим объясняется исключительная чувствительность жителей Месопотамии к перемещению их божеств. Этим же объясняется отклик населения на решение Кира тотчас после входа в Вавилон вернуть на места божества, перемещенные Набонидом.

Поклоняться Мардуку в Вавилоне?

Для иудеев вопрос вставал иначе. Еще до разрушения храма, когда жители царства Иерусалим жили в условиях реальной независимости, пророки призывали иудеев принять вавилонское иго. После высылки большинства из них Иеремия направил сосланным письмо, в котором прямо объяснял необходимость подчинения и покорности. Иеремия даже просил иудеев молиться своему Богу... за Вавилон: «Стройте дома и живите в них, и разводите сады и ешьте плоды их; берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, чтоб они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь там, а не умяйтесь. И заботьтесь о благосостоянии города, в который Я переселил вас, и молитесь за него Господу; ибо при

благосостоянии его и вам будет мир»^[85].

Иудеи не оказывали политического или духовного сопротивления и, будучи открытыми по отношению к обществу халдеев, наблюдали их нравы, а затем и стали перенимать их, изучали веру народа, чтобы лучше интегрироваться в общество. Проявлялось своего рода пораженчество. Многие из них полагали, что боги Вавилона победили Бога Израиля, а потому следует покориться и обратиться к открытому почитанию новых божеств. Но часть из них, хоть и меньшинство, думала, что нынешнее несчастье Израиля предшествует скорому появлению посланца Бога, некоего мессии, который восстановит народ Иудеи в его величии и позволит ему вернуться в Иерусалим, чтобы восстановить храм Соломона. Никто не отказывался от веры отцов. Просто времена были такие, что иудеи переняли язык (арамейский), образ жизни, вавилонскую культуру и открыто относились с уважением к местным божествам.

Однако с самого начала, в 597 году, когда храм Иерусалимский еще стоял на месте и евреи молились в нем своему богу, старейшие из иудеев, обосновавшиеся в Вавилоне, заявляли, что они хотят быть как все нации на земле и разделять их верования: «Будем как язычники, как племена иноземные, служить дереву и камню». Пророк Иезекииль, сам сосланный в Тель-Авив, близ Ниппура, осудил такое намерение, напомнив слова Господа: «И выведу вас из народов и из стран, по которым вы рассеяны, и соберу вас рукою крепкою и мышцею простертою и изливанием ярости»^[86].

Внешне пророчества Иеремии и Иезекииля противоречат друг другу: разве покориться Вавилону не означает признать его богов? Но ведь признать волю победителей не обязательно означало сменить религию. В отличие от иудеев все перемещенные народы не исключали из своих верований Мардука и ему подобных богов. Для них быть как другие означало перейти в местную религию. Конечно, иудеи отлично понимали, что речь шла о том, чтобы примкнуть к культу идолопоклонства, а это, как они знали из еще более древней истории, было очень опасно. Значит, им надо было отделить богов от их материального изображения. Но ведь никто не путал Мардука с его статуей. Идолы из дерева и камня были просто образом, предложенным народу, чтобы помочь ему преодолеть свою неспособность понять абстрактность. Ничто не мешало иудеям придать идолам чисто относительное значение. Учение Моисея не считало идолопоклонство грехом для язычников, и иудеи, когда находились вне Святой земли, могли сколько угодно поклоняться звездам и светилам. Так что культ идолов представлялся как вопрос чисто социальный, подобно

культурным привычкам народов. Ведь Моисей сказал: «И рассеет вас Господь по всем народам и останетесь в малом числе между народами, к которым отведет вас Господь. И будете там служить богам, сделанным руками человеческими из дерева и камня»^[87]. Значило ли это, что вне их священной земли евреи могли преклоняться идолам? Некоторые отвечали утвердительно.

Однако вавилонские евреи ждали своего возвращения в Сион. Их отношение к вавилонскому культу могло быть только временным. Но ни политически, ни духовно иудеи не были в состоянии ускорить свое возвращение в Иерусалим. Значит, надо было ждать и... чем-то заполнять время ожидания. Парадоксально, но идолопоклонство Вавилона позволяло иудеям жить, не нарушая закона Моисея. Много веков спустя толкователи Талмуда, вспоминая ссылку в Вавилон, скажут: «Нет никаких причин спорить и проповедовать против идолов».

Иные иудеи, более строгие и более привязанные к своим убеждениям, полагали, что после разрушения храма в Иерусалиме следовало перенести в Вавилон центр культа Бога единого. Но совершать жертвоприношения вне храма невозможно. Надо ли было строить святилище в Вавилоне? Иезекииль, понимая, что евреи рисковали окончательно лишиться Земли обетованной, решительно возражал против этого. Он напомнил, что Всевышний не допустит, чтобы имя его произносилось на чужой земле. Особенно опасаясь, что надежда на возвращение окончательно сотрется в душе народа и он забудет Иерусалим, Иезекииль гневно и вместе с тем лирично разоблачал забвение: «Если я забуду тебя, Иерусалим...» Пророк предпочел пойти на риск и дать иудейскому народу возможность поклоняться идолам чужой земли вместо того, чтобы позволить ему выкопать яму между Израилем и своей землей. Выбор был таков: преклоняться перед Богом Израиля в Вавилоне и забыть Иерусалим, или преклоняться перед Мардуком в Вавилоне и забыть Бога Израиля. Иезекииль, а за ним и весь народ, провозгласил абсолютное первенство Иерусалима: «Так говорит Господь Бог: «И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран, и приведу вас в землю вашу»».

В ту пору, будучи в изгнании, евреи не имели храма. Как смогут они одною лишь силой надежды на возвращение сохранить свою веру? Как смогут они продолжать провозглашать вопрос в виде вызова: «Кто является Богом, кроме тебя, Бог неба и земли?» Многие почитали вавилонских идолов, сохраняя при этом убеждение, что их Господь — единственный бог; таким образом, они принимали политически верное решение: в глазах вавилонян эти иудеи не выглядели «безбожниками».

Помнили ли иудеи, что за две тысячи лет до того их родоначальник Авраам разломал идолов, которые отец его Фарра выделял в Уре, в стране халдеев? Помнили ли они, что патриарх ушел в пустыню, чтобы заложить основы новому потомству, религиозным законом которого будет отрицание идолов? После долгого перехода сыны Израиля вновь оказались в стране халдеев, откуда они вышли, но при этом они сохраняли двойственное отношение к язычникам, если не к самому идолопоклонничеству. Быть может, их духовное развитие привило им иммунитет к опасности преклоняться перед деревом и камнем, так что они могли вести себя, ничем не рискуя, как если бы такое преклонение перед идолами не имело последствий. Поскольку религия Священного города отнюдь не запрещает искать такую форму культа, практика которого подходила бы к условиям ссылки, иудеи нашли убежище в языке. Они создали новое, революционное заведение: синагогу. В этом месте для собраний родилась молитва как способ подтверждения своей покорности и выражения надежды. Земля халдеев услышала первые молитвы евреев, лишенных храма. Да еще музыка стала играть важную роль в их религиозной жизни. На глазах у удивленных вавилонян среди евреев происходило важнейшее духовное обновление.

Пока Кир организовывал империю, какой Восток еще не видывал, иудеи обладали таким же статусом, как и другие иноземные народы. По прибытии в Вавилонию в результате вынужденных переселений между 598 и 581 годами иудеи пользовались привилегией: Навуходоносор поселил их не в засушливой зоне, а вдоль Кебара, большого канала, идущего параллельно Евфрату. Этот регион находился в центре экономической деятельности страны, и многие евреи уже жили там: израелиты, сосланные из царства Самарии Тиглатпала-саром III в 734–733 годах; за ними последовали другие при Салманасаре в 724-м, при Саргоне в 721 году и, наконец, при Синаххерибе в 701 году, после битвы при Лахише.

Когда-то иудеи и израильтяне были злейшими врагами.

Объединив их, Навуходоносор, возможно, отнесся к ним благосклонно. Но политика его была продиктована также стратегическими соображениями. Набопаласар, отец победителя Иерусалима, долго сражался возле Кебара с народностями, не желавшими признавать его владычество. В частности, это можно сказать о жителях Ниппура, главного города этого района Вавилонии. Навуходоносор, желая подавить дух сопротивления местных жителей, навязал им присутствие чужеземного народа.

Восприняв буквально указание Иеремии, иудеи начали «плодиться и

размножаться». Они занимали двадцать восемь сельских поселений из двухсот в окрестностях Ниппура. Большое количество выходцев из Иудеи стали плотниками, кто-то занялся созданием речного флота, они играли в этой области важную роль. По причине такой, новой для них специализации (в Иудее нет судоходных рек) количество левитов, служителей культа, стало быстро уменьшаться. К тому же и храма не было, были лишь общественные молельни, где «мудрецы неволи» регулярно собирали верующих, чтобы оживлять воспоминания о потерянной родине.

Таким образом, на протяжении более чем сорока лет иудеи жили относительно благополучно. Из них мало кто находился на положении раба. Для этого надо было быть осужденным за неуплату долгов или за какое-нибудь другое преступление. Но лишь немногие пользовались статусом полноправного гражданина и могли участвовать в народных собраниях, действовавших при разных городских храмах и решавших вопросы, предусмотренные Гражданским кодексом. В подавляющем большинстве иудеи были людьми свободными, но лишенными гражданских прав. Не имея права владеть землей, чаще всего они были вынуждены трудиться как сельскохозяйственные рабочие, а если находились на царской службе, в армии или в администрации, занимали подчиненные должности.

Покориться царю вселенной?

Можно ли сказать, что приход Кира, чувство облегчения, испытанное большинством вавилонян, и надежда, поселившаяся в душе у всех, предвещали большие изменения? Конечно, незаметно для себя страна потеряла независимость. Если управляющий царством, Гобрий, был из местных, то царем был Камбис, сын чужеземного царя, а сам Кир правил всей империей. Как объяснить при таком раскладе, что коренные халдеи и иностранцы, живущие на той же земле, могли не заметить, что организация жизни в стране изменилась?

Действительно, экономическое положение значительно улучшилось. Цены не поднимались. Торговля развивалась, и Вавилония стала самой богатой провинцией Персидской империи. Обмен с Египтом, Сирией, Эламом и Лидией включал в себя железо, медь, олово, строевой лес и вино. Из Египта поступали краски и медикаменты. Из Вавилонии в другие области Персидской державы вывозили в большом количестве зерно, а город Вавилон поставлял шерстяную одежду. Культурный обмен

расширялся в области астрономии, математики и литературы, в качестве официального языка персидские чиновники применяли арамейский. Административные тексты переводились на местные языки, в Вавилонии главным образом — на аккадский. Одним словом, во всей империи Кира обмен идеями пользовался поддержкой.

Создание новой административной единицы — сатрапии — объединяло Вавилонию, Сирию, Финикию и Иудею, создавало у ссыльных впечатление, что они приблизились к своей отчизне. Однако иудеи испытывали двойственные чувства. Блага, полученные ими во время ссылки, были несомненны в плане экономическом и даже, в значительной мере, с точки зрения их собственной культуры. Но в политическом и религиозном плане они не были уверены в значении события, только что ими пережитого, как освобождения от вавилонского «ига». Действительно ли пробил час их независимости? Пришло ли время выполнения обещания, данного их предкам? Что делать с политическим освобождением, если экономическое благосостояние и культурное развитие подсказывали им, что лучше остаться в Вавилонии? А может быть, уже слишком поздно?

В тот момент, когда Кир распространяет свою власть на всю Вавилонию, надежды иудеев наталкиваются на такой вопрос: пойдет ли им на пользу либерализм великого царя? Настроение, царившее в иудейских колониях в районе Ниппура, сильно отличалось от радости, царившей среди вавилонян, особенно среди жрецов, видевших в падении Набонида и приходе Кира победу их религии, а не поражение отечества.

Жрецы приносили восхваления Киру, они праздновали победу завоевателя над Набонидом и радовались почтительному отношению царя персов к богам. Тот факт, что чувства иудеев были более сдержанны и менее восторженны, чем отношение жрецов Мардука, не означал, что ожидания их были обмануты. По правде говоря, иудеи пребывали в неведении. Чего следует ожидать? Какую позицию займут «старейшины», священнослужители, народ?

Одно было ясно: иудеи в конце концов выполнили повеления Иеремии. Никакого бунта, никакой попытки нарушить общественный порядок. Наоборот, иудеи честно и покорно восприняли свою судьбу, даже если среди некоторых из них и шли горячие споры.

Евреи, должно быть, помнили гневные проклятия в адрес тех иудеев, что остались в Иерусалиме, чтобы молиться Богу в тени храма, тогда еще стоявшего. Все еще находясь под впечатлением условий их первой высылки в 598 году, евреи, пленники Вавилона, выражали свою ненависть к притеснителям: «Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст

тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»^[88]

Между сторонниками молитв за Вавилон, как предрекал пророк в известном послании сосланным, и теми, кто хотел отомстить за свою судьбу, пролегла пропасть непонимания. И когда в те же годы два иудейских смутьяна, Ахав и Седекия, были арестованы и казнены в Вавилоне, один из руководителей диаспоры Шемаия Нехеламитянин потребовал от руководителей Иерусалима заковать в кандалы негодного пророка и проводить единственно верную политику, политику реванша. «Наказание их тысячу раз заслужено, — воскликнул Иеремия, — и если бы Навуходоносор не повелел предать их огню, вы должны были бы собственноручно покончить с ними, этими проклятыми людьми! «Я знаю это, я — свидетель», — сказал Господь. Вы можете усомниться? Шемаия, такой порядочный человек, гражданин, заботящийся о будущем своего народа? Нет, это тоже лжепророк, профессиональный лжец, специалист по отклонениям от слова Божия!»

Несмотря на свою роль верного толкователя божественного замысла, Иеремия признавал, что поведение, которое он проповедовал, не бессмысленно только в том случае, если ему будет сопутствовать какая-нибудь надежда: «Когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посетую вас и исполню доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас на место сие... и возвращу вас из плена и соберу вас из всех народов и из всех мест, куда Я изгнал вас и возвращу вас в то место, откуда переселил вас»^[89]. Но некоторые помнили, что незадолго до окончательного разрушения храма Иеремия ходил по улицам Иерусалима с деревянным ярмом на шее и плечах, убеждая в необходимости повиновения. Во время осады Святого города Иеремия был обвинен в дезертирстве и заключен под стражу, причем он по-прежнему провозглашал, что надо уходить из Иерусалима. После смерти Гедалии, последнего представителя иудейской власти, пророк против своей воли пошел за теми, кто направился в Египет...

Видение небесной колесницы

Какое влияние мог оказать Иеремия на сосланное население? Вдали от Вавилона ему пришлось на протяжении нескольких лет ограничиваться тем, что посылать свои проповеди в письменном виде, тогда как Иезекииль

находился среди сосланных. Если «пророк несчастья» был уверен в себе, опираясь на свои религиозные убеждения, то Иезекииль был уязвим, как если бы его послания требовали разъяснения. Порою он оказывался перед лицом событий, переживаемых им самим, причем не мог выразить их в виде заповедей иудеям в отношении их поведения. Были моменты, когда он изъяснялся понятными словами, но порою не мог сформулировать мысль и ограничивался мимикой, чтобы выразить чувства. Этот язык жестов, хотя и полный смысла, смущал его единомыслителей.

Когда храм был разрушен военачальником Навузарданом, Иезекииль уже несколько лет находился в Вавилоне. Он пережил это событие на расстоянии. На протяжении сорока дней он лежал на правом боку, принимая на себя несправедливость по отношению к Иудее; следующие сорок дней он лежал на левом боку, расплачиваясь за грехи Израиля. Лицо его было повернуто к Иерусалиму и по приказу Господа он пророчествовал против этого города. В те дни его жена, «радость глаз его», умерла. Но Всевышний запретил ему жалобы и слезы. В глазах народа личное горе Иезекииля предстало как образ драмы, каковой явилось разрушение храма, и, подобно пророку, народ должен был взять на себя ошибки и прегрешения царских семей, которые привели к краху. Однако никто не ошибался, и каждый видел в поведении пророка, что разграбление храма и ссылка произошли, чтобы очистить грешный народ. Запрещение плача означало, что когда-нибудь наступит возрождение.

Если Иеремия жил вблизи царей иудейских и пытался давать им советы, Иезекииль, движимый бунтарским духом, испытывал к власти царя постоянное презрение. Человек, узревший видение небесной колесницы, объявлял конец изгнания, объединение евреев, а главное — возобновление договора, объединяющего весь народ с его Богом: «Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду, и приведу их в землю их. На этой земле, на горах Израиля Я сделаю их одним народом, и один Царь будет царем у всех их... И не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими... и будут Моим народом и Я буду их Богом... И они будут ходить в заповедях Моих и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их.

И будут жить на земле, которую Я дал рабу Моему Иакову, на которой жили отцы их... И заключу с ними завет мира, завет вечный будет с ними... И поставлю среди них святилище Мое навеки»^[90].

Но Иезекииль, чье имя означает «Бог укрепляет», обращался также к людям всех народов, провозглашая всемирность слова Божьего, как если бы Господь стремился к признанию его другими народами, как к

необходимому условию его величия: «И узнают народы, что Я — Господь Бог их»^[91].

С Иезекииелем, быть может, впервые появляется идея, что личная заслуга может обеспечить спасение. Высылка в Вавилон была коллективным наказанием подобно всем несчастным событиям, пережитым евреями. И если порою Бог искал и находил хороших людей, как это было в Содоме и Гоморре, их благостность служила на пользу всех. Заслуга каждого приносит пользу каждому, но не всем, а ошибки одних не отзываются на головах других — таково новое пророчество, которое во время высылки, пока храм не мог играть свою роль, признавало важность индивидуального поведения людей.

Возвестив о разрушении страны, обреченной на болезни и нашествие лютых зверей, Господь воинов, обращаясь к Иезекиилю, сказал: «И если бы нашлись в ней [в той стране] сии три мужа: Ной, Даниил и Иов — то они праведностью своею спасли бы только свои души... сии три мужа... не спасли бы ни сыновей, ни дочерей...»^[92] Иезекииль уточняет далее: ««Отцы, как вы говорите, ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» — ...не будут впредь говорить пословицу эту в Израиле. Ибо вот, все души — Мои: как душа отца, так и душа сына — Мои...» И пророк заключает: «Душа согрешающая, она умрет. Сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына...»^[93]

Во время вавилонского изгнания каждый иудей — не только часть коллектива. Возможным становится индивидуальное спасение. Возрождение Иерусалима, предсказанное Иезекииелем, конечно же касается всех евреев и даже всех народов на земле, но оно определяется также действиями каждого человека, составляющего общество.

Изгнанник хорошо понимает, что существует связь между Всемогущим Господом не только со своим народом и со всеми народами, но и со всем созданным им в целом. Иезекииль хочет доказать, таким образом, существо и фундаментальный характер предназначения человека. Изображение Бога, сажающего величественный кедр, защитника всех птиц, связывающего небо и глубину земли, говорит о желании подтвердить существование Бога, защитника человечества.

Но в глазах народа Вавилона именно видение небесной колесницы открывает трансцендентальное поучение Иезекииля. Через пять лет после прибытия в чуждую землю, то есть в 593 году, Иезекииль провозглашает: «Отверзлись небеса, и я видел видения Божии». В данном случае речь не идет о мистической метафоре, а именно, согласно еврейской легенде, о

конкретном факте. Пророк увидел в небе колесницу и описывает ее. Видение это так же глубоко и загадочно, как само сотворение мира, ибо то, что предстало перед Иезекиилем, говорит о самой природе божества.

И все же пророк не видел Бога. Появление небесной колесницы и появление Бога, направляющего шаги евреев через Синайскую пустыню, — вещи разные по своей природе. Видение Иезекииля загадочно, тогда как видение потомков Авраама в пустыне было несомненным. Еврейская легенда уточняет: «То, что Иезекииль увидел однажды на небе, никак не может сравниться с тем, что весь народ Израиля увидел однажды на земле». Иезекииль и наверняка другие пророки видели не Бога, а образы Божьи. Они были подобны тем людям, что, встретив земного царя в окружении приближенных, наверное, спрашивают: который из них — царь? Совершенно иначе обстояло дело, когда народ переходил через Красное море, ему не надо было спрашивать, который тут царь: «Увидев его, они тотчас узнали его, и каждый проговорил: «Это он — мой Господь, я буду его прославлять». Даже последняя из служанок на Красном море увидела то, что ни Исая, ни Иезекииль, ни другие пророки не видели никогда». Небеса раскрылись перед Иезекиилем, когда он был далеко от храма Иерусалимского, именно для того, чтобы показать, что божественное присутствие постоянно в истории Израиля, особенно в опасные моменты. Колесница явилась, чтобы утвердить Иезекииля в роли пророка, чтобы напомнить народу, что он не покинут и что божественная власть находится на небе.

С тех пор для Иезекииля все переменялось. Он приобрел странную и абсолютную уверенность в том, что Бог Израиля пребывает с его народом на протяжении изгнания. Такой Бог может быть только защитником и отнюдь не разрушителем. Но это значение объясняет также непрочность позиции пророка. В связи со стремлением его народа интегрироваться в новое общество при отсутствии какого-либо святилища пророк может лишь утверждать, что он видел что-то, не самого Бога, но видение божественное, то есть видение, посланное ему божеством, такое же значительное, как радуга на следующий день после потопа, скрепляющая союз между людьми и творцом всего на свете. Опасность, угрожающая его народу, достаточно велика, чтобы его Бог решил прибегнуть к средствам, сравнимым с сотворением мира. И начало мира, и появление колесницы в небе зависят от одной и той же воли.

Что касается содержания видения, оно, конечно, вдохновлено искусством, мифами и обычаями страны, где жил пророк: Вавилонией. Крылатые существа, которых увидел Иезекииль, имели учетверенные лица,

в них можно было различить дух человека, льва, быка и орла. Эта тема учетверенных существ повторяется во многих произведениях ассирио-вавилонского искусства, в частности в Ниневии и Хорсабаде, которые, возможно, Иезекииль бегло увидел во время ссылки и наверняка видел в Вавилоне. Главное, это доказывает, что бог Иезекииля, в отличие от других божеств, мог удаляться от своего места, храма в Иерусалиме, чтобы обратиться ко всем четырем сторонам света. Кроме того, это еще раз подчеркивает всемирный характер того, чей пылающий образ явился пророку.

Но главное в этом явлении — трон: «А над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем... И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него. В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом»^[94].

Благодаря Иезекиилю иудеи в Вавилоне знают, что какие бы ни были их грехи, они не покинуты в чужом краю, что ссылка их кончится и что все они познают Бога. Они знают также, что их бог может конкретно проявиться в истории людей, прервать, ускорить, сломать ее по своему усмотрению. Наконец, само видение говорит людям, что их бог может принимать впечатляющие образы, которые показывают его покровительствующий характер.

Весной 571 года, через двадцать два года после видения на берегу Кебара, когда Навуходоносор был царем Вавилонии, Иезекииль умер. Так и не дожив до падения Вавилона, до тех обещаний освобождения, которые стали возможны благодаря этому событию, он остался великим предвестником и действующим лицом непрерывной истории.

«Я буду звать его с севера, а он придет с востока»

Упорствовать в существовании, оставаться самими собою, продолжать жить несмотря ни на что — такие цели ставили перед собой иудеи во времена Иезекииля. Их заинтриговало предсказание об освобождении. В каком виде произойдет это событие, обещанное пророком? Увидят ли они вновь чудо, вроде отступления вод в Красном море? Или бог войны вмешается непосредственно и разрушит Вавилон, чтобы освободить свой народ?

В то время на смену Иезекиилю пришел новый пророк. Он придал историческое значение мистическому ожиданию иудеев, надеждам он добавил конкретности. Имя его было, по-видимому, Исая, и пророчествовал он как бы в ответ другому Исаяе, который, двумя веками ранее, во времена царей Езекии и Синаххериба, провозглашал вечность Иерусалима, несмотря на происки ассирийцев и египтян. Исая 2-й пророчествовал в те годы, когда Кир, основавшись в Экбатане, начал свое восхождение и до момента, когда царь персов вступил в Вавилон.

Сначала, подобно Иеремии и Иезекиилю, Исая 2-й должен был преодолеть уныние иудеев. Он попытался утешить пленников, полагавших, что их бог слишком далеко, что он не сочувствует больше своему народу и по-настоящему не думает вернуть ему величие и свободу. Пророк неустанно повторял, что тот, кто создал небо и землю, кто сделал Израиль своим избранником, не может забыть свое создание. Народ же возражал, что бог, несмотря на все жертвы, какие евреи ему приносили с незапамятных времен, ничего не дал им за это и допустил высылку своего народа. В ответ Исая 2-й напоминал блага, предоставленные Израилю, и чудодейственные вмешательства божьи на протяжении всей истории.

А иудеи допытывались от Исая: что с ними будет теперь, когда Вавилон освобожден не Богом Израиля, а язычником? Какая связь между персом Киром и обещаниями освобождения, провозглашенными Иеремией и Иезекиилем? Исая 2-й тогда напоминал о своем предсказании, сделанном в 546 году, когда Кир вступил в Сарды. «Кто воздвиг от востока мужа правды, призвал его следовать за собою, предал ему народы и покорил царей?.. Я — Господь первый, и в последних Я — тот же»^[95].

Кто был этот праведник, призванный с востока, если не Кир, ставший победителем Астиага, Креза и еще многих царей? Пророк продолжает: «Я воздвиг его от севера, и он придет; от восхода солнца будет призывать имя Мое и попирает владык, как грязь, и топтать, как горшечник глину»^[96]. Разве Кир не был арием, выходцем с севера, и не совершил нашествие с востока, где обосновались его близкие и он сам?

Был ли Кир избранником Бога Израиля? Ограничивается ли Исая 2-й тем, что заявляет, что он предвидел события, или он предсказывает, что Кир был избран, чтобы выполнить божественную миссию? Возможно ли это, ведь Кир не знает бога иудеев, а первой заботой его после входа в Вавилон было поклониться богу Мардуку и нижестоящим богам? Пророк дает осторожный и постепенный ответ: боги Вавилона не предвидели победу Кира. Их священники обрадовались уже потом, после прихода персов. А

Бог Израиля предвидел и предсказал эту победу.

Наконец, Исайя 2-й заявляет, что это божественное предвидение само по себе несущественно, если не сказать, что оно доказывает превосходство Бога Израиля над всеми другими божествами. Самое же главное в том, что Всевышний избрал Кира и открылся ему уже после того, как провел его от победы к победе, о чем сам Кир и не знал. Оккупировав Вавилон, царь поймет в один прекрасный день свою истинную миссию: освободить евреев...

Бог евреев открылся Киру не в качестве первого из богов (других просто нет), а как первый, кто провозгласил его победы. И вот как Исайя 2-й представляет перса иудеям: «Вот Отрок Мой, которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на него, и возвестит народам суд»^[97].

Таким образом, Киру выпадает высокая честь вершить правосудие от имени Бога Израиля, и, следовательно, вернуть свободу иудеям. Кир восстановит истину, и права иудейского народа будут наконец признаны остальными народностями. «Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине»^[98]. Исайя 2-й говорит здесь на темы, непосредственно понятные иудеям, привыкшим к халдейским нравам, поскольку трость и лен представляют для вавилонян орудия судебной процедуры.

Но главное — обещание суда праведного, восстанавливающего справедливость. Кир не будет поступать как прочие победители, захватывавшие Израиль: «Не возопит и не возвысит голоса Своего и не даст услышать его на улицах»^[99]. Это означает, что он не пошлет войска на иудеев, не будет отчитывать публично своих подданных и не станет провозглашать на улицах свои указы.

И суд Кира будет признан на всей земле, вплоть до далеких островов, на краю обитаемой земли. Это упоминание о землях, удаленных от Вавилона, точно соответствовало тревоге народа. Как может чужеземный царь, правящий ныне в Вавилоне, интересоваться Иудеей и желать, чтобы изгнанники вернулись на родину во время его царствования? В своем пророчестве Исайя 2-й хочет их успокоить: именно потому, что Кир призван царить над всей землей, он и вернет население в Иудею.

Чтобы убедить недоверчивых евреев, пророк напоминает, каким образом Господь, сотворивший весь мир, открылся Киру: «Так говорил Всевышний Бог, Бог, создавший небеса и землю, и все, что на ней, вдохнул жизнь бесчисленным созданиям, всему живому». И именно этот Бог,

продолжает Исайя 2-й, заявляет, что он Вечный и что Кир — его избранник: «Я — Вечный, я вызвал тебя по достоинству твоему, и держал тебя за руку». Чтобы Кир правильно понял, слова божества отсылают к верованиям царя персов, согласно которым человек во всем видит дыхание Божие. А чтобы разъяснить Киру, что избрание его совершенно реально, Исайя 2-й употребляет обычную в Вавилоне метафору, согласно которой боги «брали за руку» всех, кого они выбирали. Так, сам Кир говорил, что бог Мардук взял его за руку: «Бог Мардук осмотрел все страны в поисках князя справедливого, князя, который был бы ему по сердцу, которого он повел бы за руку; и он назвал его имя, Кир, царь Аншана, и назначил его на царствование» (цилиндр Кира).

Исайя 2-й дает еще один точный намек на верования Кира: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир, и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это»^[100]. Подобно всем, кто верит в Ахурамазду, Кир полагает, что вселенная — результат борьбы между силами света и силами тьмы, что свет порождает счастье, а тьма — несчастье. Бог Израиля предстает перед ним как некто, возвышающийся над совокупностью этих сил, как бог, доступный пониманию Кира, но главным образом как некто, господствующий над всем в мире, в том числе и над борьбой света и тьмы. Бог Израиля, именуемый богом небесной рати, господствует и судит конфликты между днем и ночью. И здесь также пророк объясняет народу, что Бог Израиля знает верования всех и, в частности, того, кого он призвал спасти евреев.

Однако Кир не знает Бога евреев: «Я Господь, и нет иного; нет Бога, кроме Меня; Я препоясал тебя; хотя ты не знал Меня, дабы узнали от восхода солнца и от запада, что нет кроме меня»^[101]. Но это не значит, что Кир останется завоевателем, чуждым истинной судьбе Израиля. Персидский царь становится по Божьему избранию не царем Израиля как потомок Давида, но как государь на законном основании: «Я, Господь, призвал Тебя... и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников...»^[102] Итак, увидят народы восстановление Израиля, народ которого благодаря Киру покинет дом тьмы (Вавилон) и перейдет в дом света (Иерусалим). Пока Кир лишь предназначен совершить освобождение. Он еще не воплощает союз народов. Пока еще не стоит вопрос о восстановлении храма в Иерусалиме.

Это не важно, Кир — посланник Всевышнего, помазанник Божий, его мессия: «Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей... Я пойду пред тобою, и горы уравнию, медные

двери сокрушу и запоры железные сломаю. И отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев. Ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранного Моего, Я назвал тебя по имени, почти тебя, хотя ты не знал Меня»^[103].

И, наконец, Исайя 2-й решает сообщить, как закончить Божий замысел, касающийся Кира. Устами пророка говорит Господь: «Который говорит о Кире: пастырь Мой и он исполнит всю волю Мою и скажет Иерусалиму: «Ты будешь построен!» и храму: «Ты будешь основан!»»^[104] Так Кир предстает как человек божеского замысла: «Я воззвал орла от востока, из дальней страны исполнителю определения Моего... Я сказал и призвал его; Я привел его, и путь его будет благоуспешен». И Господь Исайи уточняет миссию Кира: «Он построит город мой, и отпустит пленных Моих, не за выкуп и не за дары»^[105].

Несмотря на все усилия пророка, иудеи придают значение больше политической стороне вопроса: да, Кир сможет их освободить; он даже может быть вдохновлен их Богом, может быть его слепым орудием. Но допустимо ли, что этот арий может стать рукою Господа, посланец, мессия Бога, чужого для него? Ахеменид — не потомок Давида. Не совершает ли Исайя 2-й грубую ошибку? Не путает ли он окончание вавилонского ига и само освобождение человека? Ничто ведь не доказывает, что открытая вавилонская граница позволит восстановить храм в Иерусалиме. Как может язычник, даже самый щедрый из всех царей, вновь построить храм Святого города?

Пророк без устали повторяет, что Кир был избран Богом. Какая еще держава, кроме персидской, смогла бы покорить Вавилон? Как великий царь смог бы победить столько государств, если бы Бог Израиля не был бы рядом с ним? Разве не развеял он своих врагов, как ветер развеивает солому? Разве тот, который создал небо и землю, кто избрал народ Израиля, не может назвать кого угодно, чтобы выполнили его волю? До чего же доходит самомнение еврейского народа, что он осмеливается обсуждать божественный выбор!

Самые упрямые иудеи выдвигали другой аргумент: как поверить в то, что Кир является мессией, если Вавилон до сих пор не разрушен? Разве не предсказывали пророки, а именно Иеремия с его силой и Иезекииль с его осторожностью, что город с висячими садами будет разрушен? Разве не было предсказания, что Вавилон постигнет судьба Ниневии, что его разрушат кирками и по нему будут бегать шакалы?.. Но аллегория, которую

пророк Иона выскажет много лет спустя, уместна ли в данном случае? Господь, направлявший шаги человека, проглоченного китом, не стал разрушать Ниневию, ибо в стенах этого города были люди, не способные отличить свою правую руку от левой, а также много животных. Так Бог представал как защитник всего живого, согласно договору, заключенному на следующий день после потопа. Не произойдет ли что-нибудь подобное с Вавилоном?

То ли потому, что они поверили доводам их пророка, то ли потому, что в большинстве своем не придали особого значения теологическому спору, но евреи в конце концов признали, что приход Кира — очень хорошая новость.

Указ Кира

А как отнесется Кир к этой надежде иудеев, выраженной пророком чужого бога словами лестными и доступными? Победитель Востока давно взял за правило сообщать разным народам, что он призван открывать пути к свободе. Но зачем ему сегодня рисковать и представлять в роли оружия в руках одного бога, когда все божества были для него одинаково полезны? Однако Кир не был равнодушен к идее создания «всемирной империи», править которой он призван, если верить пророчеству Исайи 2-го: «...не ослабеет Он и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова»^[106]. Ну чем не провозглашение славы, к которой так стремился великий царь?..

Кир принимает решение провозгласить и увековечить на глиняном цилиндре свою волю: обеспечить народам, когда-то покоренным халдейскими царями, возможность вернуться на землю предков и восстановить там их верования. Вместе с тем он признает, что своей нынешней властью он обязан великому богу и что династию его благословили боги.

«Я, Кир, царь всего мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь страны Шумера и Аккада, царь всех сторон света, сын великого царя Камбиса, царя города Аншан, внук великого царя Кира, царя города Аншан, правнук великого царя Теиспеса, царя Аншана, вечный потомок царства, чье правление любят Бел и Набу, которым по душе было это царствование.

Когда я без боя вошел в Вавилон и поселился во дворце князя, великий бог Мардук, широчайшее сердце, любящее Вавилон, вложил в меня, словно

судьбу, и ежедневно старался я ему поклоняться.

В самом Вавилоне и во всех его городах я следил за спасением жителей Вавилона, чье жилище не было... по воле бога подобно ярму, для них не желательному.

Я облегчил их участь, уменьшил печаль. Этим моим богоугодным действиям возрадовался великий бог Мардук.

Богов, здесь находившихся, я вернул на их места и сотворил просторные вместилища навеки. Я объединил всех людей и вернул их на родину».

Из заявлений Кира вырисовывается новое видение человеческой личности. Все люди имеют равную основополагающую ценность. Каждый может называть бога по своему выбору; за всеми признаются подлинная свобода совести, право обладать собственностью, право жить спокойно в стране по своему выбору. На том же цилиндре мы читаем: «Я представил всем людям свободу поклоняться своим богам и приказал, чтобы никто не имел права плохо относиться к людям за это». Кир провозглашает, что собственность каждого надо уважать: «Я приказал, чтобы никакое жилище не разрушалось и никакой житель не был лишен крова». И, наконец, Кир называет мир главной целью своего правления и основой равновесия в обществе: «Я гарантировал мир и спокойствие всем людям».

Вавилоняне, а также инородцы, жившие в великом городе и во всей стране, в частности иудеи, увидели в этом изложении личных и коллективных свобод указание на более древние тексты.

Разве законы Хаммурапи, изданные примерно в 1760 году царем Вавилона, закон Моисея, открытый евреям около 1300 года, не вдохновлялись желанием упорядочить права людей и обеспечить им свободу? Но Кир, хотя и признает их превосходство, воздерживается от теоретических рассуждений и ссылок на первоначальный и основополагающий текст. Он просто объявляет о своем решении сделать так, чтобы все, живущие в его империи, могли пользоваться полной свободой, как религиозной, так и гражданской, и политической.

Однако Вавилонская башня — не гора Синайская, а Кир — не Моисей. Узнав, что все народы имеют право вернуться на родину, иудеи ждали подтверждения, касающегося их конкретно. Закон объявлен, теперь должен последовать декрет о его применении. Иудеи, склонные к размышлениям, спрашивали себя: разрешат ли им восстановить храм и будут ли возвращены в Иерусалим священные сосуды, когда-то перевезенные в Вавилон Навуходоносором...

Весной 538 года Кир, провозгласив свой закон о всеобщей свободе,

отправился в великий город мидян Экбатану, древнюю столицу его деда Астиага. Царь Аншана, став царем Вавилона, Аккада и Шумера, сделал этот город в горах местом своей летней резиденции.

Кир не мог забыть ни своих глобальных амбиций, ни желания создать всемирную империю. Иудеи звали его мессией; они утверждали, что их невидимый бог не только избрал его, перса, но и помог ему победить народы, оказавшиеся на его пути. Надежды, которые они возлагали на него, превосходили простое требование возвращения на определенную территорию, поскольку они, по-видимому, думали о подлинном духовном возрождении.

Помехой планам Кира оставался только Египет, захватить который со времен Ашшурбанипала не удавалось ни одному владыке Востока. Каждый раз, когда какой-нибудь завоеватель выступал против фараонов, вставал вопрос о прибрежных равнинах, расположенных в Иудее и Финикии.

Теперь, захватив Вавилон, Кир тем самым оказался властителем этих регионов, регулярно возбуждающих аппетит Египта. Но разрушение Тира и Иерусалима прежними завоевателями, изгнание или высылка народов, живших там, привели к своего рода стратегическому вакууму, который следовало срочно заполнить. Удовлетворить требования иудеев представляло для Кира двойную выгоду: заселить регион и создать у них чувство благодарности, что могло пойти ему на пользу.

Было также еще одно поручение, которое иудеи настойчиво навязывали Киру, называя его помазанником их бога. Почему не вернуть свободу людям, преклоняющимся перед богом невидимым, людям, так давно изгнанным с их родины? Верный себе, великий царь признал, что бог евреев дал ему все страны, которыми он правил, и царствование над всей землей. Он объявил, что Иерусалим будет восстановлен, а храм этого города вновь сооружен во всем своем величии.

Так говорит Кир, царь Персидский:

Все царства земли
Дал мне Господь, Бог небесный;
И Он повелел мне построить Ему дом
В Иерусалиме, что в Иудее.
Кто есть из вас, из всего народа Его, —
Да будет Бог его с ним, —
И пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее,
И строит дом Господа,

Бога Израилева,
Того Бога, который в Иерусалиме.
А все оставшиеся,
Во всех местах, где бы тот ни жил,
Пусть помогут ему жители места того
серебром,
и золотом,
и иным имуществом,
и скотом,
С доброхотным даянием
Для дома Божия,
Что в Иерусалиме [\[107\]](#).

Кир не ограничивается тем, что сообщает свое решение заинтересованным лицам, иудеям, тем, кто является свидетелями, вавилонянам, тем, кому придется узнать это решение, всем подданным его во всей империи. Он делает так, чтобы «все царства земли» знали, что он разрешил вернуться на родину тем, кого когда-то сослал в Вавилон Навуходоносор. К тому же он не ограничивается простым декретом, зафиксированным на глине, но издает указ, то есть новость эта будет провозглашена во всем царстве.

Указ Кира приобретает религиозное значение не только для тех, кто вернется на родину и восстановит связь между ними и их богом, но и для самого великого царя. А тому богу, который обещал ему «все царства земли», Кир намерен воздать должное и посвятить ему храм, что может находиться только в Иерусалиме. А чтобы назвать этого бога, великий царь выбрал выражение, которое евреи мало употребляли до их ссылки в Вавилон, но не отвергали: «Бог небесный», то есть бог, который наверху, Всевышний, тот, которого пророк Иезекииль, как только оказался в Междуречье, разглядел среди туч, над головами людей.

Выражение, употребленное Киром, напоминает о трансцендентном характере божества, которое невозможно постигнуть с помощью материальных форм, бесконечно удаленного от людей и вместе с тем очень близкого их истории, как показывали и видение Иезекииля, и необычное решение, только что принятое царем персов: восстановить храм в Иерусалиме в честь того, кто признал право Кира владеть миром.

Выбор персидского владыки, несмотря на политические факторы (дорогу в Египет перекроет народ, ставший дружественным), несмотря на

его желание обеспечить всем народам право вернуться на родину, носил явно религиозный характер. В глазах иудеев великий царь устанавливал с их богом личные отношения, точно отвечающие намерениям этого бога: он, царь персидский, признал, как и все народы земли, Бога Израиля.

Караван великого возвращения

Столь долгожданное возвращение вызвало беспокойство и колебания среди иудеев. Некоторые спрашивали себя: а зачем покидать Вавилон, если отныне он в руках дружественного царя? Другие, нетерпеливые поборники национального достоинства, прежде всего хотели вернуть к жизни народ Израиля. Третьи, отвергая слишком политизированное отношение, видели в возрождении их отечества прежде всего неожиданную возможность восстановить храм и приносить там молитвы в соответствии с законом Моисея.

Указ Кира не был призывом к евреям эмигрировать и, тем более, не был декретом о высылке. Освободитель Востока вовсе не имел в виду заставить ссыльных вернуться к себе. Уже сформировалась идея, что империя составляет некое единство, где подданные великого царя могут жить, где им угодно.

Так что Киру было достаточно, чтобы часть иудеев выполнила миссию, которую он почитал очень желательной: восстановить храм, возродить Иудею и тем самым создать на прибрежной равнине новое государство, дружественное персам. Чтобы придать максимальную законность своему плану, особенно для того чтобы показать, что он соответствует древним традициям евреев, Кир возложил ответственность за «возвращение» на настоящего потомка царей Иудейских.

Царь Иоаким, освобожденный от цепей сыном Навуходоносора, мог мирно коротать остаток дней своих в Вавилоне.

Один из сыновей бывшего царя Иудеи, выросший в окружении вавилонской цивилизации, носил месопотамское имя Шешбацар в знак уважения царской семьи к Вавилону. Однако, когда он вырос, в царствование Набонида, принц изменил свое имя на Шенацар из уважения к своему монарху, великому поклоннику бога Сина. Разве евреи не возносили молитвы этому же богу во время перехода через Синайскую пустыню?

Чтобы выполнить повеление великого царя, нужен был человек, близкий и иудеям, и вавилонским традициям. Шенацар отвечал этим

требованиям. Ссылные с радостью встретили назначение его будущим правителем восстановленной Иудеи, тем более что Кир решил также доверить им драгоценности из храма.

«И царь Кир вынес сосуды дома Господня... И вынес их Кир, царь Персидский, рукою Мифредата, сокровищехранителя; а он счетом сдал их Шешбациру, князю Иудину. И вот число их: блюд золотых тридцать, блюд серебряных тысяча, ножей двадцать девять; чаш золотых тридцать, чаш серебряных двойных четыреста десять, других сосудов тысяча»^[108].

Важно было, чтобы все потомки дома царя Давида участвовали в действии, предпринятом Киром. Внуку царя Иоакима, Зоровавелю, сыну Салафиила, было поручено организовать первый караван под руководством дяди его, Шенацара. Оба они, и Шенацар и Зоровавель, носили имена вавилонские. Оба отвечали теперь за возрождение Израиля, хотя воспитаны были в духе чужеземной культуры, но на них была возложена надежда народа иудейского. Кроме того, их близость к халдейской культуре помогла им осуществить реализацию плана вавилонян разного происхождения, призванных Киром облегчить возвращение иудеев.

Иудейские священники выражали безграничную радость. Шенацар и Зоровавель все же заручились поддержкой известного священника по имени Иосия, сына Иоседека. Он будет отвечать за возобновление обряда жертвоприношений животных в святилище, когда оно будет восстановлено. Обряд не совершался на протяжении всех этих лет, и похоже было, что никто уже не знал точно процедуру жертвоприношения. К тому же иудеи на данный момент уже гордились новым духовным характером своей религии.

А когда храм будет восстановлен, нельзя будет не соблюдать буквально закон Моисея и отказаться от жертвоприношений. Иосия окружил себя многочисленными священниками и левитами, чьи родственники и предки осуществляли жертвоприношения. Те, что совершали необычное путешествие в Иерусалим, не имели опыта религиозных обрядов, но все рассчитывали на Иосию, чтобы прийти к решению, приемлемому для всех. Однако время для теологических предвидений было неподходящим. Надо было срочно организовать отъезд.

Шел 537 год. Те, кто решил немедленно отправляться в Иерусалим, были охвачены энтузиазмом. Но как должно происходить возвращение — общего мнения на этот счет не было, хотя ожидали его около семидесяти лет. Те, кто еще сомневались, поскольку прочно росли в вавилонскую цивилизацию, по приказу Кира должны были оказать денежную помощь на дело восстановления храма, так что они чувствовали себя солидарными с теми, кого великий царь посылал с этой миссией. Сбор средств,

организованный по случаю отправки первых поселенцев, принес очень большую сумму, которая должна была обеспечить безбедную жизнь «сыновьям возвращения».

Наконец первый отряд отправился. Всего в нем было около пятидесяти тысяч человек. Среди кандидатов на отправку 642 человека не могли установить родство и доказать, что они относятся к потомкам Моисея: речь шла о людях, только недавно обращенных в еврейскую веру, убежденных в превосходстве иудейских верований, и только благодаря этой убежденности их все же приняли в число отъезжающих. Все остальные помнили о своих предках: подавляющее большинство составляли потомки племени Иуды и Вениамина, но были также потомки царства Израиля, уверенные к тому времени, что только восстановление храма в Иерусалиме позволит народу, когда-то вышедшему из Египта, вновь найти свое единство и величие.

Отъезд представлял много материальных трудностей. Питание такого количества людей требовало тщательной организации: в караване кроме людей находилось 736 лошадей, 245 мулов, 435 верблюдов и 6720 ослов. К тому же надо было обеспечить перевозку священных сосудов.

Выйдя весной 537 года, за четыре месяца караван добрался до Иерусалима. Так иудеи совершили путь, пройденный в обратном направлении их предками во время великих ссылок. Продвигаясь на север, вдоль большой реки, в богатой долине Месопотамии, затем через сирийскую пустыню, без какого-либо военного эскорта, они шли по умиротворенной империи.

И вот показался Иерусалим. От бывшего величия его не осталось и следа. Разве что солнечные лучи, как и прежде, освещали холмы города с утра и до вечера. От храма, что когда-то располагался на горе, где Авраам готов был принести в жертву сына своего Исаака, не осталось ничего. Несколько иудеев, проживавших в своем городе с разрешения Навузардана, были несказанно удивлены, увидев такое неожиданное и внушительное пополнение.

Город оказался слишком тесен, чтобы вместить репатриантов, родившихся на чужой земле. На протяжении десятилетий они хранили невидимые связи и необычные представления о Святом городе. Некоторые семьи расположились среди развалин, остальные расселились в соседних населенных пунктах: Вифлееме, Вефиле, Иерихоне. С юга эдомитяне, занявшие с разрешения Навуходоносора всю территорию, прилегающую к Хеврону, преграждали путь иудеям.

Не теряя времени, под руководством старшего священника Иосии, левиты собрались на месте, где ранее был алтарь, сердце храма, там, где

находился их Бог. Наспех возвели алтарь и, не дожидаясь его освящения, приступили к регулярным жертвоприношениям, совершаемым утром и вечером и означающим господство Бога над всеми существами.

То, что не решались выполнить со времени разрушения храма оставшиеся в Иерусалиме местные жители, репатрианты сделали, не колеблясь, словно хотели замолить те запреты, которые в Вавилоне мешали им участвовать в культовых жертвоприношениях. Происходило действие революционного характера, совершалось дело только что вернувшихся иудеев и тех, что оставались на месте, дело тех, что жили в племенах на всем Востоке, всех тех, кто от Иерусалима и Самарии были разбросаны по необъятной Персидской империи, одним словом, — дело всех евреев. Соседние с Израилем народы не без тревоги наблюдали за этим восстановлением, которое, быть может, впервые в истории происходило по воле миролюбивого монарха, а не силой оружия.

Но была ли земля предков, увиденная иудеями, действительно Землей обетованной, где текут молочные реки в кисельных берегах? Евреи, вернувшиеся в Иерусалим из Вавилона, вряд ли почувствовали радость вступления на землю изобилия, описанную Моисеем. Постепенно выяснилось, что значение отечества евреев определялось не плодородием его почвы, а предназначением земли Израиля, поскольку она принадлежала евреям в силу повеления, принятого их Богом.

В момент, когда Зоровавель и его люди вступили на место древнего святилища, являлась ли эта земля плодородной или обетованной, было уже неважно.

«Позвольте нам строить храм вместе с вами»

Несмотря на свою традиционную враждебность к царству Иудеи, эдомитяне и моавитяне не пытались напасть на тех, кто в таком большом количестве вернулся в свою страну. В северной сатрапии царил персидский порядок, и было бы немыслимо, чтобы его кто-то нарушил нападением на бывших ссыльных, вернувшихся по благословению монарха новой империи.

Народ, обитавший к северу от Иерусалима, вокруг когда-то знаменитого города Самария, не мог никоим образом угрожать людям, которых защищал сам Кир. Наоборот, самаритяне, казалось, продолжали соблюдать Моисеевы верования; в какой-то степени они даже соблюдали обычаи, очень близкие к верованиям евреев, в частности в том, что

касается жертвоприношений.

Однако могли ли эти самаритяне считать себя прямыми потомками израелитов, побежденных и изгнанных ассирийцами? Салманасар, а за ним Саргон II и Ашшурбанипал выслали в Самарию десятки тысяч чужеземцев из Мидии и Вавилонии, в том числе кутиев. Эти последние, уроженцы приграничных мидийско-персидских областей, быстро приспособились к новой отчизне и переняли ее нравы и некоторые религиозные обряды. Но из-за полного отсутствия священнослужителей они безуспешно пытались восстановить местную религию, основам которой их никто не мог научить. Перед лицом этого «духовного вакуума» кутии испытали суеверный страх и в конце концов решили, что истинный бог Самарии относится к ним враждебно и напустил на них всяких диких зверей, главным образом — львов. Настроение приняло такой размах, что жители Самарии направили в Ниневию делегацию, чтобы пожаловаться ассирийскому царю, что не могут завоевать расположение бога, о котором они ничего не знают.

Саргон II отнесся весьма серьезно к этой жалобе; он не хотел, чтобы Самария опустела, а израелиты смогли бы так или иначе восстановить там свою власть. И царь ассирийский повелел: «Отправьте туда одного из священников, которых вы выселили оттуда; пусть пойдет и живет там, и он научит их закону Бога той земли»^[109].

Благодаря этому священнику кутии смогли унаследовать веру у израильтян, приносить жертвы Богу Моисея, а с годами — представляться потомками тех, кто вышел из Египта.

Возвращение в Иерусалим множества «собратьев по вере» и восстановление Святого города не оставили безразличными самаритян. Их благожелательность по отношению к малознакомой религии возрастала по мере того, как увеличивались неудачи, преследовавшие их до сих пор. Они уже и не вспоминали о кровавых битвах между иудеями и израильтянами и, наоборот, всё более симпатизировали репатриантам из Вавилона. Они были счастливы, что настоящее подкрепление утверждает их в религии. Одна мысль, что храм в Иерусалиме будет воздвигнут вновь по всем правилам Моисея, придавала всем небывалый энтузиазм.

Самаритяне, общаясь с репатриантами, были уверены, что их надежды не будут обмануты. Кроме религиозной общности, доказать которую они надеялись, самаритяне не забыли о попытках достигнуть согласия, предпринятых царем Иудеи Езекией примерно в 700 году в целях подлинного слияния религиозных традиций Иерусалима и Самарии. Не предлагал ли этот царь самаритянам широко праздновать Пасху, чтобы подчеркнуть национальный характер праздника? Разве не направил Езекия

призыв к жителям Самарии со словами: «Обратитесь к Господу, Богу Авраама, Исаака и Израиля, и Он обратится к остатку, уцелевшему у вас от руки царей Ассирийских»^[110].

И два века спустя было не поздно положительно ответить на этот призыв. Несмотря на вклад чужеземных народов, самаритяне стремились искренне уважать и воспринимать религию Израиля. Разве не направил Иосия, царь Иудеи, возвративший божественному культу его подлинное величие, такой же призыв в 600-х годах, когда кутии уже примкнули «ко всем прочим израильтянам». А разве не было празднование Пасхи при Иосии подлинным возрождением и для иудеев, и для израильтян?

Многие самаритяне пришли в Иерусалим, уверенные в том, что репатрианты их признают и что они смогут помочь в восстановлении храма. Они так и сказали иудеям: «Будем и мы строить с вами, потому что мы, как и вы, прибегаем к Богу вашему, и Ему приносим жертвы от дней Ассархаддо-на, царя Ассирийского, который перевел нас сюда»^[111].

Зоровавель, священнослужитель Иосия и все мудрецы еврейской общины, по-видимому, были очень растроганы этой речью. Иудеи не ожидали такого, тем более что по-настоящему восстановительные работы еще не начинались. Однако они сразу поняли, что из-за кутиев возникнут экономические и политические трудности. Этих людей, называющих себя новыми самаритянами, было несравненно больше, чем репатриантов. Принять их в состав новой общности иудеев означало изменить характер народа, познавшего изгнание. Существенным был риск, что культурный и религиозный опыт, приобретенный иудеями во время изгнания, выветрится: приобщение к вавилонскому народу позволило ссыльным развить в себе новые качества, как умственные, так и практические. Не исчезнет ли спасительное действие высылки, случившейся по воле Бога Израиля? Не случится ли отклонения от воли Божьей, если будет принята помощь самаритян, не познавших ссылки вавилонской и даже, наоборот, оказавшихся наследниками противоположного изгнания, приведшего их из чужих краев на землю Израиля? Не будет ли нарушен приказ Кира, если разрешат чужестранцам участвовать в восстановлении храма? Разве царь персидский не повелел своим декретом, чтобы только народ-изгнанник восстанавливал святыню Иерусалима?

Более того, первый урожай, собранный в Иудее репатриантами, был катастрофически мал, и голод грозил Иерусалиму. Чем в этих условиях кормить новых людей, хоть они и превозносили с таким энтузиазмом Всемогущего?

Наконец, сразу по их возвращении в Иудею репатриантам пришлось столкнуться с самаритянами по второстепенным вопросам. Кир ясно указал, что бывшим ссыльным должна отойти вся Иудея. А самаритяне занимали некоторые города, в частности Бетэл, и иудеи захватили этот город. И хотя самаритяне не среагировали на это, такой территориальный спор не способствовал благоприятному климату для счастливого сосуществования. И если бы иудеи воспротивились предложениям самаритян, ситуация еще более ухудшилась бы.

Однако с точки зрения религиозной Зоровавель и Иосия обязаны были вмешаться. Опыт, приобретенный в Вавилонии бывшими эмигрантами, подсказывал им необходимость отказаться от местных культов и открыть свою веру всем народам земли.

Разве не поучал безымянный пророк, чьи речения связаны со словами двух других пророков: «И сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его, всех, хранящих субботу от осквернения ее и твердо держащихся завета Моего, Я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моем доме молитвы; всесожжения их и жертвы их будут благоприятны на жертвеннике Моем, ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов»^[112].

И еще, как можно забывать речения Моисея о чужеземце Иофоре: тесть Моисеев не был евреем. Разве не пришел он к тем, кто вышел из Египта? И разве не принес он жертвы Богу и не участвовал в ритуальном обеде с Моисеем и главным священником Аароном, показывая этим свою принадлежность к израильской общине? «И принес Иофор, тесть Моисеев, всесожжение и жертвы Богу; и пришел Аарон и все старейшины Израилевы есть хлеба с тестем Моисеевым пред Богом».

И наоборот, когда евреи оказываются перед лицом такого важного события, как начало мира или Исход из Египта, как можно идти на риск искажения правды о Богом избранном народе? Вавилонская эпопея придала жизни этому народу, согласно Божьей воле. Как совместить новую надежду на универсализм и требования сохранения самобытности? Разве не зиждется закон Моисея на чистоте, основной добродетели, противостоящей всевозможным мерзостям, в том числе связанным с идолопоклонством? Если основной замысел Торы универсален и, следовательно, касается всех людей, носителем его должен быть конкретно какой-то народ, которому и следует сохранять свое определение. Зато что может означать универсальный замысел, в пользу от которого будет отказано тем, кто искренне поверит в него? Как отказать уверовавшим в праве почувствовать себя посланцами истины? Если Израиль — «народ жрецов и святая нация»,

то должен ли он относиться к другим нациям лишь как к объектам божественного откровения, а не как к людям, тоже способным участвовать в восстановлении храма? Допустимо ли держать в стороне от общества Израиля людей, которые не только признают истинного Бога, но и надеются стать священнослужителями?

Зоровавель — не Моисей, а Иосия — не Аарон. В ту пору по приказу Кира иудеи должны были восстановить храм. Как могут иудеи выполнить эту задачу, если приходят другие народности и, несмотря на их добрую волю, мешают строить? И чем кормить чужеземцев, если в Иерусалиме голод и воспринимают его как наказание Божье за явное легкомыслие репатриантов? После энтузиазма первых дней евреи начинают заботиться о материальном благополучии, в какой-то степени забывая о восстановлении святилища. «Так говорит Господь Саваоф: Мой дом в запустении, тогда как вы бежите каждый к своему дому. Посему-то небо заключилось и не дает вам росы, и земля не дает своих произведений»^[113].

Самаритяне могли похвастаться тем, что поддерживали отличные отношения с теми иудеями, которые остались возле Иерусалима во время изгнания. И даже были случаи смешанных браков между членами разных общин, заключаемых порою во время больших религиозных праздников. Разве не принадлежали самаритяне и иудеи к одному народу? Разве не связывало их воспоминание о великой катастрофе, обрушившейся на еврейский народ во время падения Иерусалима? Тот факт, что самаритяне избежали судьбы, которую Навуходоносор уготовил жителям Иерусалима, ничего не менял в вопросе о принадлежности кутиев к иудейской вере. Они отнеслись к несчастью иудеев, как к своей собственной беде, и говорили, что они присматривали за территорией, которую Господь когда-то предоставил своему народу, что они сохраняли священный закон Моисея.

Политический глава репатриантов, потомок Давида и Иосия, последователь высших священнослужителей, а также главы семей Израиля решили отказать в просьбе новым самаритянам: «Не строить вам вместе с нами дом нашему Богу; мы одни будем строить дом Господу, Богу Израилеву, как повелел нам царь Кир, царь Персидский»^[114]. Ссылка на политическую причину этого решения — приказ Кира — содержала угрозу и вызов. Евреи предупреждали бывших кутиев, чтобы они подчинялись приказам хозяина положения в данном регионе.

Так самаритяне вернулись в свой край, бывший когда-то землей царей Израиля, которую сам Моисей дал в наследство своему народу. В тот день решение нескольких вельмож, выполнявших волю царя, чуждого их вере,

отдалило их от судьбы сообщества потомков Авраама, Исаака и Иакова.

Однако «хранители Израиля», вернувшись к себе, ни в чем не переменили свою веру. Они по-прежнему почитали бога всех евреев, выполняли указания закона Моисеева и даже, без малейшего лицемерия, в душе признавали первостепенное духовное значение будущего храма Иерусалима, просто по причине его местонахождения. После того как пророк Неемия подтвердил волю Иосии, потребовались еще десятилетия, прежде чем они решились построить храм точь-в-точь как тот, что в Иерусалиме. На горе Гаризим они воздвигли святилище, где приносили такие же молитвы и жертвоприношения, как и их собратья, тому же богу, но в другом месте.

Иудеи дали волю своим ироническим замечаниям в адрес религиозного усердия новообращенных в Самарии. Они упрямо отказывались признать в них потомков племен израильских, затерянных в Ассирийской империи. Они относились к ним как к людям, принявшим веру из корыстных побуждений, и называли их «львиными новообращенными», намекая на то, что Саргон направил в Самарию израильского священника. Критиковали они безжалостно и культ голубей, который был в почете в древнем царстве Израиле. Вновь, как никогда раньше, обострился раскол, разделивший во времена Соломона два царства.

Что касается других народов, соседствовавших с евреями, то они видели в разладе между репатриантами и самаритянами случай лишний раз проявить свою враждебность к вновь вернувшимся, однако воздерживались от военных действий против власти персов.

Этот Бог создает и разрушает империи

В тот период, отказавшись от предложения самаритян присоединиться к ним, Зоровавель и Иосия оказались в затруднительном положении. Народ их охватило разочарование.

Хотя Кир практически освободил их от выплаты дани персам в связи со срочной необходимостью восстановить храм, иудеи были вынуждены проявлять политическую верность по отношению к империи, живя под бдительным взором сатрапа, командовавшего провинциями к северу от Евфрата. Несмотря на защиту Иудеи со стороны персидских властей, народ Иерусалима чувствовал себя неуверенно и боялся, что не сможет выполнить свою задачу.

Но священнослужители были убеждены в одном: Бог, защищающий человека и все народы земли, избравший Израиль, этот Бог создает и разрушает империи. Эта уверенность исходила из бурных событий на азиатском Ближнем Востоке за последние десятилетия: падение царства Ниневии, разгром Лидии, покорение всех народов региона и крах Вавилонии означали, что Бог евреев пожелал победы царя персов над столькими древними государствами, и все это для того, чтобы несколько тысяч иудеев набрались опыта во время ссылки в Вавилон и в конце концов вернулись в Иерусалим, чтобы восстановить храм.

Итак, Кир был послан Богом Израиля, он был его мессией, он признал превосходство Господа. А главное, в глазах евреев все события, произошедшие в пользу царя Вселенной, имели единственной целью восстановление храма. На протяжении всей еврейской истории этот бог, творец мировой политики, будет прославляться в этом качестве: «Ибо Господне есть царство, и Он — владыка над народами»^[115].

Перед лицом божественного величия деятельность людей, их желание быть сильными не имеют смысла: «Восшумели народы; двинулись царства: [Всевышний] дал глас Свой, и растаяла земля»^[116].

А пророк Аггей несколько лет спустя, призывая народ продолжать восстановление, взирая на множество необычных событий, произошедших за истекший век, провозглашал от имени Бога всемогущего: «Потрясу Я небо и землю; и ниспровергну престолы царств, и истреблю силу царств языческих, опрокину колесницы и сидящих на них, и низринуты будут кони и всадники их, один мечом другого. В тот день, говорит Господь Саваоф, Я возьму тебя, Зоровавель, сын Салафиилев, раб Мой, говорит Господь, и буду держать тебя как печать, ибо Я избрал тебя, говорит Господь Саваоф»^[117].

Через несколько веков это поучение будет повторено в устной легенде иудаизма: Бог «создает и разрушает миры»^[118]. А раз так, евреи напрасно гордятся своими победами, ибо «Господь ведет войну Израиля и дарует ему победу»^[119]. Всегда долгожданное освобождение относится ко всем народам мира. Оно означает снижение барьеров, разделяющих людей, конец рабства народов, что сможет совершить лишь мессия: «Между нашей эпохой и эрой мессианской существует лишь рабство народов»^[120].

Кир, освобождающий все народы своей империи, предоставив иудеям право вернуться на родину, выполняет, таким образом, волю Бога, его превосходящую, и приближает человечество к мессианской эре.

Урок, который евреи пронесут через века, был рожден политикой,

инструментом которой стал Кир Великий. С тех пор народ Израиля провозглашает, обращаясь к своему Богу: «Не ты ли Бог на небе? И ты владычествуешь над всеми царствами народов?»[\[121\]](#)

Глава

VI ЦАРЬ, ЗЕРКАЛО БОГА

Обладать империей. Диктовать закон своей власти множеству народов. Господствовать над Вавилоном и поставить своего сына на трон как властителя тысячелетнего царства. Но признавать за каждым человеком его право оставаться самим собою.

Перед походом на Вавилон состояние души у Кира сильно отличалось от того, что было десятью годами раньше, когда он вступил в Экбатану и окончательно объединил народности арийского происхождения, которые местные власти эксплуатировали и презирали. Экбатана, символ самоизоляции, представлялась в планах Кира как нечто должное, как столица, которой, со времени ее создания мидийцами, было суждено стать достоянием того, кто сумеет объединить вокруг своего имени весь этот народ, пришедший с севера.

Захватив Сарды после победы над Крезом и заняв страны, перекрывающие доступ к Малоазийскому полуострову, приказав своим полководцам потеснить греческие колонии, царь персов лишь расширял свои владения. Но вступление его в вавилонскую столицу, притягивавшую к себе всех прогрессивных людей, ставило Ахеменида в совершенно иное положение: речь шла не о захвате сокровищ города, как это было в Экбатане и Сардах. Речь шла не об устранении одной цивилизации другой или, того меньше, ликвидации национальной традиции, чтобы заменить ее другой. Оказавшись перед Вавилоном, Кир чувствовал себя покорным учеником, старающимся понять, что ему преподают учителя. Перед Вавилоном военная сила в счет не шла. Как по волшебству, оружие выпало из рук воинов по прибытии персидского царя. Кир покорялся Вавилону, едва его завоевав.

Новое понимание царства

Торжественное вступление царя персов в город убедительно показывало, что Кир был принят и признан как государь. Веком позже

Ксенофонт так откликнулся на пышный церемониал этого события: «Сперва перед входом в городские ворота выстроились около четырех тысяч воинов охраны... затем — две тысячи с каждой стороны от ворот. Здесь была вся кавалерия, спешившиеся всадники держали руки спрятанными под складки одежды, как это делается до сих пор в присутствии царя. Персы стояли по правую сторону от прохода, их союзники — по левую; так же выстроились колесницы, половина — с одной стороны, половина — с другой. Сам Кир показался в воротах, стоя на колеснице, на голове — прямая тиара, на плечах — пурпурная туника с белой полоской посередине, такую полоску мог носить только он. На ногах — ярко-красные штаны. Пурпурная куртка с рукавами — под туникой. Вокруг тиары — диадема, отличительная деталь, какую носили также родители царя и какую они носят и сейчас... При виде его все распростерлись, может быть, потому, что некоторые получили приказ показать пример остальным, а может быть, потому, что все были поражены одеянием, ростом и красотой, какой обладал, по-видимому, Кир. Раньше ни один перс перед ним не падал ниц.

Когда колесница Кира пришла в движение, первые четыре тысячи воинов охраны шли перед ней; две тысячи других — с каждой стороны. Сразу за колесницей верхом ехали примерно триста вельмож из свиты, в роскошных одеяниях и с дротиками в руках. За ними вели под уздцы около двухсот коней из его конюшен, с золотыми уздечками и попонами в полоску. Позади ехали две тысячи воинов, вооруженных пиками, а за ними — те самые десять тысяч персов, что составляли первый кавалерийский корпус, они выстроились по сто с каждой стороны; за ними — десять тысяч других персидских всадников в таком же порядке, затем — еще десять тысяч в том же построении, затем — мидийские всадники, потом — армянские, позади — гирканцы, а за ними — кадусии и, наконец, — саки. За конницей ехали колесницы, выстроенные по четыре»^[122].

Поистине, Вавилон принимал Кира под свое покровительство. Конечно, город халдеев потерял политическую власть, но сохранил власть духовную. Его влияния не избежал и Кир. С радостью стал он служить богам вавилонским, желая вернуть былой блеск пантеону, заброшенному самими вавилонянами. Кир сразу объявил себя официальным представителем Мардука, его служителем. Он спешил стать для вавилонян не только своим человеком, но и борцом за восстановление их религиозного достоинства.

Действуя в том же духе, персидский царь воспользовался затишьем, установившимся во всей империи, чтобы восстановить храм богини Иштар

в Уруке и сделать такую надпись на его стене: «Я, Кир, могущественный царь этой страны, сын Камбиса, люблю Эсагил и Эзиду». Этими словами он напоминал, что благосклонность его к Иштар не должна заслонять его преклонение ни перед Мардуком Вавилона, восседающим в храме Эсагил, ни перед богом Набу в Борсиппе.

Таким образом, Кир придавал древней концепции царя, избранного равными ему, иной масштаб: образ монарха — защитника богов. Законность его, и так никем не оспариваемая, стала неожиданным образом еще более укрепленной. Какими далекими казались годы, когда царь Аншана собирал вооруженный народ в Пасаргадах, чтобы провозгласить свою волю восстать против своего деда Астиага. Будущий властелин Востока тогда искал поддержку в своем племени, он хотел обладать властью, необходимою, чтобы командовать судьбою своих братьев. С годами эта своеобразная монархия народного типа превратилась в настоящую монархическую систему. Разнообразие происхождения и культур подданных империи, разница в устройстве многочисленных государств, побежденных Киром, сложность национальных традиций народов, встреченных им на своем пути, заставили великого царя выработать новую концепцию своей роли как монарха.

Так что восторженное возбуждение при появлении царя в городе или же во время праздника Нового года, когда его отмечал Камбис как царь Вавилона, было бы невозможным во времена, когда Кир был лишь царем Аншана. Встреча персов с вавилонской цивилизацией приносила свои плоды: Кир и его сын расставались с примитивной психологией ариев.

Конечно, священный характер власти царя крепко засел в головах персов. Богиня Анахита, делившая с Ахурамаздой и Митрой первоначальный пантеон ариев, брала на себя инвестиру царя. Подобно тому, как ассиро-вавилонских царей возводило на трон влияние небесных светил, персы считали, что бог времени, командовавший движением небесных тел, выбирал час появления нового царя.

Нигде, как в Вавилоне, не укоренилась прочно идея, что цари подчиняются высшей власти, что они являются представителями божественной воли на земле. Не являлся ли великий город тем привилегированным местом, где боги спускались на землю? Вавилон был самым источником царской власти. Кир проникся новыми традициями, и это проявилось в том, что он назначил своего сына Камбиса наследником. Он установил такой порядок вопреки правилам, существовавшим у персов до него. Со времен Ахеменидов новый царь провозглашался после смерти своего предшественника членами царского клана и с согласия всего

племени. Кроме того, выбор этот должен был получить подтверждение божественным знаком. Такое двойное избрание — народом и богом, творцом неба и земли, — придавало персидскому правлению неопровержимую законность. Однако в случае, если ветвь царской династии угасала или если появлялись спорные варианты, божественный знак становился решающим и безоговорочно снимал споры.

Когда Камбис, сын Кира, после пятилетнего царствования умер от несчастного случая и не был назван наследник, персы доверились божьей милости. А она проявилась во время церемонии, в ходе которой солнце, символ света и плодородия, ассоциируется с конем, символом победы. До рассвета люди, считающие себя достойными занять трон, выезжают верхом на возвышенность. Там они обращаются лицом к востоку, источнику истины, а слуги их остаются поблизости вместе с лошадьми. Небо светлеет, и начинается ожидание. Когда первый луч солнца, подобно молнии, пронзает утренний туман, боги заговорают: хозяин первой лошади, которая заржет, отныне облачен властью монарха, и каждый подчиняется его воле. Так Дарий стал наследником Кира и Камбиса.

Конюхи при этом играют особую роль, хитростью и умом они порою влияют на божью волю. Говорят, что конюх Дария по имени Ойбар в нужный момент вложил в ноздри хозяйского коня тряпочку, пропитанную запахом любимой кобылы жеребца. Как пишет Геродот, весь Восток стал говорить, что Дарий стал царем благодаря своему коню и слуге. По мнению древнегреческого историка, существовал даже барельеф, изображающий всадника, с такой надписью: «Дарий, сын Гистаспа. Благодаря своему коню и конюху Ойбару стал царем персидским».

При жизни Кира споров не могло быть: великий царь сам выбирает своего наследника и тут же делит с ним власть; он верен царской традиции империи, которую он получил во владение. Царь персов уже не *primus inter pares*^[123], а монарх, облеченный божественной властью, как все ассирийско-вавилонские цари. Тем не менее Ахеменид не отказывается от традиций справедливости, равенства, свободы и уважения к другим. Просто он расширяет свой горизонт, выражая двойную преданность всем людям и воле божьей. С тех пор его избрание зависит не от одного какого-нибудь племени или клана. Быть может, ему стало известно месопотамское изречение:

Тень бога — это человек,
А тень человека — другие люди.
Человек — это царь,

Подобный зеркалу бога.

Согласно древней традиции персов, солнце является эмблемой царской власти. Но у дневного светила есть двойник, похожий на него, он спускается на землю, чтобы вручить царствование тому, кто был избран, чтобы управлять людьми. Таким образом, задача царя — сугубо духовная: он должен сотрудничать с Творцом, чтобы претворить его космическую цель, действуя на земле и в жизни согласно его воле.

По мнению Кира, арийская концепция царствования может сочетаться с задачей, которую ассиро-вавилонский мир возлагает на великого царя. На самом деле царствование, в представлении первых Ахеменидов, не было связано ни с какой конкретной религией. Оно зависит от безымянного духовного принципа, являющегося самым условием универсальности функции царя. Разве Кир, вступив в Вавилон, не стал царем вселенной?

Кир ставит в скобки различные религии, но не исключает класса жрецов. Наоборот, Ахурамазда, великий бог, «добрый творец», «думающий властелин», считает, что для человека существует два пути: сан священника или воинская служба. Объединение этих двух карьер в одном человеке позволило бы окончательно победить дух зла. Но именно потому, что верований у людей много, трудно их объединить. Задача царя остается духовной; он должен наводить порядок в мире и продолжать дело Ахурамазды. Под властью царя «стада и люди свободны от страха смерти; воды и растения не знают засухи; при его власти нет ни жары, ни холода, ни старости, ни смерти, ни желаний, внушаемых демонами». Так человечество воплощается в личности царя, «символе первичного космического состояния и живой памяти видения, [которое ведет к истинному] обновлению мира» («Авеста»).

Таким образом, Кир повиновался подлинному духовному импульсу, который подтолкнул его загадочным образом к сохранению религий в их социальных и политических рамках. Но в его глазах ключ к овладению миром находится не в религиозных обрядах, он зависит от той концепции царствования, которая отныне его занимает.

Организация империи

Организовать империю. Придать всем странам и людям, живущим под властью персов, структуру царства, объединенного общей судьбой.

Позволить каждому народу сохранять свою индивидуальность. Внушать всем желание и вкус повиноваться великому царю. Заставить платить дань. Добиться вербовки военных контингентов. Охранять от любой внешней агрессии или внутреннего бунта то здание государства, что построил Ахеменид. И, наконец, поручить местное управление надежным людям, пользующимся поддержкой своих народов, — такие задачи ставил перед собой тот, кто считался царем вселенной.

Проще всего было, разумеется, уважать географическое деление разных стран, составляющих новую империю. Гиркания и Парфия, что к югу от Каспийского моря, определяющие защиту Великой Персии от нападений с севера, объединились в единую провинцию, правление которой Кир поручил своему дяде, Гистаспу, сыну Аршамы. Другой стратегический регион — Сирия, Финикия и Вавилония — поручен сперва Гобрию, а потом — самому Камбису. Кроме этих двух территорий, главнейших для безопасности империи, в остальных регионах Кир утвердил в своих правах царей, принявших его власть. Все правители получили титул «защитников царства» и имели почти полную свободу действий в том, что касается экономических, социальных и административных вопросов. К ним относились как к настоящим монархам (тогда как по настоящему они не были таковыми), у каждого был свой двор. Им были приданы секретарь, казначей и военачальник, командующий их вооруженными силами.

Сатрапы не обладали правом наследования, так что их законные наследники должны были сперва заслужить доверие главного царя. Кроме того, Ахеменид назначал инспекторов царства, они осуществляли ежегодные поездки, следили за политикой сатрапов, их почитали как «око государево».

Таким образом, отдаленность от центра Персидской державы не давала повода для раскола тем, кто признал, добровольно или под нажимом, власть Кира. «Царь четырех сторон света» требовал от защитников царства, чтобы они поддерживали мир, поставляли живую силу в войска и регулярно платили дань в Пасаргады. Он создал систему сообщений по всей империи таким образом, чтобы новости к нему приходили как можно скорее, где бы он ни находился. «Перевозка донесений не останавливалась на ночь. Дневного курьера сменял ночной. Говорят, что с такой системой новости перемещаются быстрее, чем птицы», — сообщал Ксенофонт.

Оставалась большая трудность: языковая раздробленность. Из-за

большого количества используемых языков и наречий ассиро-вавилонские правители передавали свои приказы в отдаленные провинции с помощью огромного количества посредников. Цари месопотамские были всегда окружены толпой писарей и переводчиков.

Чтобы решить эту проблему, Ахемениды и Кир в первую очередь нашли удивительно простое решение: «Повсюду применялся один и тот же язык-посредник. Для этого достаточно было, чтобы в органе — источнике информации и в органе — приемнике были люди, говорящие на одном и том же языке и пишущие одним и тем же способом. На местном уровне и в центре надо было иметь писцов, употребляющих один и тот же язык и письменность. А в центре писцы должны были, разумеется, говорить на языке ответственных лиц и начальников, писцы же на местах — говорить на местном языке. Роль языка-посредника была отведена арамейскому, писцы должны были знать и письменность, и разговорный язык»^[124].

По всей империи существовали группы арамейских писцов. Им приносили царские указы, они же немедленно переводили их на местные языки. При Ахеменидах арамейский язык получил, таким образом, всеобщее распространение, что весьма помогало администрации всех провинций.

Благодаря такой системе информации, очень быстро введенной Киrom, народы, живущие под персидским владычеством, оказались зависимыми друг от друга. Разделить их означало бы породить анархию, потерять защиту от внешних врагов, а также, учитывая важность торговых обменов, это могло привести к экономическому удушью. Благодаря Киру все его подданные стали солидарны друг с другом, пользуясь структурой истинно федерального государства, общим рынком и единой оборонительной политикой. Отказавшись от идеи прямого администрирования в своей империи, Кир, возможно впервые в истории, создал условия мирного развития.

Пятидесятитысячная армия являлась объединяющим ферментом новой империи. Это была не национальная армия, а совокупность частей, разных по происхождению, под командованием начальников из разных народностей. В армии командовали два типа людей: горцы арийского происхождения, со светлым цветом кожи, и жители долин, в том числе Сузианы, с лицом, загорелым от солнца. Выходя из Пасаргад на завоевание Востока, Кир располагал лишь несколькими тысячами смелых воинов. Постепенно благодаря хорошей организации и вооружению, благодаря постоянной поддержке из Фарса он сформировал настоящую армию.

Персы великолепно владели дальнобойным луком. Стреляя почти

вертикально, они могли обрушить на противника тучу стрел с очень большого расстояния. Царская охрана была вооружена длинными пиками, что давало ей превосходство при сближении с противником. Щитами из кожи или ивовых прутьев персидские воины прикрывались в бою. Кавалерия, в состав которой входили также верблюды и колесницы, в том числе колесницы с косами, применялась в наступлении и обеспечивала защиту пехоты.

По сравнению с западными народами Передней Азии потомки арийцев, привыкшие к лишениям и суровой жизни в горах, проявляли исключительные воинские качества и не знали поражений. Зато их походы против восточных племен, прошедших такую же школу, что и персы, были трудными, с неопределенным результатом, а иногда кончались и поражением.

Если армия не носила характера национальной силы, она все же была на службе нации; Кира называли «Отцом народа». С самого начала он сумел убедить своих солдат, что они будут сражаться за самих себя, за свои семьи, а не за царя или сохранение установленного порядка. Нередко в армии на очень высоких постах находились люди из рядовых воинов. Так, некто по имени Феравлас, ранее занимавшийся сельским трудом, за смелость в боях получил многочисленные награды, был назначен церемониймейстером вхождений Кира в Вавилон, после чего получил титул «скипетроносца царя». Начав с нуля, Феравлас вошел в состав персидской элиты...

Великий царь в своих речах, обращенных к воинам перед боем, не забывал призывать к защите богов и прислушивался к мнению оракулов. После победоносного исхода, в отличие от ассирийцев или вавилонян, устраивавших долгую процессию прославления местных богов, Кир не приписывал благоприятный исход боя одному лишь вмешательству божественных сил. Он не собирался лишать свою армию заслуг в одержании победы и создавал в рядах бойцов чувство признательности и преданности, которое, возможно, и было ключом победоносных походов персов. К тому же он отнюдь не презирал народы, над правителями которых он брал верх. Так укреплялся и без того большой авторитет Ахеменида среди народов-союзников.

Кир не отвергал сияние славы, которое, по общему мнению, ставило его над всеми другими людьми. Но он хотел, чтобы ему подчинялись не как символу государства, раскинувшегося на пять миллионов квадратных километров, с населением в десять миллионов душ, а как воину-победителю, обладателю неограниченной власти. В этом Кир оставался

персом, царем Аншана, и это, конечно, было главным.

Чтобы провозгласить в стране право

В отличие от знаменитого Хаммурапи, царя Вавилона, правившего за двенадцать веков до него, Кир не составлял свода законов. И в этом смысле он также предпочел остаться наследником тысячелетней традиции Шумера, не отрицая при этом вклада семитских народов.

Хаммурапи первым зафиксировал правила общественного поведения вавилонян и указал соответствующие наказания за нарушения правил. Это был не гражданский кодекс с продолжением в виде уголовного кодекса, а скорее исследование случай за случаем трудностей, которые могут возникнуть между вавилонянами, с перечислением санкций, применяемых за нанесение ущерба всему обществу. В преамбуле известного свода законов Хаммурапи, имя которого означает «бог Хамму излечивает», писал, что превыше его закона был закон Шамаша, бога солнца и правосудия:

Чтобы справедливость в стране заставить сиять,
Чтобы уничтожить преступников и злых,
Чтобы сильный не притеснял слабого,
Чтобы подобно солнцу восходить над людьми и озарять
страну.

На стеле высотой в два метра двадцать пять сантиметров были высечены 282 статьи кодекса, над текстом изображен Хаммурапи в момент молитвы, с поднятой рукой и лицом, обращенным к богу Шамашу, сидящему на божественном троне. По существу, законы Хаммурапи являются началом развития могущества Мардука, бога Вавилона, он постепенно поднимается по ступеням иерархии божеств и к приходу Кира становится величайшим из богов.

Законы, провозглашенные древним царем Вавилона, свидетельствуют о его желании придать законодательству человеческий масштаб, не прибегая к помощи божеств. Земная юрисдикция постепенно заменяла божий суд.

Принцип божьего суда требовал, например, чтобы человек, обвиненный в колдовстве, или женщина, изменившая мужу, были брошены в Евфрат; если подозреваемому удавалось выбраться на берег, его (или ее) объявляли невиновным, а тот, кто его обвинил, отдавался под суд. Хотя

божий суд отменялся, жрецы оставались судебными служащими, как того требует закон. И даже когда были введены светские суды, ответственные только перед царем, храмы остались залами суда.

Такое «обезвоживание» правосудия не вызывало возражений Кира, наоборот, великий царь не стал менять кодекс законов Хаммурапи. Но все же в одном законодательство изменилось. Закон возмездия, весьма уважаемый семитскими народами, предусматривал правило: око за око, зуб за зуб; тот, кто так или иначе вредил свободному человеку, должен был понести такое же наказание. Если мужчина бил девушку, и она от этого умирала, то убивали не нападавшего, а его дочь. Зато, если жертвой был раб или человек, освобожденный из рабства, наказание было менее суровым и определялось целой системой гражданских возмещений путем денежных компенсаций или исполнения работ. Таким образом, наказание менялось в зависимости от тяжести преступления и от личности пострадавшего! Смертной казнью карались многие преступления: изнасилование, похищение ребенка, ограбление, кража со взломом, кровосмешение, убийство женой своего мужа с целью выйти замуж за другого, вход жрицы в питейное заведение, укрытие у себя беглого раба, трусость перед лицом неприятеля, растрата, дурное содержание дома и расточительство хозяйки, мошенничество в торговле пивом и т. д.

Законы Хаммурапи определяли заработную плату, цены и даже размеры чаевых.

«Если человек совершил ограбление и был пойман, то этот человек должен быть убит. Если грабитель не был схвачен, то ограбленный человек может показать перед богом все свое пропавшее, а поселение или градоправитель, на земле и территории которых было совершено ограбление, должны ему возместить все его пропавшее. Если при этом была загублена жизнь, то поселение и старейшина должны отвесить одну мину серебра его родичам»^[125].

Законы Хаммурапи носят характер чисто юридический, а не моральный. Конкретно изложенные суждения были редко столь же суровы, как можно было бы предположить исходя из теории права. Многие статьи даже носят отпечаток милосердия, характерного для этой контрастной цивилизации, с которой имел дело Ахеменид.

Законы, касающиеся семейных отношений, отражают похвальное стремление защитить женщину и ребенка, чтобы их не бросали, не относились к ним жестоко и не обрекали на нищету. Наказания порою очень суровы, но могут быть смягчены милосердием и признанием смягчающих обстоятельств. Измена со стороны жены наказуется смертью,

но муж может простить свою супругу, а царь — любовника, и тогда они не будут «связаны и брошены в воду».

«Если человек был взят в плен, а в его доме нет пропитания и его жена вступит в дом другого, то эта женщина не имеет вины»^[126]. Мужчина может отвергнуть свою супругу и ничего ей не дать, если она плохо себя ведет, но если он разводится потому, что она не способна к деторождению, «он должен дать серебро, равное ее выкупу, а также восстановить ей приданое, которое она принесла из дома своего отца». Муж, супруга которого тяжело больна, может взять другую жену, но должен до конца жизни оставить больную у себя. После смерти отца имущество его делится между детьми, но вдова имеет право пользоваться этим имуществом и свободно распоряжаться домами, землей, садами и мебелью. Если женщина умирает, приданое ее не возвращается отцу, а переходит к детям. Эти последние не могут быть лишены наследства без уважительной причины.

Миротворческая воля древнего царя Вавилона предшествовала через хребты веков деятельности Ашшурбанипала, который повелел переписать для своей библиотеки полный текст законов. В заключение свода законов Хаммурапи с гордостью провозгласил:

Я истребил врагов на севере и на юге,
Я искоренил междоусобицы.
Улучшил положение страны,
Поселил людей в надежных местах
И избавил их от страха.
... Я — пастырь-миротворец,
Скипетр которого прям.
Моя благая сень распростерта над моим городом.
И я держу на своем лоне людей страны
Шумера и Аккада.
С помощью моей богини — покровительницы [Иштар]
Они стали преуспевать,
Я привел их к благополучию
И укрыл их своей мудростью^[127].

В стране, в которой отныне правил Кир, он нашел некую идеологическую константу, направленную на установление безопасности и мира. Несмотря на периоды упадка, которые были в истории Месопотамии, Кир отдавал себе отчет в величии этой цивилизации...

Оставаться родным своему персидскому народу. Сохранять в целости духовные традиции предков. Оберегать мир,

После пребывания в Экбатане, откуда он провозгласил знаменитый указ, освобождающий евреев, Кир вернулся в Пасаргады. Этим он хотел показать, что остался просто царем Аншана. Вернувшись в «лагерь персов», он завершил строительство своей столицы. Чтобы придать городу, видевшему его взлет, черты нового могущества, он повелел выбить на стене, окружающей дворец, слова, написанные на халдейском языке, понятном семитам, что само по себе символично:

«Я, Кир, царь вселенной, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь страны Шумера и Аккада, царь четырех сторон света». Так он указывал, что добился создания всемирной империи, связав себя с традицией царей ахеменидских и арийских.

Таким образом, после победы над Вавилоном художники увековечили образ своего царя: «Большой белый камень среди поля... прекрасное лицо... человек, изображенный на камне, явно арийского типа, с выбритой макушкой головы; волосы сплетены в косички, едва достигающие до шеи; борода коротка и кудрява. Одет в длинный плащ на меху, застегивающийся на боку... На голове — корона... напоминающая тиары некоторых египетских божеств; к плечам прикреплены большие развернутые крылья, как у ассирийских демонов и библейских ангелов». Впервые люди из окружения Кира выразили мысль, что Ахеменид был снабжен атрибутами из пантеона всех покоренных народов, а также, что он не подчеркивал разницы между богами персидскими и богами покоренных народов.

Когда он закончил войну с Вавилоном, царю «всех сторон света» исполнилось сорок девять лет. В тридцать лет он был царем Аншана, в тридцать восемь лет — царем мидян и всех персов, царем Лидии — в сорок один год. Сын царя, вассала мидян и миди некой царевны, за двадцать лет добился независимости своего народа. Он подчинил себе самого горделивого из царей Востока. Но подчинение Вавилона имело для него и другой смысл: Кир оценил и впервые восхищался шумеро-аккадской цивилизацией. Нельзя сказать, что он презирал культуру и верования других народов, чью дружбу он завоевал, но именно Вавилон позволил ему понять подлинную первопричину его власти.

Когда, победив Астиага, Кир женился на Амитиде, дочери царя Мидии (своей собственной тетке), он совершил властный поступок, не имевший особого политического значения. Зато он остался верен себе, когда женился на ахеменидской царевне Кассандане, дочери Фарнаспа, которая родила ему трех дочерей и двух сыновей: Камбиса, его титулованного наследника, и Смердиса, которому он поручил правление сатрапиями в восточной части империи.

К моменту взятия Вавилона Кассандана уже умерла, и от Геродота мы узнаем, что царь носил по ней «глубокий траур», так как очень переживал эту потерю. По-видимому, Кир внушал сыновьям, что Ахемениды были не просто завоевателями, полководцами, но что они соблюдали новые традиции, что ставило их выше всех других царей.

Быть может, открытие, преобразившее жизнь Кира, было слишком свежим и хрупким, чтобы его можно было объяснить персам, спустившимся с гор Фарса? Вернувшись в Пасаргады, Кир чувствовал себя удовлетворенным: во всей империи слуги царя соблюдали мир и люди не знали беспорядков. Такая ситуация резко отличалась от того, что творилось во времена правления ассирийцев. Восточные народы подчинялись персам несравненно лучше, чем месопотамским властителям, и проявляли к первым Ахеменидам чувства дружбы и уважения. Экономика улучшилась настолько, что персы были освобождены от уплаты налогов, хотя проводились большие работы по ирригации, строились дороги и многочисленные храмы. Богатства, накопленные мидянами и лидийцами, а также хранящиеся в Вавилоне, покрывали эти расходы.

Ограничится ли Кир царствованием без осуществления новых планов? Разве идея, подтолкнувшая персов на то, чтобы покинуть Аншан, не совпала со стремлением ассирийцев, вавилонян и лидийцев к победам и владычеству? Как будет чувствовать себя великий царь, если он вдруг перестанет посылать своих подданных в новые походы? И куда будет направлено его стремление к владычеству?

А тем временем возрастала сила греков. Рядом с Лидией возник полюс культурного и политического притяжения, в свое время привлечший к себе царя-богача Креза. Боги

Афин и Спарты сыграли важную роль в религиозной деятельности большей части новой империи. Не следует ли подрубить корень власти, которая, несмотря на победы полководца Гарпага над прибрежными колониями, оставалась, возможно, опасной для Персидской империи?

Известно, что Кир мало интересовался греками, народом меркантильным, как он считал. К тому же многобожие афинян, пышные

проявления их веры несколько удивляли человека, считавшего высшего бога нематериальной силой. И, наконец, Ахеменид не считал народы, захватившие континент, который стали называть Европой, победителями, достойными сравнения с тем, кто, пройдя через горы Ирана и пустыни Азии, создал свою империю. Отправиться на войну с греками для завоевания Европы означало зайти в тупик, а главное — подвергнуть опасности свой народ. И хотя с завоеванием Финикии и Лидии империя стала морской державой, Кир не вынашивал никаких планов в отношении континента, где созревали ростки греческой цивилизации.

Зато Египет был тесно связан с историей региона. И хотя страна эта всегда соблюдала большую стратегическую осторожность, ей было свойственно желание вмешиваться в конфликты между семитскими и арийскими народами. Перед лицом роста персидского влияния египтяне, по-видимому, делали хорошую мину при плохой игре. Фараон Яхмос всячески старался придумать что-нибудь приятное Киру и отослал к его двору несколько египетских царевен. Туда же отправились многочисленные ученые, в том числе астрономы и врачи. Так, Яхмос приставил лучшего глазного лекаря к Киру, зрение которого с годами стало ухудшаться. Наука — новая область знания для персов, они увлеклись ею до того, что наследники Кира не всегда будут разрешать иностранным ученым возвращаться на родину сразу после выполнения поставленной им задачи, так что люди науки, египтяне и другие, неохотно соглашались ехать в Вавилон, Экбатану, Сузы и Пасаргады...

Несмотря на благожелательное отношение египтян к нему, Кир знал, что потребуются завоевать страну фараонов, чтобы завершить созидание всемирной империи и заслужить титул «царя вселенной». И он поручил сыну Камбису начать приготовления к захвату Египта. В отличие от брата своего, Смердиса, наследник императора имел характер бурный и беспорядочный, но был, по-видимому, способен успешно выполнить задачу, поставленную отцом. К тому же, согласно легенде, переданной потомкам греческими и азиатскими историками, юный царевич имел основания желать мстить Египту: когда ему было десять лет, Камбис оказался свидетелем беседы матери с другой персидской царевной, которая расхваливала красоту и ум ее детей. Как писал Геродот, Кассандана жаловалась: «И хотя я — мать таких детей, Кир мною пренебрегает и оказывает внимание женщине, добытой в Египте». А Камбис, старший из детей, якобы сказал: «Мама, когда я буду большой, я переверну Египет вверх тормашками»^[128].

Но Кир полагал, что спешить не следует. Ни фараон, ни греки не угрожали новой империи. В стране — никаких волнений, никаких признаков бунта...

По правде говоря, Кир опасался лишь возможного нашествия с севера, нового нападения ариев, закаленных в суровой школе степей и жаждущих напасть на богатые земли. Как говорит латинская пословица, *mutates mutandis*, «изменяй то, что должно быть изменено». Кир находился примерно в таком же положении, как и после победы над Лидией. Известно, что перед тем, как напасть на Вавилон, Кир отправился на восток, чтобы крепче замкнуть там запоры на рубежах своей империи. В течение пяти лет дойдя с боями до Яксарта (Сырдарьи), к северу от Хорезма и Согдианы, Кир сумел организовать жизнь тамошних народов таким образом, что с тех пор местное население его поддерживало. Должен ли он теперь, прежде чем начать войну против Египта, которая может быть трудной и долгой, вновь пойти на север и восток империи, чтобы утвердиться на тех рубежах? Кир недолго раздумывал. Царь массагетов, чья территория простиралась между Каспийским и Аральским морями, между Яксартом и Оксом (Амударьей), только что умер. Смущало одно — народ там был известен грубостью нравов и коварством. «Говорят, что люди совокупаются на виду у всех, как животные», — пишет Геродот, но добавляет, что это — «великий и храбрый народ»^[129]. В то время, согласно местной традиции, жена царя Томирис взойшла на трон. Полагая, что случай благоприятный, Кир предложил союз новой царице массагетов и даже предложил жениться на ней. Чувя опасность и боясь, что царство ее окончательно попадет в руки монарха, уже владеющего всей округой, Томирис отвергла предложение перса...

И тогда Кир решил идти походом на массагетов. Он пересек Парфию и Гирканию, где Гистасп, его дядя, обладал всей полнотой власти и должен был обеспечить организацию похода. До этого, едва покинув Экбатану, Кир захватил с собой старого царя Креза, бывшего царя Лидии, видимо полагая, что его советы могут быть полезны. Поход на массагетов рисовался в радужных тонах...

Не на совсем чужую землю вступал Ахеменид, далекие предки его прошли через эту страну, прежде чем остановились на Иранском нагорье. Арии, спасаясь от темноты и холода их исконных земель, на какое-то время задержались в этом регионе, словно раздумывая, в каком направлении

двигаться дальше.

Когда Кир еще только родился, в Хорезме и во всем том регионе правил владыка по имени Виштаспа, тезка отца Дария, который как раз сопровождал императора в его походе против царицы массагетов. Виштаспа сумел объединить в федерацию очень независимые и непокорные народности. Благодаря ему примитивные верования ариев послужили объединению всех тех, кто жил к востоку от Иранского нагорья, в том регионе, который Кир пересекал во второй раз, через семнадцать лет после завоевания Лидии.

Основав империю и установив относительный мир в регионе, царь хорезмийский решил превратить свой двор в духовный и культурный центр. Так в его столице оказался Заратуштра. Тот почитал Ахурамазду как духовного бога, чье царство распространяется на всю вселенную, потому и вынужден был покинуть Мидию, где его преследовали маги. Заратуштра развил свое учение в окружении Виштаспы и привлек к себе учеников.

После смерти царя Хорезма учение Заратуштры распространялось в новой империи в направлении, обратном движению пророка, с востока на запад, по следам тех, кто примерно в 1000 году поднялся на Иранское плоскогорье. Наверное, великий царь не знал непосредственно новое учение, распространяемое Заратуштрой... А если бы пророческие слова бывшего приближенного Виштаспы дошли до него, он наверняка включил бы их в свое религиозное мировоззрение.

Не сохранились записи Кира, свидетельствующие о том, что он признал Заратуштру великим жрецом маздеизма, нет и надписей, говорящих о духовной близости Кира к Ахурамазде. И все же великий вопрос, который ставил перед собой персидский царь о своем будущем и о будущем созданной им империи, был по существу метафизическим. Никогда военные операции, политические и административные заботы не мешали ему заниматься религиозной деятельностью, которую он почитал занятием во имя высшей власти. Но даже если и существовали некоторые признания в верности тому или иному богу, Кир никогда не отказывался от первого божества ариев, от своей веры в великого бога, и в этом смысле он приближался к тому, что вдохновляло Заратуштру...

Задолго до вступления в Азию арийских народностей возникла религия, отражающая тесную близость людей с окружающей средой, порою весьма враждебной к людям. Палящее солнце, пелена тумана, часто затягивающая небо, буйные ветры, сметающие все на земле, — все это были стихии, вокруг которых они пытались строить мирозерцание в надежде определить свое поведение, которое им позволило бы подчинить

силы природы.

Вайю, бог ветра и воздуха, мог дуть и во благо, и во зло. В глазах ариев ветер — начало всего, он — тот столп, который связывает небо и землю, «мировое древо». Вайю — «душа-дыхание космоса», ибо мир, созданный богом, подобен зародышу во чреве высшего бога. Что же касается великого бога Митры, бога неба и дневного, и ночного, он господствует над тьмой и светом; звезды — его всеведущие глаза; солнце — его видимая форма. Но Митра не самый могучий из богов, есть божество выше его — Ахурамазда, видом подобный небесному своду; он «вобрал в себя» все стихии мира, он всеведущ, имя его означает «Господин мудрости». Бог неба, «небесный жрец», он — тот, «чей взор далеко видит», звезды — его соглядатаи, а солнце — его око.

Анахита, богиня непорочная, не относится к этой категории богов повелевающих. Ее связывают с водой большой реки (быть может — с Оксом, а много позже — с рекой Кир, протекавшей близ Пасаргад). Однако она гораздо больше, чем просто богиня чистой воды. Да, она изображена как «красивая девушка, сильная и сияющая с высоким поясом и зашнурованным корсажем, чтобы лучше показать ее грудь. Она носит золотые серьги четырехугольной формы и бусы вокруг красивой шеи, на голове — диадема из сотни камней; плащ ее — золотистого цвета, одеяние из блестящего бобрового меха»^[130]. Но Анахита прежде всего — универсальное божество, поскольку как богиня плодородия она ассоциируется с будущим людей и с природой.

В арийской религии природных сил огонь играл главную роль. Своим мимолетным дыханием он защищал тех, кто страдал от холода и от темноты. Церемонии перед алтарем происходили на возвышенных местах под открытым небом. Верный этой традиции предков, Кир повелел возвести башню для огня на гигантской террасе, господствующей над долиной Пасаргад. Но эти священные места не были храмами со статуями божеств, привлекающими толпы верующих. Жертвенник огня был просто сигнал, посланный богам, сигнальный огонь, влияющий на поведение людей.

Ветер, вода, огонь, а надо всем — небо, таковы были опорные пункты религии народа, из которого вышел Кир. Народ, преклонявшийся перед силами природы, проявлял свою покорность перед божествами путем жертвоприношений животных, в частности — лошадей, причем — на лоне природы. Во время взятия Вавилона было организовано торжественное жертвоприношение на глазах у Кира: «Когда открылись ворота дворца, сперва появились великолепные быки, выстроенные по четыре для

принесения в жертву богам, которых выбирали маги. За быками шли лошади, их предназначали в жертву Солнцу; за жертвенными лошадьми ехала посвященная богу колесница, запряженная белыми конями с гривами, украшенными ленточками и с золотой упряжью. Затем — колесница Солнца, запряженная белыми лошадьми, также украшенными лентами; и, наконец, третья колесница, с конями, покрытыми пурпурными попонами, а за колесницей — люди с большой жаровней, где горел огонь»^[131].

Концепция Заратуштры о естественной религии, видимо, была довольно революционной, раз его преследовали и он был вынужден бежать. Нет сомнения, что он выступал против духовенства, против всемогущих магов Мидии, против существующих властей. Он защищал новые идеи, идущие против жреческих нравов, и произносил речи, подрывающие устои общества. Прежде всего Заратуштра был жрецом, проповедником, знающим литургию и заклинания. Но его учение не укладывалось в ошибочные стандарты, которых придерживались остальные жрецы. Он утверждал, что насилие некоторых ложных богов несовместимо с глубокой основой религии. За это он испытал на себе силу ненависти властей и жрецов...

Выгуливающий верблюд

Заратуштра был третьим сыном царицы по имени Дугдава, которая, согласно легенде, воссияла светом, дав ему жизнь. Отец пророка Поурушаспа (имя это переводится как «обладатель коней пятнистой масти») принадлежал к древнему арийскому роду Спитама. Знатное оседлое семейство вело свой род от великого предка Хаекатаспа, что означает «купающий коней». А имя его — Заратуштра — означает «выгуливающий верблюда». Достаточно добавить, что сына его звали Исатвастр («желающий пастбищ»), и вы поймете, в какой среде жило семейство Спитама.

В детстве Заратуштра удивлял окружающих. Говорили, что он появился на свет, смеясь, и каждый день рождения смеялся с утра до вечера. Склонный к экстатическим состояниям, он спрашивал себя: «Почему я попал в это тело и почему именно в него, а не в другое?» Говорили, что мозг его излучал такие сильные волны, что они отталкивали руку, протянутую к его лбу. Заратуштра очень рано стал чувствительным к страданиям животных. Поэтому он стал врагом карапанов, племени северян, устраивавших массовые жертвоприношения и питавшихся одним

мясом; некоторые их жрецы даже говорили, что забивание скота отдаляет смерть.

Чтобы спастись от карапанов, Заратуштра скрылся в заросших лесом горах и там просил своего бога: «Научи меня, о Ахура, законам первоначального мира». Он не любил грубые нравы своих братьев и хотел понять, что такое природа и что главное в отношениях между человеком и его окружением. По правде говоря, его мнение об этом уже сложилось. С самого раннего возраста он отказывался от мясного. Как говорит легенда, «при его рождении и в течение всего детства вода и растения ликовали; при его рождении и в течение всего детства вода и растения все прибывали». Заратуштра гневно осуждал принесение в жертву животных, считая это кровавым насилием и причиной обеднения людей. В противовес ему жрецы Митры проповедовали, что лучший способ добиться расположения к себе божьей благодати и избежать засухи было увеличение числа животных, убиваемых при жертвоприношениях. Заратуштра предавал их за это анафеме: «Осуди, о Ахура, жрецов, совершающих жертвоприношения и обрекающих на мучения животных, чтобы за свои действия и поучения в конце жизни они познали бы безумие зла! Если же они не послушаются, будут уничтожены глухие и слепые, а также те, кто, имея власть, не спасают жизнь».

В конце концов жрецы добились, чтобы нарушитель всеобщей радости был изгнан. В отчаянии Заратуштра спрашивал себя: «Куда мне податься? Где смогу воздать молитву? Родственники и друзья меня покинули. Не желают мне добра ни соседи, ни злые тираны моей страны. Как могу угодить тебе, о Ахурамазда? Я беспомощен, беден и одинок. Слезы мои обращаю к тебе. Взгляни на меня, о Ахура!»

И отправился он на восток, к «арийскому пространству», которое «Авеста», священная книга иранских религий, считает почвой, удобренной для рождения истины. Он укрылся на восточной окраине царства Хорезм, на одном из плоскогорий Памира. В течение ряда лет он проповедовал свою веру, пас стада, стал союзником природы. При этом он знал, что существует другой союз, тот, что должен был соединить его с богом, к которому он обращался, моля о поддержке: «Помоги мне, я хочу прославить тебя, как никто еще не прославлял... Говори мне, как друг говорит другу. Поддержи меня, как друг поддержал бы друга». На самом деле Заратуштра искал поддержку у власти, которая позволила бы ему распространять свое учение в племенах. И он обратился к Виштаспе, царю Хорезма, чья дочь недавно стала его женой. И царь, проникшийся уважением к добродетели и мудрости пророка, а может быть, узнав о

некоторых чудодейственных делах Заратуштры, оказал ему покровительство.

Общество, окружавшее отныне пророка, ни в чем особенно не отличалось от населения Памира. В Хорезмийском царстве не было ни одного города, подобного далекой Экбатане. Ни один город не привлекал к себе избранное общество или власть имущих. Только царский двор был подходящим местом для проповеднической деятельности. Но хотя пророк и признавал влияние, которое мог иметь на своего покровителя и его окружение, он сперва обратился к скотоводам, а они и составляли большинство подданных Виштаспы, и стал учить их, как надо удобрять пастбища.

По-видимому, Заратуштра, просвещая народ, хотел при этом внушить своим будущим последователям необходимость сохранять верность их повелителю. Не желая порвать связь жителей Хорезма с природой, Заратуштра предлагал способ выйти из повиновения силам природы, которые, внешне, господствуют в мире.

Какой художник создал свет и тьму?

В учении Заратуштры главный вопрос: «Что есть первое из вещей в мире добра... что было первой наградой за добродетель и милосердие?» В мире верований силы природы приравнивались к соответствующим различным божествам, и в общем контексте явного противопоставления добра и зла, дня и ночи вопрос Заратуштры говорит о поиске монотеизма. Ностальгия по первоначальному существу, превосходящему остальные божества, явно говорит о стремлении к единому богу. Но Заратуштра идет дальше. Он учит, что не все силы, существующие в природе, должны быть обожествлены, что, наоборот, есть ложные боги, не-боги, противобоги, «дэвы». Истинный бог не может быть материальной силой природы, его сущность — мораль и духовная жизнь.

Сопоставление и соединение Ахурамаэды и Митры (бог царствования и организации) вызывают у пророка гнев и презрение. Он никогда не упоминает о Митре, хотя повсюду ему поклоняются, как великому богу. Ахурамазда устанавливает царство справедливости, а не просто порядок в мире, что в глазах Заратуштры вторично и не относится к моральной силе его бога. Эта истина настолько явна для пророка и вместе с тем, в его понимании, настолько соответствует религиозному вдохновению первых ариев, что «Авеста» не провозглашает никакого морального кодекса, вроде

законов Хаммурапи или закона Моисея. Существование бога мудрости, а следовательно, и справедливости, достаточно, чтобы установился моральный порядок. Нет нужды говорить хорошее или плохое, ссылаясь на Ахурамазду подсказывает, как должны вести себя люди.

Что касается «дэвов», если такие действительно существуют, пророк не может назвать их богами; это — антагонистические силы вселенной, они стремятся отвлечь человека от его истинного призвания: поиска единого бога, в котором собрано все, что нравственно. Ахурамазда превыше всего, что сталкивается в душах людей, на земле и в небесах, он творец всего на свете:

Кто был с момента рождения первым творцом
справедливости?

Кто указал путь Солнцу и звездам?

Кто, если не ты, делает прирост и ущерб Луны?

Кто утвердил Землю внизу и удерживает от падения небо с
тяжелыми

тучами?

Кто расположил по местам воды и растения?

Кто запряг коней, несущих ветер и облака?

Кто, о Мудрейший, создал Благоую Мысль?

Какой художник создал свет и тьму?

Какой художник создал сон и вчерашний день?

Кто создал утро, полдень и вечер,

Чтобы указать разумному его задачу?

Тем не менее Заратуштра не отвергает полностью дуализм, свойственный мышлению ариев. Как можно отрицать противопоставление между жизнью и не-жизнью (не только смерть, но и то, что еще не стало существовать); как не признать противоположность между светом и тьмой, когда день сменяется ночью, истина изгоняет ошибку, а ошибка прикрывает истину; как не заменить стоящих далеко за Ахурамаздой ложных богов, чья материальная сила отлично видна; как не согласиться, наконец, что у добра есть естественная «пара» — зло? Есть ли у этого основополагающего противопоставления двух миров онтологическое выражение? Действительно ли мы присутствуем, как полагали иранцы той эпохи, при борьбе между двумя началами: Ормуэдом (Ахурамаздой) — добром и Ахриманом — злом?

С точки зрения чисто космической, существует принцип примирения

между Ормуэдом и Ахриманом, это бог времени, Зерван. Это божество, которое будет благосклонно признано сторонниками зороастризма лишь много лет после пророчеств Заратуштры, существовало в первоначальном мышлении ариев как сила, породившая доброго бога и злого демона. Но главное предназначение Зервана было руководить движением светил, определяющим совокупность Вселенной. Его примиряющая добродетель очевидна, но она относится только к космосу, что не связано с моральным или духовным миром.

Если превосходство Духа — действительно последнее слово зороастризма, возникает последний вопрос: есть ли что-нибудь, ограничивающее величие Ахурамазды? Является ли Мудрость всего лишь одним из моральных богов, которому постоянно противостоят подземные силы? Как объяснить исключительно моральный и духовный характер Ахурамазды? Заратуштра не заходит так далеко, чтобы считать бога, создавшего добро и зло, достаточно сильным для создания зла в прошлом. Но он идет дальше критических концепций арийских религий, устанавливавших параллелизм между двумя силами вселенной. Заратуштра преклоняется перед богом, который выступает третейским судьей между антагонизмами. Он не сомневается, что они существуют. Не сомневается он и в том, что «дэвы» могут мешать воле Ахурамазды. Однако Мудрость берет верх над своей противоположностью, и в этом — единственная истина.

Самым трудным, разумеется, будет — понять отношения, какие Ахурамазда может иметь с силами, бой которых он судит. Ключ зороастризма, возможно, заключается в незавершенном аспекте божественного совершенства, по образу человеческого. «Я узнал тебя по благожелательности, господин Мудрость!» — восклицает пророк... Учение Заратуштры может быть лишь теоретическим и умозрительным; надо, чтобы мифы и обряды отразили принятие учения его последователями.

Пророк был против кровавых жертвоприношений, против коллективных опьянений священным напитком «хаома», он придерживался одного обряда предков: культа огня. Обновляющее разведение огня во время зимнего солнцестояния, когда дни катастрофически убывают, требует повторения. Кроме того, огонь — сродни сиянию светил, теплу, что скрывается под землей, и блеску молний; он не признает обмана и сравним со справедливостью: «Возлагая на твой огонь почтительнейшее подношение, я буду неотступно думать, Владыка, о справедливости». Огонь символизирует духовную связь между человеком и Ахурамаздой. «Тот, кто первым мысленно заполнил светом благословенные

пространства... Мыслью своею, о Мудрейший, я признал тебя первым и последним».

Но, добавляет пророк, человечество претерпит испытание огнем. Добрые возродятся, а злые погибнут навеки. Люди преобразятся после ужасной битвы между силами света и силами тьмы. В конце концов Ахурамазда явится как великий бог, защитник добрых людей и всех животных. Свободные в своем выборе, люди смогут спастись вопреки силам тьмы.

Согласно Заратуштре, мировоззрение подразумевает также видение такого политического порядка, который может обеспечить всем счастье и спокойствие, а главное — безопасность праведникам. То есть важно, чтобы наступило «царствование добра». «Надо выбрать доброе царствование; оно обеспечит самую счастливую судьбу тому, кто упорно трудится; благодаря справедливости этот человек своими действиями, о Мудрейший, достигнет высшего блага».

Тогда это царство опустит барьеры между людьми и будет способствовать распространению слова пророка на благо всем. А он вечно хранит ключи политического мира, позволяющие правильно организовать общество. «А потому, Владыка, укажи мне царство, которое от самого своего начала подчиняется тебе и справедливости, а также тебе, Благоговение»^[132]. По мнению Заратуштры, Виштаспа, сумевший открыть свое царство для учения пророка, — образцовый по справедливости царь. Он и сам вдохновился. Царство приходит от Ахуры.

Верность Заратуштры одному-единственному богу, примат, в его глазах, духовного над силами космическими, поиск хорошего монарха, приравненного к самому богу, движущий постоянно пророком, его эсхатологический оптимизм, отвержение кровавых жертвоприношений, любовь к животному миру, его взгляд на общественную и политическую организацию, находящуюся в руках Мудрого Властелина, — все это делает сына племени Спитама не реформатором древней веры в Ахурамазду, но основателем новой веры. Очищенная, эта вера отражает древнюю интуицию первых ариев, впервые добавляя в нее основополагающий принцип: примат Духа.

Происхождение власти

Кир, втянувшись в войну, не имеющую большого стратегического значения, против Томирис, царицы массагетов, раскинул свой лагерь на

берегу Окса (Амударьи), в самом центре «арийского пространства». Это возвращение на восток имеет не только политическое значение. Конечно, Кир не допускает, чтобы его авторитет принижался на восточной окраине империи. Но главное то, что в этих необозримых степях, на берегах могучих рек, Кир чувствует себя в колыбели собственных своих верований. Если Пасаргады были местом его взлета, «арийское пространство» — первая его земля, откуда пошли его корни, где сохранились ростки жизни персов.

После стольких приключений, побед и славы Кир может оценить пройденный путь по дороге к истине. С тех пор как он принял царство, став после своего отца Камбиса царем Аншана, Кир сохраняет унаследованный титул. Он связан кровью со своими предками. Впрочем, эта патриархальная инвеститура не освобождает его от заботы о всенародном признании.

Но по отношению к богам царствование имело и другое значение: всю свою молодость, когда он скакал по долинам Пасаргад и лазил по горам Парсы, а также первое время после восшествия на престол, у Кира было полное убеждение в своем подчинении природе. В силу этого верования, как все персы, он был убежден, что главное — верность и порядочность. Если великий бог Ахурамазда виделся персам в каждом проявлении природы и приписывал царю способность «вскрывать» истину, Анахита (богиня воды и плодородия) связывала персидских царей с глубинными силами творения, с самими основами существования. Кроме того, поскольку богиня эта была наделена воинской доблестью, цари были уверены в победе над возможными узурпаторами и всеми прочими врагами. Под таким вот тройным предзнаменованием — царского происхождения, освящения своих избирателей и помазания естественным божеством — Кир и ринулся на завоевание мира, убежденный, как его предки, что истина, которой он владел, не может быть опровергнута осуществлением власти, расширенной хоть до вселенских размеров.

Завоевав Экбатану и сохранив на местах всех магов этого царства, Кир познал бога Митру. «Второе я» Ахурамазды или, во всяком случае, считаемый таковым жрецами, Митра господствовал над другими богами пантеона мидян. Сферой влияния Митры были свет и звезды, он был властелином людских судеб, а следовательно, и судьбы царя. Митра был ближе к законодательству, администрированию, военному делу, чем два других божества, с которыми его сравнивали, это был бог общественного порядка. Мидяне предпочитали обращаться к нему, что явно соответствовало их вкусу к организованности и соответствовало их желанию привязать к себе племена арийского происхождения, бродившие

вокруг Экбатаны.

Кир обратился к культу Митры. Он организовал жертвоприношения в честь этого бога, который вообще-то не был для него чужим и входил в число богов первоначальных иранских верований. Можно ли сказать, что с этих пор он испытывал новое влияние, незаметно уводящее от религии природы, к которой он был так привязан. Может быть, новый культ бога, более консервативного и ориентированного на установившийся порядок, менял понимание царствования, которое вдохновляло его предков, начиная с Ахемена?

Во всяком случае, Кир ничем не выдал перемен в своем мировоззрении. Первые проявления его религиозной политики ясны: зачем трогать верования народов, принявших его власть, если сама их вера отлично уживается с новым порядком, дань выплачивается и армия получает пополнение? Наоборот, жертвоприношения богам, которые в почете в завоеванной стране, способствуют становлению нового политического порядка и оправдывают признание власти всеми. И маги, и народ не испытывают чувства, что они были покорены, напротив, им кажется, что они приобщили победителя к их вере. Подобная иллюзия, конечно, толкала Кира на продолжение этой политики, на вид либеральной, но, по сути, основанной на необходимости поддерживать мир в завоеванных странах.

Объединение Мидии в составе империи Кира с персами, хоть и выглядело эффектным зрелищем, не вызвало глубокого потрясения в регионе. Ведь и мидийцы, и персы вышли из одного народа, и изменение строя походило на простую смену династии. Захват Лидии, капитуляция Креза, захватническая война на побережье Средиземного моря против греческих колоний вытекали из другой логики. Чуждые народы должны были подчиняться, неизвестные ранее религии и культуры надо было ассимилировать.

В частности, в отношении греков Кир соблюдал большую осторожность. Разве боги Афин, Спарты и особенно Дельфы не стремились к поражению персов? Будущий великий царь попытался сделать жест примирения: он приказал Гарпагу, руководившему операциями по умиротворению в Лидии, восстановить в Магнесии, на берегу Меандра, храм в честь Аполлона, затем освободил от всяких налогов жрецов этого храма. Эта привилегия тем замечательна, что через несколько лет, когда строительство империи было окончательно завершено, от Египта до берегов Инда знали только два храма, освобожденных Киром от уплаты налогов: храм иудеев в Иерусалиме и алтарь Аполлона в Магнесии. Но этот

жест вовсе не означал, что Кир собирался почитать греческого бога, он просто свидетельствовал о политической воле к примирению.

И когда Кир готовился завоевать Вавилонию, он постоянно оказывал уважение различным богам, которых встречал на своем пути.

Но, вступив в древнюю страну Шумера и Аккада, Кир сбросил пелену, которая до тех пор скрывала от него саму сущность царствования. Тут же перс провозгласил себя великим царем и взял бога Мардука «за руку». Он тут же поручил совместное царствование сыну Камбису, воспринял вавилонские формы культуры, нравов, образа мыслей. А особенно он освоил новое мировоззрение и новую концепцию собственной власти над «всем миром».

Изменилась ли вера, которая двигала им до тех пор? Похоже, что Мардук мало чем отличался от Митры. И тот и другой были верховными божествами, объединяющими все космические силы, и обеспечивали монархам небесную легитимность. Однако между двумя великими богами существовала разница, подобная той, что разделяла Мидию и ассиرو-вавилонский мир, небольшое царство осевших кочевников в рамках империи с тысячелетней историей. А главное, Киром постепенно овладевала идея, что его власть как царя более не связана ни с патриархальным родством, ни с одобрением избравших его людей, ни с природными божествами, конечно, благожелательными, но ограниченными определенным горизонтом. В Вавилоне Кир был определен как орудие единой воли для создания всемирной монархии. А тот факт, что люди, сосланные из Иудеи, видели в нем посланца Божия, освободителя народов во имя божественного предначертания, возможно, внушал персидскому царю, что назначение его шло дальше, чем построение империи.

За несколько лет Кир перешел от харизматической концепции царства к более динамическому его пониманию, а то и к видению великой монархии по Промыслу Божию. Тем не менее Кир, должно быть, чувствовал себя движимым древней силой, в которую верили его предки и которая называлась «фарнах», то есть та харизма, которая дает силу и мощь царям. На ней-то и зиждется моральный долг, обязывающий царей вершить правосудие и применять власть.

Оказавшись в стране массагетов, вооруженный высоким пониманием роли царя, с душой, открытой всемирной религии, Кир познал учение пророка Заратуштры, который именно там, на востоке великой империи, за несколько лет до него выработал идею примата духа и мудрости под эгидой единого божества. То же понимание справедливости и истины, то же понимание империи, то же понимание морального и духовного божества...

Конечно, Кир, основываясь на принципах, которые вдохновляли Заратуштру, освободил народы, чего пророк не мог предвидеть. Однако идея справедливости, проповедуемая Заратустрой, явно нашла свое политическое продолжение в деятельности великого царя. Конечно, для достижения немедленного результата Киру приходилось порой отделять политику от религии. Но от ассиро-вавилонян он узнал, что великий царь всегда убежден: власть ниспослана ему сверхъестественной силой. По Заратуштре, великую битву между светом и мраком, между силами добра и силами зла судит сам человек, человек, наделенный доброй волей и мудростью. Политическая и религиозная деятельность Кира была близка такому мирозерцанию, не так ли? Разве гуманизм великого монарха не соответствует этому основополагающему учению пророка?

От Анахиты — к Митре, от Митры — к Мардуку, признав обязательное господство Ахурамазды, Ахеменид открыл путь к монотеизму.

Царица массагетов

На берегах Окса уже работали строители мостов. Персидская армия вот-вот должна была переправиться через реку и захватить страну массагетов. Несколько понтонов были уже готовы, и никто не сомневался, что, подобно многим правителям, гордая царица Томирис скоро будет побеждена этими всадниками и пехотинцами, покорившими мир.

А она, отказавшись выйти замуж за Кира и видя неминуемое нашествие, послала великому царю гонца с посланием, содержание которого донес до нас Геродот: «Кончай свою затею, ты ведь не знаешь, чем она для тебя обернется. Кончай, командуй своими подданными, а нам дай править теми, кем мы командуем. Но ведь ты не захочешь прислушаться к моим советам и ни за что не согласишься оставить нас в покое. Так что, если уж тебе так хочется помериться силой с массагетами, заканчивай работу над понтонами и переправляйся в нашу страну, дав нам три дня, чтобы удалиться от реки. Или же, если предпочитаешь принять нас в своей стране, сделай сам, что я сказала».

Первая реакция Кира и его соратников была согласиться с предложением царицы массагетов и завлечь армию противника на свою территорию. Персы готовы были отправить ответ в этом смысле, когда Крез высказал противоположное мнение и сказал Киру: «Вот чем ты рискуешь, если мы согласимся принять противника на нашей территории. В случае

поражения ты проиграешь не только битву, но и всю империю, так как ясно, что массагеты, обрадованные победой, не отступят, а станут наступать на твои провинции. Если победишь, то победа будет полной только в случае, если, перебравшись на территорию противника, ты, победитель массагетов, будешь преследовать их по пятам, ибо в этом случае я переверну то, что говорил только что: победив армию, ты будешь преследовать ее вплоть до середины империи Томирис. Независимо от этих соображений, было бы стыдно и недопустимо, если бы Кир, сын Камбиса, отступил перед женщиной и оставил бы ей территорию. Так что теперь мое мнение: переправиться через реку и преследовать отступающих массагетов»^[133].

Кир, редко менявший мнение, согласился с мудрыми словами бывшего царя Лидии. Итак, царице Томирис предложили отступить, чтобы битва произошла в чистом поле. И армия персов переправилась через Оке без боя.

В первую ночь, проведенную Киром в стране массагетов, ему приснилось тревожное сновидение. Он видел во сне сына Гистаспа, юного Дария, с крыльями за плечами, причем одно крыло покрывало Азию, а другое — Европу. Из этого Кир сделал вывод, что принц замышлял заговор против него, и приказал Гистаспу вернуться в Персию и держать Дария в своем распоряжении. Прежде чем покинуть лагерь, отец юноши, якобы плетущего заговор против великого царя, торжественно заявил: «О царь! Пусть никто из персов не пожелает устраивать заговор против тебя, а если такой найдется, пусть погибнет он немедленно; ибо ты сделал персов свободными, тогда как до этого они были рабами, и благодаря тебе они командуют всеми, а не гнут спину перед чужаками. Если сновидение говорит тебе, что сын мой замышляет недоброе против тебя, я выдам его тебе, чтобы ты сделал с ним все, что пожелаешь»^[134].

И Кир вернулся к делам, более близким: к войне с массагетами. После трехдневной погони по враждебной стране, опять же по совету Креза, он решил поймать в ловушку Томирис. Он велел приготовить большой пир и много вина для горстки своих солдат, которых оставил на месте, а сам и большая часть армии отступили на большое расстояние.

Массагеты попались в ловушку: они убили несколько персов, оставленных там, и всю ночь пили и ели, полагая, что под командованием Спаргаписа, сына царицы Томирис, одержали окончательную победу над Киром. Но через несколько часов, на рассвете, армия великого царя вернулась, перебила массагетов и взяла в плен их незадачливого

командующего.

Царица Томирис, взбешенная поражением, а главное, пленением сына, тем не менее предложила Киру с почетом удалиться из страны. Но не смогла удержаться, чтобы не указать на роль вина в его победе, добавив, что Кир не раз прибегал к этому приему в войне с вражескими армиями. Сам он, не пьющий ничего, кроме воды, стал мишенью презрения гордой царицы, ведь ею двигал тот же дух, что вдохновлял когда-то юного царя Аншана: «Кровожадный Кир, не гордись тем, что произошло, ибо сына моего ты победил не в честном бою, а отравой, какой вы напиваетесь до того, что из уст ваших вылетают мерзкие слова. Дам тебе совет и прислушайся к нему: верни мне сына и уходи из этой страны, тебя не тронут, хотя ты нанес ущерб, уничтожив треть армии массагетов»^[135].

Кир не придавал значения словам царицы. Он готовился дать битву. К тому времени Спаргапис, проспавшись и поняв, в каком положении он оказался, стал умолять великого царя отпустить его. Добрый по природе, Кир согласился. Едва освободившись от пут, сын царицы наложил на себя руки, что очень огорчило Кира и вызвало великий гнев Томирис...

И разгорелась битва, невиданная по масштабам. По словам Геродота, никогда в античной истории не было такого кровавого сражения «между варварами». Обе армии сперва держались на расстоянии, а тучи стрел летели с обеих сторон. Когда кончились стрелы, началась такая яростная рукопашная схватка, какой никто не знал до тех пор, словно противники сознавали, что от исхода боя зависела судьба мира...

Маятник победы раскачивался то в одну, то в другую сторону. Все с новой и новой силой противники то наступали, то отступали. Но вот настал момент истины. В рядах персов наступательный пыл ослаб. И сам Кир, казалось, отяжелел и словно устал больше, чем когда-либо...

А массагеты Томирис, вдохновленные надеждой победить властелина мира, удвоили ярость в стремлении защитить независимость своей родной земли и спасти честь своей царицы, оскорбленной Киром, и отомстить за смерть своего царевича и товарищей, погибших без боя, из-за хитрости и дьявольской силы вина.

Персы и их союзники стали отступать. Последние атаки были все ожесточеннее. Мало кто еще держался на ногах. И вдруг наступила тишина. Бой прекратился. Персы были побеждены.

Вечером Камбис отправился на поиски тела отца. С ним было лишь несколько воинов из царской охраны.

Массагеты же праздновали победу, а Томирис грозила, что, если найдет труп Кира, «утопит его в крови».

В ночной темноте человек десять из тех, кто когда-то завоевал мир, во главе с Камбисом переправились через бурный Оке. Эти люди, не знавшие поражения, уносили с собой останки великого царя, царя стран, того, кто открыл истину власти, кто понял, что хозяева судеб людских подчиняются не только своим желаниям или доброй воле, что они обязаны освобождать народы, и если царь поставлен над людьми, то это для успокоения тревог перед лицом неизвестности, для обеспечения людям благополучия и свободы.

То, что Кир принял смерть на поле боя, что остался он в тот страшный момент без друзей, окруженный врагами, было в порядке вещей... Поражение — дело второстепенное. Жизнь империи продолжалась.

Эпилог

НЕВОЗМОЖНОЕ НАРУШЕНИЕ

Далеко-далеко на востоке еще виднелись остатки персидской армии. Небольшой отряд под командованием Дария III, последнего из Ахеменидов, пытался выйти на необозримые пустыни арийского пространства, откуда семью веками ранее началось победное шествие его народа.

Триумф Александра Македонского был отныне неизбежным. Под руководством великого воина Персидская держава разваливалась, и план примирения Востока и Запада, вдохновлявший Александра с момента выхода его из Европы, приближался к своему воплощению. Через двести пятьдесят восемь лет после пророчества Заратуштры и через двести лет после смерти Кира великий грек повернул ход истории и положил конец персидской экспансии.

Воины потомка царей Аншана, поняв бесполезность борьбы, вдруг остановились в тучах пыли, поднятой отступающей конницей. Была еще надежда, что пока их царь жив, власть его, несмотря на поражение, может быть сохранена. Люди же из окружения Дария III ничего не ждали от далекого наследника Кира и не составляли когорту его верных сторонников. Кузен царя посмел заявить, что Дарий должен отречься от трона в его пользу, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. Он едва избежал гнева царя и сделал вид, что бежал. На самом деле с помощью своих сообщников, Набарзана, мидийского царевича, и Барсента, правившего Арахосией и Дрангианой, Бесс захватил самого Дария. Беспомощный, закованный в цепи, царь видел со своей колесницы, как его армия в панике разбегалась.

Узнав о содеянном, Александр срочно стал готовиться к нападению на разьединенных персов. Неравный бой был неминуем. Напуганные Бесс, Набарзан и Барсент сперва подумали начать переговоры и сдать царственного заложника в обмен на свою свободу. В конце концов, сомневаясь, что Александр согласится на этот торг, они набросились на Дария и смертельно ранили его. А сами бежали.

Прибыв на место, Александр понял всю трагедию случившегося. Верный своей идее примирения, он снял с себя пурпурный плащ и накрыл

им еще агонизирующего противника. Этим жестом полководец, уже покоривший Лидию, Вавилонию и Мидию, показал своим воинам и персам, что перед тем, как пробиться в центр Азии, в час, когда последний из Ахеменидов угасал, он намерен был открыть новую эру, основанную на уважении к побежденным.

...Прошло несколько часов после того, как Камбис нашел на поле боя у реки Оке останки Кира, и сын великого царя направился в Пасаргады. Он был уверен, что неудача в бою с массагетами не будет иметь последствий для империи в целом и что, будучи утвержденным наследником и соуправителем царства, он будет коронован и сможет продолжить завоевание мира, начатое отцом. Но повсюду, особенно на востоке Персии, начались волнения. Смерть Кира и его поражение в стычке с восточным соседом привели в смущение народы, до того с энтузиазмом соглашавшиеся с властью царя. Не придавая большого значения этим движениям, новый хозяин Персии предпочел начать победоносную войну. Разве не ему поручил отец подготовить поход на Египет, который только и позволит, как он полагал, обеспечить прочность державы? И потом, разве не обещал он матери своей, Кассандане, что перевернет страну фараонов «вверх тормашками»?

После взятия Киром города Сарды египтяне, опасавшиеся растущей мощи персов, заключили союзнический договор о взаимопомощи с царем острова Самос, Поликратом. Но как только персы появились возле Газы, греки изменили египтянам и отказались вмешиваться. Тем временем фараон Яхмос умер, а сын его и наследник Псамметих III, несмотря ни на что, начал организовывать сопротивление. Но напрасно: Камбис опрокинул вражеские армии, занял Мемфис, захватил Псамметиха и сослал его в Сузы...

Однако на востоке империи продолжались беспорядки. Сатрапа восточных провинций, Смердиса, второго сына Кира, не кто иной, как его брат, обвинил в том, что тот потакает бунтовщикам. Опасаясь, что мягкотелость Смердиса, напоминающая великодушие Кира, угрожает его власти, царь повелел тайно убить его. И спокойствие было восстановлено.

В Египте Камбис сперва применял политику Кира: воздавал почести египетским божествам, текущие дела поручил высокопоставленному чиновнику, провозгласил указы о реформе, облегчающей жизнь египетского народа. Затем, желая продолжать дело великого царя, он решил завоевать Карфаген, господствующий над Западным Средиземноморьем, и Киренаику. Операции на западе успеха не имели, но греки этого региона покорились Камбису... После этого новый царь пошел походом на

Эфиопию. Кампания закончилась провалом. Камбис не только не достиг своей цели, но и потерял большую часть своих войск... Из Персии стали поступать тревожные вести: против него плетется заговор. Некий маг по имени Гаумата, очень похожий на покойного брата царя, выдавал себя за Смердиса с целью захвата власти.

Вернувшись в Мемфис, Камбис отказался от религиозной политики Кира, которую он когда-то сам с увлечением поддерживал. Он стал высмеивать египетскую религию, разрушил большую часть храмов и, в припадке гнева, убил кинжалом Аписа, священного быка египтян. Но, вероятно, в память о симпатии отца к евреям пощадил храм, построенный ими по образцу храма в Иерусалиме — на острове, посередине Нила... Возвращаясь на родину кратчайшим путем, через пустыню, сын Кира во время очередного припадка ярости нечаянно поранил себя и умер, так и не реализовав свою мечту о мировом господстве.

Персидская империя в то время простиралась на запад до границ Карфагена, включая весь Египет.

После смерти Камбиса, несмотря на интриги Гауматы, персы остались верны Ахеменидам. Поскольку царь умер, не оставив детей, они короновали Дария, царевича из боковой ветви, двадцати девяти лет, того самого, которого Кир видел во сне в роли заговорщика против него. Дарий I прошел божественное испытание: его конь первым заржал при восходе солнца. Придя к власти, Дарий тотчас приказал казнить самозванца Гаумату. Царство Ахеменидов продолжалось...

Однако мятежи в империи не прекращались. Сатрапы считали себя свободными от клятв на верность, принесенных ими Киру и Камбису. Не везде признали законность нового царя, и некоторые открыто называли его узурпатором. В Эламе такое движение было быстро подавлено. В Вавилоне дело обстояло иначе. Там нашелся интриган, объявивший себя потомком Набонида, и его короновали под именем Навуходоносора III. В конце концов Дарий перешел Евфрат и казнил самозванца. Но в Мидии и в Армении сыскался заговорщик по имени Фраорт, призвавший к восстанию. Новому царю пришлось выступить на север, чтобы покончить с узурпатором и его сторонниками. На востоке отец царя Гистасп, сатрап Парфии и Гиркании, сражался с бунтовщиком, тоже объявившим себя Смердисом. Едва спокойствие на востоке восстановилось, как в Вавилонии опять вспыхнул бунт. Некий Навуходоносор IV объявил себя царем Халдеи!

Так Дарий провел первые два года своего царствования в попытках залатать появляющиеся многочисленные бреши. В конце концов, проявив

твердость, он сумел умиротворить свое царство. Чтобы отметить победу, он повелел высечь на скале по дороге из Экбатаны в Парсу, на высоте в сорок метров барельеф с изображением великого бога Ахурамазды, защищающего властителя, одетого в доспехи и попирающего ногою лже-Смердиса. Вокруг барельефа видна надпись на староперсидском, вавилонском и эламском языках, напоминающая о царском происхождении Дария...

Общее брожение, с которым покончил Дарий, коснулось также Иудеи. Едва вернувшись из Вавилонии, иудейская элита, повинувшись божественным предписаниям и указам Кира, энергично способствовала восстановлению храма в Иерусалиме. Однако сама мысль о том, что Персидская держава может рухнуть из-за мятежей, пробудила среди евреев старую идею о независимости, о чем они мало думали прежде из-за глубокого их уважения к Киру. Кое-кто из них стал поговаривать, что Зоровавель, из рода Давидова, должен быть провозглашен царем Иерусалима. Этот поворот в политике объясняется также некоторым ослаблением веры в пророчества. Пока евреи жили в Вавилонии, пророкам было легко говорить в будущем времени. Теперь, когда они свободно восстанавливали храм, евреям явно не нужны были больше пророчества. Постепенно пророки становились священниками.

И сам Ездра, прибывший в Иерусалим позже других, больше восстанавливал в памяти прошлое, чем пророчествовал о будущем. Он собрал разрозненные части из книг Моисея, сличал рассказы о войнах царей Израиля и открыто призывал к новому провозглашению истинной Торы, учебника жизни евреев. Как священник и законодатель он осудил практику браков между евреями и чужеземцами и соблюдал очень сдержанную позицию по отношению к новообращенным, подтверждая отказ принимать самаритян в общество Израиля. Вновь, как тысячу лет назад, народ принял Закон...

Могли ли иудеи придумать лучшее завершение для построения храма, чем провозглашение нового царя Израиля в лице Зоровавеля?

В 520 году, когда храм еще не был завершен, некто Таттенай, сатрап провинции, находящейся на севере от Евфрата, видимо, по наущению соседей, враждебно относящихся к иудейскому возвращению, прибыл в Иерусалим и спросил, кто разрешил евреям строить здание, посвященное их богу. Репатрианты напомнили, что храм был построен много веков тому назад великим царем Израиля, а затем был разрушен царем Вавилона, сославшим в Халдею еврейский народ. Они утверждали, что храм восстанавливался по приказу персидского Кира и что они лишь выполняли

его волю.

Таттенай не поверил им и написал в столицу, спрашивая, слышали ли там о таком декрете Кира и следует ли его подтверждать. В Экбатане нашли следы пресловутого указа основателя Персидской империи, и Таттенай позволил продолжать работы.

Документ, обнаруженный во времена Дария, несколько отличался от указа Кира. Там было написано следующее: «В первый год царя Кира, царь Кир дал повеление о доме Божиим в Иерусалиме: пусть строится дом на том месте, где приносят жертвы, и пусть будут положены прочные основания для него; вышина его в шестьдесят локтей, ширина его в шестьдесят локтей; рядов из камней больших три, и ряд из дерева один; издержки же пусть выдаются из царского дома. Да и сосуды дома Божия, золотые и серебряные, которые Навуходоносор вынес из храма Иерусалимского и отнес в Вавилон, пусть возвратятся и пойдут в храм Иерусалимский, каждый на место свое, и помещены будут в доме Божиим»^[136].

Как объяснить разницу между этими двумя текстами? Кир сперва произнес имя бога Израиля, тогда как это признание отсутствует в декрете, найденном в Экбатане. Так что существует некоторое расхождение между речью, допускавшей суверенитет бога евреев, и письменным приказом, где опущена эта преданность богу. К тому же декрет, найденный десятью годами позже, содержал указание о размерах реконструируемого храма, тогда как в речи не говорилось об этом.

Дарий поспешил восстановить порядок. Не силой, поскольку евреи не думали о вооруженном восстании, а лишь подтвердив знаменитый указ Кира. Так, евреям было повторено главное задание: вновь отстроить Иерусалим. В 515 году был освящен храм, который через полтысячелетия посетит некто Иисус из Назарета и который разрушит римлянин Тит в 70 году нашей эры...

У Дария развязаны руки, чтобы продолжить дело Кира... Но применима ли еще либеральная политика по отношению к инородцам, начатая объединителем Востока? Восстания по всей империи доказали, что речь уже не может идти о предоставлении губернаторам полной свободы действий, как во времена Кира. Одного имени Дария уже недостаточно, чтобы объединить народы. Создать централизованное государство, продолжать далекие победоносные походы, чтобы положить конец малейшим попыткам сопротивления персам, — таков новый политический план Дария. Заботясь о порядке внутри страны, он навязывает правителям сатрапий присутствие военачальника, подчиненного непосредственно ему.

Назначает также высокопоставленного чиновника, отвечающего за сбор налогов, и увеличивает количество генеральных инспекторов, которые постоянно разъезжают по территории империи.

Экономические успехи облегчаются улучшением дорог. Если караваны, двигаясь из Сардов в Сузы по царской дороге, проходят расстояние в две тысячи шестьсот восемьдесят три километра за девяносто дней, царские курьеры покрывают это же расстояние за одну неделю. Таким же образом обстоит дело и со связью от египетской границы до крайнего востока Персидской державы.

Победы Дария увеличили площадь империи. На востоке, на северо-востоке и на западе она достигла крайних пределов мира той эпохи. Но Ахеменид вынашивает великий замысел, касающийся Европы... Новый император решил отрезать Грецию от источников ее снабжения зерном и деловой древесиной, необходимой для строительства и обновления военного флота. Он собирается пройти по необозримым равнинам нынешнего юга России, Черноморского побережья и Греции. Для осуществления этой операции Дарий собирает армию в семьсот тысяч человек и направляет ее на баржах через проливы. Персы занимают Восточную Фракию и шагают к устью Дуная, а в открытом море движется их бесчисленный флот. Увы, нападения скифов заставляют Дария отступить. При этом он теряет восемьдесят тысяч бойцов, но зато Фракия входит в состав империи. Результат достигнут: Персия сделала шаг в Европу. Бунт ионийских греков быстро подавляется, тогда как в самой Греции Афины и Спарта продолжают вести междоусобные войны, а молодая партия демократов конфликтует с аристократами.

Дарий предпринимает второе наступление, и флот из шестисот судов появляется в виду горы Афон. Ахеменид надеялся, что этой простой демонстрации сил будет достаточно, чтобы поддержать партию демократов, более склонную к союзу с персами, и она придет к власти. Но поднялся невиданный шторм, и двадцать тысяч воинов и половина флота оказались на дне моря.

Нужна будет третья кампания... Сам Дарий в окружении своей личной гвардии, состоящей из «бессмертных», высаживается близ Марафона. Афиняне, возмущенные тем, что персидский командующий разрушил их храмы, решили, не ожидая подкрепления спартанцев, напасть на войска Дария. Греки одержали победу. В то же время в Египте вспыхнуло восстание. Дарий срочно возвращается в Азию.

Победа у Марафона способствовала укреплению единства греков. Однако мощь персов не была поколеблена... На пороге смерти Дарий

сможет с гордостью сказать, что он был продолжателем Кира: он завоевал новые территории как на востоке, так и на западе, в Европе; дал империи небывалую административную организацию и даже сделал то, чего не сделал Кир: провозгласил юридический кодекс наподобие законов Хаммурапи. Вот надпись на могиле Дария:

Велик бог Ахурамазда, который создал воды,
и который создал эту землю, и людей создал,
который для человека благополучие создал,
который Дария царем сделал, единственным царем
из множества царей,
который командует множеством...
Я — Дарий, царь великий, царь царей,
царь стран многоплеменных;
царь этой великой и обширной земли,
сын Гистаспа, Ахеменид,
перс и сын перса.
Говорит Дарий царь...
Зло содеянное я обратил во благо,
народы, друг друга убивавшие...
благодаря Ахурамазде
больше не сражались,
каждому я определил его место,
и они соблюдают мои решения,
дабы сильный не бил
и не грабил бедного...
Говорит Дарий царь:
Бог Ахурамазда и другие боги
да хранят меня и мой дом.

Сын Дария Ксеркс легко поддавался влияниям, он был буквально зачарован примером отца. Подавив египетское восстание, он сравнял с землей стены Вавилона, где также был бунт, но с греками, живущими в Европе, уже не ссорился. Воинственно настроенная часть общества в конце концов толкнула его на продолжение дела Дария: завоевать Европу.

Колоссальная армия, состоящая из представителей сорока шести народов, под командованием двадцати девяти персидских военачальников двинулась на Грецию. Финикийцы, союзники Ксеркса, построили мост из барж, что позволило персам переправиться через проливы за семь дней.

Фессалия и Македония не оказали сопротивления, греки севера страны покоряются. Но Афины и Спарта, на этот раз союзники, решают обороняться и поджидают противника у горного прохода Фермопилы. Тем временем буря на море разбросала персидский флот. Воспользовавшись изменой в лагере греков, войска Ксеркса опрокидывают эллинов и одерживают победу. Персы входят в Афины, огню преданы святилища на акрополе, как и другие храмы и жилые дома...

У греков остается надежда победить на море. Их флот сосредоточивается в Саламинском проливе. Там, на берегу, взобравшись на возвышение и восседая на походном троне, Ксеркс стал свидетелем победы греков и полного разгрома морских сил персов. Великий царь потерял треть своих войск.

И на этот раз поражение персов не имеет решающего значения. Вся Греция оккупирована армией персов, сопротивляющихся почти нет... Но Ксеркс, под впечатлением поражения в Саламинском проливе, возвращается в Азию. Он предлагает грекам мир, но получает отказ и возобновляет наступление. Терпит поражение при Платеях, его флот разбит в Микале, близ Самоса. Разгром. Европа окончательно отбрасывает азиатов за Геллеспонт...

Переправляясь через Дарданеллы, отделяющие молодую Европу от тысячелетней Азии, Дарий не просто совершил победоносный акт, он опрокинул мировой порядок, чего никто до этого не делал. Перебросив мост между двумя континентами, Ахеменид вышел из своего пространства в чужое. Кир погиб, переправляясь через Оке, чтобы напасть на массагетов. Когда Ксеркс попытался соединить берега Геллеспонта, он был окончательно побежден. «Это нарушение в пространстве является также нарушением божественного пространства и агрессией по отношению к богам».

Фемистокл, возглавлявший партию демократов и советовавший афинянам направить всю свою энергию на строительство флота и построивший порт в Пирее, торжественно заявил на следующий день после победы в Саламинском проливе: «Ревнивые боги и герои не захотели, чтобы один человек правил и Азией, и Европой».

Из деяний Ахеменидов, сменивших Ксеркса, — Артаксеркса I, Дария II, Артаксеркса II, Артаксеркса III и, наконец, Дария III, — история сохранила одни и те же уроки: подавлять бунты, расширять границы, освобождать народы, править государством, развивать экономику, приносить богам дары, а величайшему из них, Ахурамазде, должное поклонение и, наконец, главное — уважать в лице царя представителя

высшей власти, сниспосланного на землю, чтобы дать людям свет своей мудрости. Всем хотелось прослыть потомком или наследником Кира, но никому не удалось осуществить полностью старую мечту о свободе для всех народов, вдохновлявшую первого великого царя...

*

Когда Александр Македонский предпринял свой безумно сложный поход, приведший его к воротам Китая, он хотел примирить людей Европы и Азии. Но едва ступив на азиатский континент, он уже не принадлежал истории только Греции, а стал еще и важнейшим звеном истории персов. Оказавшись втянутым в игру царей Востока, он стал их учеником, ставленником, орудием. Но был ли он ясновидцем?..

Покидая свою страну в возрасте двадцати лет, Александр видел себя в роли полководца, призванного покорить Восток. Никто из его соратников и тех сторонних людей, кто поддержал его кампанию, не сомневались, что вдохновляла его в этой аванюре военная задача, что больше всего он хотел отдалить от своей родины опасность персидской экспансии и что целью его было покончить с главным источником опасности — варварами, угрожавшими молодой греческой цивилизации.

Однако едва Александр переправился через проливы, новые политические реалии стали смутно подсказывать ему, что его предвидениям не суждено осуществиться. Через несколько месяцев после первых переходов по азиатской земле сын царя Филиппа понял, что он не будет царем по образцу тиранов, правивших в Греции. Он станет монархом, но по образцу владык Востока, в обстановке пышности и загадочности.

Чтобы убедить тысячу и один народ, над которыми он рассчитывал установить владычество, ему придется прилаживаться к местным привычкам, одеваться в нарядные одеяния царей Востока и подстраивать свое поведение к этикету ассиро-вавилонских монархов. Незаметно, потихоньку душа македонянина поддалась идее, чуждой народам Европы, а именно что только сверхчеловеческая сила может дать царскую власть. Александр открывал для себя, что царь получает власть от неба; ни сила оружия, ни мудрость, ни ум не позволят ему завоевать странную землю, по которой он ехал, где нет царствования, помимо божественной воли.

Юный военачальник должен был, таким образом, забыть важность одобрения и доверия, которое ему оказывали его сограждане в соответствии с его храбростью и воинским умением; главное же — чтобы

он включил в свое мировоззрение новое отношение к божеству. Греческие боги были слишком многочисленны, разнообразны и наглядны, чтобы внушать подобную идею власти. К тому же они вовсе не претендовали на то, чтобы руководить поведением людей или лепить их по подобию своему. Сократ, Платон и даже Аристотель, наставник Александра, исследовали главные правила мудрости вне всякой теологии.

Александр, как и весь его народ, неясно представлял себе единосущность божественного, тем не менее вдохновлялся таким мировоззрением и старался примирить две великие традиции, которые господствовали каждая на своем континенте, словно поделили между собою весь мир. А политическое и культурное единство, о котором мечтал завоеватель, было возможно лишь при условии, что Запад воспримет теологические концепции Востока.

Култ Ахурамазды под растущим влиянием учения Заратуштры постепенно вытеснял другие божества. Единобожие завоевывало умы. Несмотря на глубокое стремление к политическому единству, несмотря на открытие для себя природы царской власти, произошедшее вскоре после перехода через Дарданеллы, Александр не мог примирить концепции обеих цивилизаций в отношении божественного. И потому возникли раздвоение и тревога, которые не покидали юного воителя до самой его смерти в Вавилоне...

И умер он в городе Великой башни от лихорадки, а не на поле боя, в центре Востока, а не в родной Македонии. Вавилон овладел им не для того, чтобы победить, а чтобы поглотить его в загадочном своем величии, как это сделано было с Киром, когда он впервые вступил в этот город в зените своей славы. И могилу Александра замкнули боги Вавилонии, такие чужие богам Греции.

После первых же набегов персов на континент греки поняли, однако, что бог, культ которого провозглашали персы, стоял выше их местных богов. Эти последние были привязаны к каждому городу, к каждой деревне, к лесу, тропинке, роднику, реке, к каждому проливу моря. Бог персов, наоборот, был одновременно материальным и духовным, он господствовал над другими богами, и преклонение перед ним являлось ключом понимания Вселенной. Так, жрецы Аполлона всегда поддерживали армии Дария, они помогали персам материально и морально, надеясь, что в Греции победит религия потомков Кира. Быть может, они помнили о бережном отношении великого царя к служителям Аполлона в центре Лидии, в Магнесии?..

Александр своими неслыханными победами, приведшими его в центр

Азии, быть может, остановил наступление на Европу мировоззрения, первыми распространителями которого были цари Аншана и которое Ахемениды едва не привили по ту сторону проливов? Александр не смог осуществить это богословское объединение, необходимость которого предвидели персы. Из-за отсутствия восточной точки зрения на божественное, политическая организация, мужество на войне, чистота нравов, воля к единству и философская мудрость, составлявшие часть планов Александра, не смогли позволить ему осуществить свою мечту. Куда бы ни пошел он в своей огромной империи, куда бы ни привели его кампании и походы, всюду Александр наткнулся на это стремление к божественному единству, завоевывавшее мир надежнее, чем его армии...

Александр явился в долину Пасаргад, в бывший лагерь персов, поздно вечером. Он остановился перед могилой Кира. Массивный саркофаг был установлен в небольшом храме, на золотой пластине, положенной поверх цоколя, насчитывающего шесть ступеней. И хотя маги охраняли его уже давно, памятник был поврежден. Македонянин повелел закрыть вход в храм тяжелым камнем. Затем в сопровождении своего историографа, Аристобула, он вошел в помещение, где покоился основатель Персидской империи.

Эпитафия, начертанная неизвестно кем, казалось, была обращена к человеку, который придет издалека и по своим заслугам будет сравним с тем, чьи останки хранились в саркофаге. Напомнив о своем царском титуле Ахеменида и о том, что он сделал на благо персов, Кир, казалось, хотел сказать, что после него никто не сможет повторить то, что он совершил.

Заметил ли Александр высеченную в камне розетку, знак поклонения Ахурамазде, символизирующую барьер, который разделяет двух завоевателей, восточного и западного? Знак этот напоминал, что македонский воитель никогда не сможет покорить азиатскую душу. Так, несмотря на желание подчиниться восточному мировоззрению, Александр был лишен возможности одержать единственную победу, к которой так стремился.

А вот Кир понял секрет монархии и проник в самую глубину восточной духовности. И, лежа в гробу, великий царь, казалось, предупреждал, чтобы никто не пытался сравниться с ним и лишить его того, что принадлежало ему навеки, — земли персидской:

Я, Кир, царь, Ахеменид.
О человек, кто бы ты ни был,
Откуда бы ты ни пришел,

Ибо я знаю, что ты придешь —
Я, Кир, тот, кто даровал царство персам.
Не оспаривай у меня
То единственное, что у меня еще осталось:
Ничтожную горсть земли,
Что покрывает мое тело.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИРА ВЕЛИКОГО

Около 593 г. до н. э. — родился Кир II Великий, сын Камбиса I из династии Ахеменидов.

585 г. до н. э., 28 мая — подписание мира между Мидийским царством и Лидией. Определение границы между государствами по реке Галис (ныне Кызыл-Ирмак).

573 г. до н. э. — захват Навуходоносором финикийского города Тира. Казнь правителя города Хирама.

571 г. до н. э., весна — умер пророк Иезекииль.

570 г. до н. э. — Солон Афинский совершил поездку в Сарды.

566 г. до н. э. — лидийский царь Алиатт пытается подчинить себе Карию, провинцию, расположенную между городами Милет и Фокея, на юго-западе Малой Азии, что позволило бы караванам из Сард выходить напрямую к морю. Разрушение города Смирны.

561 г. до н. э. — умер лидийский царь Алиатт.

559 г. до н. э. — Кир Великий стал царем персидских оседлых племен, среди которых главенствующую роль играли пасаргады. Кроме них в союз входили также марафии и маспии.

556 г. до н. э. — Набонид воссел на троне Вавилона.

555 г. до н. э. — войны вавилонского царя Набонида в Сирии и Палестине.

553 г. до н. э. — восстание персов во главе с Киrom против Мидии, которое завершилось пленением царя Мидии Астиага и захватом мидийской столицы Экбатаны.

553–551 гг. до н. э. — взятие Харрана халдеями, восстановление храма Эхульхуль.

550 г. до н. э. — чилийский царь Астиаг отрекся от престола в пользу Кира.

549 г. до н. э. — Кир захватил весь Элам и сделал главный город этой страны Сузы своей столицей.

548 г. до н. э. — Киrom покорены страны, входившие в состав бывшей Мидийской державы: Парфия, Гиркания и, вероятно, Армения.

547 г. до н. э. — лидийский царь Крез вторгся в Каппадокию, ранее принадлежавшую мидянам, а затем перешедшую под власть персов. Кровавопролитная битва на реке Галис. Нападение Кира на Лидию, захват

Сардов и пленение царя Креза.

545–540 гг. до н. э. — Дрангиана, Маргиана, Хорезм, Согдиана, Бактрия, Гедросия, Арахосия и Гандахара вошли в состав державы Ахеменидов.

542 г. до н. э. — царь Вавилона Набонид повелел перевезти в столицу изображения главных богов из крупных городов империи. Религиозная смута в Вавилоне.

539 г. до н. э., весна — персидская армия выступила в поход против Вавилона и начала продвигаться вниз по долине реки Диалы. *Август* — битва на берегах Тигра, близ Описа, города, получившего позднее название Селевкии. Кир одержал здесь победу над пасынком Набонида Бершалусуром (Валтасаром).

Октябрь — войска Кира взяли без боя хорошо укрепленный город Сиппар.

12 октября — также без боя Кир овладел Вавилоном. Он начинает именовать себя «царем Вавилона, царем стран».

538 г. до н. э., весна — празднование Нового года в Вавилоне. Торжества возглавляет сын Кира Камбис. Кир провозглашает закон о всеобщей свободе и возможности возвращения переселенных народов на свои земли.

537 г. до н. э. — возвращение иудеев в Иерусалим. Начало восстановления храма.

530 г. до н. э. — Кир, сделав своего сына Камбиса царем Вавилона, начинает новый поход на Восток против массагетов — кочевников, обитавших в степях между Каспийским и Аральским морями, на северо-восточных границах его державы. Смерть Кира.

ISBN 5-235-02821-X

9 785235 028210 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

notes

Примечания

Имеются в виду библейские жанры. (*Прим. пер.*)

Здесь и далее приведены даты, относящиеся к событиям, произошедшим до нашей эры. (*Прим. ред.*)

Ис. 39: 5, 6.

Цит. по: Maspero G. Histoire ancienne des peuples d'Orient. Paris, 1909.

Ис. 36: 4-18.

Ис. 5: 26–29.

Ис. 37: 7.

4 Цар. 19: 35, 36.

Геродот. II, 141.

Цит по: Maspero G. Op. cit.

Цит по: *Roux G. La Mesopotamie*. Paris, 1985.

Иона. 3: 4.

Соф. 2: 13.

Наум. 1: 14.

Цит по: Dhorme E. Cyrus le Grand. Revue biblique. 1924. (Прим. пер.)

2 Пар. 35: 21.

2 Пар. 35: 22.

Иер. 46: 5, 6, 10.

Наум. 1: 13–15; 3: 1, 19.

Соф. 2: 13.

Дан. 1: 4.

Иер. 22: 18, 19.

2 Пар. 36: 5, 6.

Иез. 19: 3.

Иез. 1: 4-21.

Иез. 21: 21.

Иер. 37: 9, 10, 7.

Иер. 38: 17.

Иер. 39: 2, 3.

4 Цар. 25: 14, 15.

4 Цар. 25: 18, 19.

4 Цар. 25: 24.

Иер. 40: 1–4.

Иез. 17: 18.

Иез. 39: 27.

Иер. 27: 6, 8.

Пс. 136: 1–6.

Цит по: Rutten M. Presticje de Babylone. Pans, 1958.

Ibid.

Под халдейским языком у автора здесь и далее следует понимать восточноевропейский аккадский язык, на котором сделаны и ассирийские, и вавилонские царские надписи. Баб-илу — «ворота бога». (*Прим. пер.*)

Цит по: Tabouis G. R. Nabuchodonosor. Pans, 1931.

4 Цар. 25: 27–30.

Имеются две различные надписи. Первая — на древнеперсидском, найдена в Пасаргадах, на могиле Кира. Вторая содержит 45 строк на халдейском языке, начертана на глиняном цилиндре.

Иер. 5: 15, 16.

Согласно Геродоту, Рага находилась близ современного Тегерана.

Геродот. I, 107–122.

Ксенофонт. Киропедия, I, II, 1, 2.

Там же. I, III, 16, 17.

Там же. I, VI, 42.

Там же. И, I, 14–18.

Там же. I, VI, 44, 46.

Равнопочитаемые представители высшей знати. (*Прим. пер.*)

Геродот. I, 98.

Там же. I, 99.

Запись, подтверждающая арийское происхождение Ариарамны, была найдена в Накши Рустаме, а запись о его царском звании — в Хамадане (Экбатане).

Там же. I, 73.

Геродот. I, 17.

Там же. I, 21, 22.

Архонт (греч. *archon* — начальник, правитель) — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

Николай Дамасский. Цит. по: Georges Radet. La Lydie et le monde grec au temps des Mermnades. Paris, 1892.

Геродот. 1, 49.

Там же. 1, 71.

Ксенофонт. Киропедия, VI, II, 26–29.

Геродот. I, 155.

Там же. I, 141.

Речь идет, по-видимому, о Кирополе, ныне находящемся в развалинах.
(Прим. пер.)

В Библии: Адраазар, царь Сува. (*Прим. пер.*)

2 Цар. 10: 19; 8: 4.

Исх. 13: 21.

Пс. 148: 1–6.

Цит. по: Oppenheim L. La Mésopotamie, portrait d'une civilization. Paris, 1970.

Am. 5: 19.

Мина — мера веса (греч. *mina*), денежная и счетно-весовая единица Древнего Востока и античной Греции. В разных странах имела различное весовое содержание — от 400 до 600 граммов. (*Прим. пер.*)

Втор. 15: 3.

Полный текст опубликован в книге: Britchard J. B. Ancien Near Eastern Texts relating to the Old Testament. Princeton University Press, 1995.

Ксенофонт. Киропедия, V, II, 16–18.

Там же. VII, V, 7.

Дан. 5: 1–9.

Дан. 5: 26–28.

Иер. 29: 10.

Ксенофонт. Киропедия, VII, V, 22, 23.

Геродот. I, 178.

Там же. I, 181, 182.

Цит. по: Rutten M. Bahylone. Paris, 1958.

Иер. 29: 5, 6.

Иез. 20: 32, 34.

Втор. 4: 27, 28.

Пс. 136: 8, 9.

Иер. 29: 10, 14.

Иез. 37: 21–26.

Иез. 28: 26.

Иез. 14: 14–16.

Иез. 18: 2–4, 20

Иез. 1: 26–28.

Ис. 41: 2.

Ис. 41: 25.

Ис. 42: 1.

Ис. 42: 3.

Ис. 42: 2.

Ис. 45: 7.

Ис. 45: 5, 6.

Ис. 42: 6.

Ис. 45: 1–4.

Там же. 44: 28.

Ис. 46: 11; 48: 15; 45: 13.

Ис. 42: 4.

Езд. 1: 2, 3, 4.

Езд. 1: 7, 8.

4 Цар. 17: 27.

2 Пар. 30: 6.

Езд. 4: 2.

Ис. 56: 6. В примечаниях автор поясняет, что в Книге пророка Исайи главы 1—39 принадлежат одному пророку, главы 40—55 — другому, а главы 56—66 — третьему. (Прим. пер.)

Агг. 1: 9, 10.

Езд. 4: 3.

Пс. 22: 29.

Пс. 45: 7.

Агг. 2: 22.

Талмуд. Берахот Рабба, 111, 9.

Талмуд. Мидраш Тахнума, 36, 1.

Талмуд. Берахот Рабба, III, 9.

2 Пар. 20: 6.

Ксенофонт. Киропедия, VIII, III, 9—18.

123

Первый среди равных (*лат.*).

Cm.: Delaunay J. A. L'araméen d'empire et les débuts de l'écriture en Asie centrale // *Akta Iranica*. Ire série. Vol. II. Leyde, Brill., 1974.

Цит. по: Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1997. С. 130–131. (Прим. пер.)

Там же. С. 139.

Там же. С. 152.

Геродот. III, 3.

Там же. I. 201, 203.

Ксенофонт. Киропедия, VIII. 3.

Там же.

Авеста. Ясна. 34, 31, 51.

Геродот. I. 206.

Там же. I. 207.

Там же. I. 209.

1 Езд. 6: 3–5.